

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Вульфович Борис Григорьевич

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММЕНТАРИЯ КАК
КОМПОНЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Катермина Вероника Викторовна

Краснодар – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 Теоретические основы дискурса. Политический интернет-дискурс: прагмалингвистический аспект	11
1.1 Дискурс: теоретические основы	11
1.2 Политический дискурс: подходы к изучению и пониманию	20
1.3 Репрезентация политического дискурса в интернет-среде: интеграция с интернет-дискурсом	30
1.4 Интернет- и политическая лингвистика: теоретические основы	42
1.5 Социальная сеть «Твиттер» через призму политического интернет-дискурса ..	49
Выводы к первой главе	56
2 Трехкомпонентный анализ интернет-комментариев	59
2.1 Стратегии и тактики и в дискурсивных практиках: общий обзор. Интернет- комментарии и их смысловая значимость	61
2.2 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: классификация по принципу текстопорождения	75
2.3 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: конвенциональные/неконвенциональные стратегии	95
2.4 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: классификации по принципу введения новой информации и акцентирования внимания читателя	104
2.5 Применение теории речевых актов в лингвопрагматике	113
2.6 Прикладная значимость теории речевых актов для выявления характерных особенностей интернет-комментариев	120
Выводы к главе 2	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	136

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент главенствующей парадигмой в языкознании является антропоцентрическая. В отличие от сравнительно-исторической и структурной, она включает в себя новую черту, а именно ориентацию на человека как субъекта, производящего речевой акт.

На сегодняшний день все современные исследования опираются на данный принцип, вследствие чего увеличилась роль смежных дисциплин, возникших из объединения различных наук (например, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии и др.).

В связи с ростом антропоцентрических исследований в современной филологии, возрос и интерес к произведениям обычного человека – человека, не занимающего какое-либо место в иерархии СМИ, или массмедиа. Благодаря распространению Интернета такие люди получили возможность свободно выражать своё мнение в Сети, следовательно, их сообщения лишены какого-либо «избыточного» оттенка. Тем самым они пробуждают интерес к дальнейшему исследованию их отношения к выражаемой ими мысли, а именно к её лингвопрагматике.

Центральными в предлагаемой работе являются следующие базовые понятия языкознания: языковая личность, дискурс, интернет-дискурс и политический дискурс, наряду с коммуникативными стратегиями и тактиками, которые, несмотря на свои достаточно чётко обозначенные цели применения, классифицируются разными учёными неоднозначно.

Актуальность обусловлена необходимостью разработки и внедрения новых методов изучения речевого взаимодействия применительно к Интернету, поскольку они в совокупности оказывают влияние на формирование политических взглядов в обществе посредством интернет-пространства. Результаты исследования могут открыть широкие перспективы в разработке теории политического дискурса.

Объектом исследования являются тексты комментариев пользователей социальной сети «Твиттер» к постам Бориса Джонсона по теме “Brexit” (выход Великобритании из Евросоюза).

Предмет исследования – лингвопрагматический и лингвостилистический потенциал комментариев в политическом интернет-дискурсе.

Цель работы – проанализировать тексты комментариев участников интернет-дискурса с описанием стратегий, тактик и средств лингвистической выразительности для выявления их лингвопрагматического потенциала в реализации политического дискурса.

Цель диссертационного исследования обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

- 1) определить статус комментария как особого компонента интернет-дискурса;
- 2) определить средства стилистической выразительности, посредством которых раскрывается лингвопрагматический потенциал рассматриваемых комментариев;
- 3) охарактеризовать лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев в рамках теории речевых актов;
- 4) описать стратегии и тактики, применяемые при составлении комментариев, рассмотреть характеристики и свойства комментариев.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в том, что в исследовании:

- изучены комментарии участников интернет-дискурса с позиции их лингвопрагматического потенциала как выражения общественного мнения по вопросам политики;

- описаны стилистические особенности комментариев с целью выявления интенций участников политического дискурса;

- представлена самостоятельно разработанная методика комплексного анализа (лингвопрагматический аспект в совокупности с лингвостилистическим аспектом) комментариев участников политического дискурса в рамках теории речевых актов.

Теоретической базой исследования послужили идеи и концепции ученых в области:

– дискурсологии (М.Л. Авакова, Н.Ф. Алефиренко, А.Р. Аракелова, А.Ю. Багиян, О.Н. Будняя, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, С.Н. Бредихин, С.Г. Воркачев, Т.М. Грушевская, В. Гумбольдт, Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, И.Т. Касавин, В.В. Катермина, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, А.М. Прима, Е.Н. Рядчикова, П. Серио, Г.Г. Слышкин, Т.А. Ширяева, Н.Ю. Фанян и др.);

– политического и интернет-дискурса (Г.Л. Акопов, А.Г. Алтунян, Е.Ю. Алешина, Е.В. Бирюкова, Е.В. Варламова, Е.В. Горбачёва, К.Е. Гурин, Е.Ч. Дахалаева, В.З. Демьянков, И.А. Дьяченко, М.Р. Желтухина, А.А. Карамова, О.Л. Михалева, Р.В. Патюкова, А.В. Татаринов, В.И. Тхорик, З.З. Чанышева, А.В. Чижик, Е.И. Шейгал и др.);

– политической и интернет-лингвистики (А.П. Атягина, Н.А. Ахренова, Г.Ю. Богданович, О.И. Воробьева, Е.Н. Галичкина, Е.А. Гончарова, Е.И. Горошко, А.А. Романов, А.П. Чудинов и др.);

– лингвопрагматики (Д.Р. Аكوпова, Н.Г. Асмус, А.И. Башук, Г.К. Гималетдинова, С.Ж. Ергалиева, О.С. Иссерс, О.С. Кудимова, Г.Г. Матвеева, Е.В. Милосердова, А.А. Никитенко, О.Н. Паршина, Е.В. Рублева, М.С. Рыжков, И.В. Савельева, С.В. Серебрякова, У. Анна, А.Л. Факторович, Л.С. Чикилева, Д.С. Шипилова и др.);

– теории дискурса, политического дискурса и методов взаимодействия (Д.Р. Аكوпова, Н.Ф. Алефиренко, Е.Ю. Алешина, Н.В. Андрюхина, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, Л.Г. Васильев, К.С. Гаджиев, Е.А. Гончарова, Е.И. Горошко, В.В. Дементьев, И.А. Дьяченко, В.И. Карасик, И.Т. Касавин, В.Б. Кашкин, В.В. Красных, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, Д.А. Максимов, Г.Н. Манаенко, Г.Г. Матвеева, М.С. Матыцина, О.Л. Михалева, А.А. Романов, П. Серио, А.В. Чижик, J.E. Joseph, J. Sinclair, R.M. Coulthard и др.);

– тактики и стратегии в дискурсивных практиках (С.Ж. Ергалиева, Ю.Н. Караулов, А.А. Каширин, О.С. Кудимова, Г.Г. Матвеева и М.В. Лесняк,

В.Г. Перцева, М.С. Рыжков, И.В. Савельева, М.Г. Цуциева, О.П. Шевченко (Малышева), R. Wodak, V. Forchtner и др.);

– социальной сети «Твиттер» и её лингвопрагматических аспектов (А.П. Атягина, Г.Л. Акопова, Е.И. Горошко, Е.А. Гончарова, Е.В. Милосердова, И.Е. Минтусов, Ю.С. Сабаева, В.Д. Савенков, А.В. Чижик, Л.С. Чикилева, Д.С. Шипилова, Т.Е. Янко и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в создании модели трехкомпонентного анализа лингвопрагматического потенциала интернет-комментариев, в рамках которого возможно установление отношения части общества пользователей социальных сетей) к политическим событиям посредством определения стратегий и тактик, через выявление типов речевых актов, а также стилистических средств выразительности.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения её результатов при обучении английскому языку в высших учебных заведениях, при чтении курсов по стилистике языка, теории коммуникации, межкультурной коммуникации, при разработке методических материалов по лингвокультурологии, прагматике, прагма- и паралингвистике.

Материалом для исследования послужили комментарии в социальной сети «Твиттер» к постам Бориса Джонсона, посвящённым выходу Великобритании из ЕС. Всего было проанализировано 1 000 комментариев к 5 постам Бориса Джонсона, что составляет 24406 лексических единиц.

Основными методами исследования в работе являются такие общенаучные методы, как обобщение, т.е. осуществление логического перехода от единичных особенностей комментариев к общим; анализ, предполагающий трёхкомпонентное рассмотрение комментариев (через описание стратегий и тактик, теории речевых актов и их лингвостилистической принадлежности); синтез, являющийся объединением двух предыдущих методов и резюмирующий суждения, полученные в результате их применения. Все приведённые методы служат для научно обоснованного построения хода исследования.

Среди лингвистических методов, применённых в работе, целесообразно выделить метод наблюдения над языковым материалом (в свойственном ему контексте), количественные подсчёты (выражение полученных результатов в схемах и графиках), дискурс-анализ (анализ функционирования материала для исследования в свойственном ему виде дискурса), методы частичной выборки (выбор актуального и релевантного для исследования материала), контекстуального анализа (анализ языковых единиц непосредственно в их контексте), системно-описательный метод (выработка трёхкомпонентной процедуры анализа интернет-комментария), контент-анализ (фильтрация материала для исследования по содержанию), элементы метода лексико-семантического описания.

На защиту выносятся следующие положения диссертационного исследования:

1. Комментарий – это особый компонент интернет-дискурса, который представляет собой реакцию представителей социума на какой-либо внешний или внутренний стимул. Являясь особым видом текста, комментарий содержит в себе значительный объём эксплицитной информации, которая превалирует над имплицитной, и в дальнейшем может быть использована для получения различной информации как о предмете комментирования, так и об авторе комментария.

2. Интернет-комментарии характеризуются через описание стратегий и тактик, использованных в процессе их создания, цель которых – то или иное воздействие на адресата и получение желаемого результата. Стратегии и тактики, реализуемые в рассмотренном массиве комментариев, классифицированы по следующим критериям: по принципу текстопорождения, методу воздействия на читателя (потребителя интернет-контента в данной тематической области на определённом ресурсе Сети), по принципу введения новой информации и способам акцентирования внимания читателя. Комплексный анализ данных стратегий и тактик позволяет раскрыть лингвопрагматический потенциал, заложенный в отобранном массиве комментариев.

3. Для выражения эмоциональности, а также привлечения внимания читателя в комментариях, используются разнообразные стилистические средства, которые представлены на разных уровнях: графическом (хештеги, избыточные знаки препинания, капитализация и др.), фонетическом (ассонанс), морфологическом (использование обобщающих форм местоимений, императивов, различных временных форм глаголов с целью их стилистического выделения, аграмматизм и др.), лексическом (использование слов в несвойственном им контексте, лексические повторы, употребление обценной лексики; окказионализмы, идиомы, эпитеты и др.), синтаксическом (парцелляция, многоточие, инверсия, риторические вопросы и др.).

4. Речевые акты, лежащие в основе интернет-комментариев, представлены тремя видами: асертивами, директивами и экспрессивами. Использование именно этих типов речевых актов объясняется характером комментариев. Как правило, реакция общества на то или иное событие заключается либо в ответной реакции с точки зрения выражения согласия или несогласия (асертивы), либо в стремлении тем или иным образом изменить уже принятое решение и повлиять на говорящего (директивы), либо в выражении эмоций относительно обсуждаемого вопроса, не преследующих какой-либо конкретной задачи (экспрессивы).

Гипотеза исследования: лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев в области политического дискурса представляет собой значительный объём эксплицитной информации, превалирующей над имплицитной, которая может быть раскрыта через рассмотрение трёх составляющих комментария: использование определённого набора стратегий и тактик, направленных на оказание конкретного эффекта на аудиторию; употребление средств стилистической выразительности, которые позволяют усилить эффект, производимый комментарием, и, более того, осуществить манипулятивное воздействие на читателя; применение разного рода речевых актов, характеризующих первоначальные интенции автора.

Основные положения диссертационного исследования **апробировались на конференциях:** «V Всероссийский форум молодых политологов» (Москва, 2018),

“5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018”, «IV Международная научно-практическая очно-заочная конференция» (Краснодар, 2019), «Международный филологический конгресс» (Краснодар, 2020), «IX Международная научная конференция» (Москва, 2020), а также опубликованы в *сборниках научных трудов*: «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (Краснодар, 2019), *научных журналах*: «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» (2019), «Политическая лингвистика» (Краснодар, 2019), «Известия ЮФУ» (2020), «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» (2021). По теме диссертации опубликовано 10 статей, из них статьи в изданиях перечня ВАК – 4, РИНЦ – 6.

Структура диссертации: исследование состоит из введения, двух глав, включающих параграфы, заключения и списка используемой литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы работы, описывается научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи работы, приводится описание источников и материалов для исследования, показывается структурное разделение работы.

В **первой главе** освещаются теоретические основы дискурса как одного из основных предметов изучения современного языкознания. Внимание акцентируется на политическом и интернет-дискурсе, а также на их взаимосвязи и интеграции. Отдельно выделяются стратегии и тактики, которые используются в рамках политического интернет-дискурса, и их лингвопрагматический потенциал. В конце главы объясняется выбор социальной сети «Твиттер» в качестве основного источника материалов для анализа.

Вторая глава заключается в рассмотрении примеров реализации на практике стратегий и тактик, представленных в первой главе. Материалом для анализа являются комментарии, оставленные к постам Бориса Джонсона в социальной сети «Твиттер». На их примерах демонстрируется, как они могут хранить в себе лингвопрагматический потенциал, заложенный автором.

В заключении актуализируются общие выводы о проделанной работе, определяются области потенциального использования полученных её результатов и возможности дальнейшего изучения и разработки данной проблематики.

Список литературы содержит используемые и цитируемые в диссертации научные труды, использованные в работе словари, издания периодической печати и интернет-ресурсы.

1 Теоретические основы дискурса. Политический интернет-дискурс: прагмалингвистический аспект

Данная глава посвящена современным подходам к пониманию дискурса. Особое внимание уделяется политическому дискурсу, который является основным в нашей работе. Более того, рассматривается интеграция политического дискурса с интернет-пространством, а также уделяется внимание стратегиям и тактикам в дискурсивных практиках в их связи с теорией речевых актов и лингвопрагматикой. В конце главы рассматривается социальная сеть «Твиттер» как основной источник практического материала для изучения лингвопрагматических особенностей политического дискурса на примере интернет-комментариев.

1.1 Дискурс: теоретические основы

Изучение дискурса на сегодняшний день является одним из основных направлений языкознания. Являясь многоаспектным и многогранным понятием, дискурс получил разнообразные толкования в современной лингвистике. Вопросами изучения дискурса занимались такие исследователи, как Д.Р. Аконова, Н.Ф. Алефиренко, Е.Ю. Алешина, Н.В. Андрюхина, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, Л.Г. Васильев, К.С. Гаджиев, Е.А. Гончарова, Е.И. Горошко, Т.В. Семёнова, М.В. Суворова, П. Серио, Т. van Dijk, К. Krippendorff, J. Sinclair, J. Toward и др.

Согласно определению Т. ван Дейка, дискурс – «специфическая форма социального взаимодействия, понимается как завершённое коммуникативное событие в социальной ситуации» [173, р. 164]. Как считает учёный, дискурс характеризуется обязательно законченным событием с точки зрения коммуникации в рамках социального взаимодействия. Исследователь рассматривает дискурс как процесс взаимодействия между осуществляющим какую-либо деятельность субъектом и другими субъектами, которые при этом связаны между собой.

В.З. Демьянков полагает, что дискурс представляет собой текст, прошедший через сознание своего отправителя и, следовательно, обладающий его личными и лингвокультурными свойствами [54; 55].

Как считает Н.Д. Арутюнова, «дискурс (от франц. *discourse* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [14, с. 136–137].

Данное определение дополняет предыдущее указанием на психологические факторы; автор делает акцент на том, что дискурс связан с моментом «здесь и сейчас», что делает его «погружённым в жизнь». В отличие от текста, «застывшего» во времени и пространстве, дискурс, реализуя свою прагматическую функцию, находится в непрерывном движении, тем самым репрезентируя свои экстралингвистические свойства, указанные в данном определении.

Более того, дефиниция дискурса Н.Д. Арутюновой пересекается с определением, предложенным В.Е. Чернявской: «под дискурсом следует понимать текст(ты) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой формальной структуры – текста. В зависимости от исследовательских задач дискурс в одном случае обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [155, с. 114].

Исследователь отмечает компонент ситуативности дискурса: это речь, которая не только погружена в конкретную речевую ситуацию, но ещё и хранит в себе определённые факторы, характеризующие, помимо самого контекста её происхождения, прагматические и личностные черты её автора. Дискурс в конечном счете приводит к формированию текста как совокупности определённых коммуникативных актов.

Согласно мнению В.Г. Борботько, «дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [27, с. 8]. Учёный акцентирует внимание на том, что текст не всегда представляет собой связную речь и что текст является более общим понятием по отношению к дискурсу, поскольку дискурс всегда является текстом, но текст не всегда является дискурсом.

Как считает Ю.С. Степанов, дискурс является «мысленным альтернативным миром» и связан с мифологическим слоем в языковой культуре. Исследователь утверждает, что «<...> каждый мир альтернативен какому-нибудь другому и всем другим вообще. “Неальтернативных миров” нет. <...> Каждый альтернативный мир населён своими собственными персонажами – “существами” и “вещами”, имеющими свои особые качества; в каждом мире могут совершаться лишь ему присущие “действия”, происходить лишь в нем возможные “события”» [142, с. 740]. Согласно мнению учёного, дискурс выступает в роли некоего «другого» мира, в котором присутствуют вещи, обладающие уникальными качествами и свойствами, которые также могут совершать какие-либо действия, вследствие которых они перерастут в события. В дальнейшем эти события могут подвергаться различным видам анализа.

Французский лингвист Э. Бенвенист полагает, что дискурс представляет собой «акт речи», «язык в действии», который соединяет язык и присваивающего его человека [24]. Таким образом, дискурс находится в своего рода отрыве от грамматического строя языка, поскольку он предстаёт перед нами погружённым в речевую ситуацию.

П. Серио представляет 8 дефиниций термина «дискурс»:

1. То же, что и понятие речь у Ф. Соссюра, т.е. любое определённое высказывание.
2. Единица, которая по размеру превышает фразу или высказывание в глобальном смысле.
3. Воздействие высказывания на его получателя (точка зрения прагматики).
4. Беседа как основной тип высказывания.
5. Речь, которая присваивается говорящим, в противоположность «повествованию» (по Э. Бенвенисту).
6. Диверсификация языковых единиц на уровне «язык/речь».
7. Система ограничений, наложенных на неограниченное число высказываний.
8. Теоретический компонент для изучения условий текстопроизводства [134, с. 9–10].

М.Ю. Олешков считает, что «под дискурсом следует понимать процесс речевой деятельности говорящего (монолог)/говорящих (диалог), в котором представлен набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т. п. смыслов; фактически, дискурс – это форма (способ) реализации текста». Таким образом, «дискурс составляют единицы речевой деятельности (речевые акты, высказывания), обладающие характеристиками: 1) синтаксическими (план выражения – структура); 2) семантическими (план содержания – значение); 3) прагматическими (план сообщения – перлокуция)» [104].

Как считает исследователь, дискурс представляет собой одну из форм реализации текста, которая, помимо непосредственно входящей в него информации, включает в себя добавочные (коннотативные) сведения: социокультурные, стереотипные, прецедентные и другие. Дискурс – это речевой акт (монолог или диалог), имеющий план выражения и план содержания, а также хранящий в себе единицы прагматического характера.

В.Б. Кашкин понимает термин «дискурс» как «процесс и результат деятельности субъекта и взаимодействия субъектов, языковых (коммуникативных, дискурсивных) личностей» [75].

Некоторые исследователи достаточно лаконичны в своих определениях, как, например, А.А. Кибрик, который отмечает, что «дискурс – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [76, с. 4]. Такой подход к определению понятия «дискурс» можно назвать наиболее общим. Автор подразумевает, что понятие «дискурс» содержит в себе формы использования языка. Однако при этом автор не уточняет, какие формы использования языка могут быть приведены в качестве примеров, тем самым мы отмечаем, что данное определение носит общий характер и нуждается в дополнительных пояснениях и комментариях.

Являясь многогранным образованием, дискурс исследуется многими исследователями и имеет значительное количество дефиниций и трактовок; при этом нельзя утверждать, что какая-либо отдельно взятая черта дискурса является универсальной: «Дискурс является объектом междисциплинарного изучения. Общепринятого определения дискурса на данный момент не существует» [2, с. 11]. Напротив, вся система понимания дискурса, представленная в современной лингвистике, является взаимодополняющей: «Понятие “дискурс”, ставшее широкоупотребительным как в специальных текстах, так и в обыденной речи, отличается разнообразием подходов, акцентирующих внимание на различных аспектах дискурса. Представляется, что любое понимание дискурса не имеет права претендовать на статус исключительного в связи с его релевантностью для ограниченного круга исследований» [130, с. 15].

Согласно мнению исследователя, ни одно из существующих на сегодняшний день определений дискурса не может считаться исключительно правильным и корректным по отношению к другим понятиям. «Несмотря на то, что изучение дискурса уже продолжается более полувека, исследователи-лингвисты определяют термин дискурс с разных позиций, и на современном этапе он не имеет чётких рамок» [147, с. 19].

Как считает А.М. Прима, «определение понятия “дискурс” представляет значительные сложности в силу того, что оно оказалось на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и многих других» [118, с. 128].

Действительно, междисциплинарность данного понятия указывает на его активное взаимодействие со смежными науками. Такое количество связей, несомненно, будет вызывать трудности для определения понятия «дискурс», поскольку каждая дисциплина рассматривает его через призму своих научных представлений и понятий.

Многозначность термина «дискурс» может быть проиллюстрирована с помощью «Краткого словаря терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

- 1) связный текст;
- 2) устно-разговорная форма;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [102, с. 467].

В данном определении автор попытался обобщить основные критерии понятия «дискурс»: под связностью текста понимается тот факт, что текст, её лишённый, не может считаться дискурсом; устно-разговорная форма предполагает включённость дискурса непосредственно в контекст речевой ситуации, а не «фиксацию» в письменной форме; следующая черта дискурса – диалогичность – происходит из устно-разговорной формы, поскольку реализуется в её функциональной области; также это может быть и группа высказываний, обязательно связанных между собой общим контекстом.

Безусловно, такое разноплановое понимание понятия «дискурс» явилось толчком к классификации основных типов дискурса.

Например, такую попытку предпринимает Якоб Торфинг и выделяет три поколения теорий дискурса: теории первого поколения описывают дискурс в узко-лингвистическом смысле, т.е. характеризуют его в качестве текстовой единицы как разговорного, так и письменного языка, акцентируя внимание на семантических аспектах письменного или устного текста. Второе поколение уже трактует дискурс в более широком понимании; оно не ограничивает области его применения только письменным или разговорным языком, наоборот, возможности изучения дискурса расширяются до рассмотрения социальных практик. В третьем поколении внимание фокусируется на действующих политических практиках и имеет подчеркнутый постструктуралистский характер, где дискурс уже понимается как практика социального конструирования [187].

По мнению исследователя, от изначально узкого понимания дискурса произошёл переход в сторону всеобъемлющего. Второе поколение его развития является переходным, поскольку снимается ограничение на рассмотрение дискурса как только устного или письменного языка. В конечном результате дискурс уже рассматривается в качестве практик социального конструирования.

Дискурс реализуется в трёх ипостасях:

- 1) текстуально-фактологической (совокупность речевых произведений или текстов, которые представлены в историческом опыте языка);
- 2) концептуально-парадигматической (своего рода внутренние «нормы» дискурса; они определяют принципы внутренней организации единицы дискурса);
- 3) коммуникативно-деятельностной (как постоянный опыт реализации факторов дискурса в коммуникативном опыте индивида) [152].

В текстуально-фактологическом формате дискурс представлен языком в виде текста, который сохранён в исторической памяти языка. Это текст, который был составлен в процессе развития языка и который остался впоследствии закреплённым в нём.

Концептуально-прагматический аспект характеризует язык как ментальную структуру, которая включает в себя компоненты, структурирующие принципы и

критерии организации единиц дискурса. Благодаря им, дискурс не предстаёт перед нами в хаотичном виде; напротив, он опирается на определённые нормы.

В последнем аспекте дискурс характеризует язык как речевую деятельность; под этим подразумевается уже непосредственная реализация дискурса в процессе общения индивида с кем-либо.

В нашей работе мы будем придерживаться классификации В.И. Карасика, который разделяет виды дискурса на следующие категории:

1. Институциональный: педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский.
2. Бытийный: может быть прямым (любые виды логических умозаключений) и опосредованным (символическое развитие идеи через описание и повествование).
3. Прагмалингвистический: юмористический и ритуальный [69].

Приведённая классификация наиболее ярко и точно описывает основные виды дискурса.

Институциональный дискурс связан непосредственно с различными социальными институтами и сферами их реализации; обычно участники такого вида дискурса – это представители какого-либо института и люди, которые к ним обращаются: образование (примером данного социального института может быть взаимодействие студента и преподавателя, экзаменатора и экзаменуемого и т.д.), религия (в данном случае можно рассмотреть религиозный дискурс, например дискурс священника и прихожан), наука (научный дискурс – основной вид дискурса, представленный в виде научных работ, докладов, выступлений на конференциях и проч.), политика (политический дискурс является основным видом дискурса, рассматриваемым в нашей работе; он проявляет себя практически в любой ситуации, когда идёт взаимодействие политических деятелей – либо непосредственно между ними, либо их с другими группами лиц) и медицина (медицинский дискурс также является распространённым видом дискурса: отношения между врачом и пациентом и различные способы их проявлений всё время пребывают во взаимодействии в современном обществе).

Бытийный вид дискурса связан непосредственно с повседневными действиями (логические выводы, описания, повествования). Как правило, человек использует логические приёмы во время аргументации или доказательства чего-либо. Такие ситуации могут возникнуть во многих случаях, однако все они реализованы в сфере повседневности, поскольку именно в ней чаще всего возникает необходимость в аргументации. Описания также являются часто употребляемыми в бытовом дискурсе: люди могут описывать вещи, людей, природу и проч. Когда люди встречаются друг с другом, они «повествуют», то есть рассказывают о каких-либо событиях и мероприятиях из их жизни. Следовательно, этот вид дискурса также является бытийным, поскольку характеризует собой повседневную рутину.

Прагмалингвистический дискурс состоит из юмористического и ритуального видов дискурса и выражает человеческое отношение к действительности посредством знаков («юмор» и «ритуал»). Оба компонента, несмотря на свою семантическую разнонаправленность, взаимодействуют с индивидом семиотически, поэтому В.И. Карасик относит их в категорию непосредственно прагмалингвистического дискурса.

Н.Н. Миронова, разделяя идеи В.И. Карасика, классифицирует дискурс по сфере коммуникации и выделяет педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический, военный и родительский дискурсы [98].

Таким образом, дискурс понимается как цельное образование, элементы которого находятся в постоянной связи между собой. Большое количество попыток определения дискурса так и не привело к созданию универсальной дефиниции. Многие исследователи сходятся во мнении, что дискурс нельзя понимать однозначно. Своего рода компромиссным решением было предложение классифицировать дискурс по его основным функциональным направлениям, поскольку дискурс, несмотря на свою многоаспектность и многогранность, также может быть и «сжатым» до какой-либо сферы. В таком случае он становится институциональным и применяется к отдельно взятой области: дискурс – «вербально опосредованная деятельность в специальной сфере» [6, с. 41].

Вид дискурса, рассматриваемый в нашей работе – политический. Согласно классификации В.И. Карасика, это институциональный вид дискурса, стоящий в одном ряду с медицинским, педагогическим, религиозным и научным видами дискурсов.

1.2 Политический дискурс: подходы к изучению и пониманию

Политический дискурс – это разновидность дискурса, которая функционирует непосредственно в политической сфере, включая в себя всё происходящее внутри: «Одним из таких наиболее актуальных направлений в контексте современных гуманитарных наук, бесспорно, является исследование политического дискурса, который сегодня представляет собой одну из разновидностей дискурса, имеющую в современном обществе свои цели, задачи и функции» [131, с. 28].

Данным вопросом занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как А.В. Ленец, А.В. Лесняк, Г.Г. Матвеева, М.С. Матыцина, О.Л. Михалева, А.В. Олянич, Е.И. Петров, М. Пешё, С.Н. Плотникова, О.Г. Ревзина, А.А. Романов, П. Серио, Е.В. Сидоров, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.В. Чижик, R.M. Coulthard, J.E. Joseph, J. Sinclair и др.

Политика пропускает через себя всю общественную и частную жизнь общества, в среде которого развивается и существует. Она проявляется во всех аспектах социальной деятельности. Политический мир не существует сам по себе, т.е. изолированно от основного мира; напротив, он тесно переплетается с такими науками, как история, культура, экономика и проч. Для обозначения понятия «политика» не существует точной дефиниции, равно как и нет чётко определённых её границ. Данное явление можно объяснить большим многообразием подходов к её изучению.

Для обывателя политика представляет собой борьбу за власть и стремление к ней, определённую политическую конкуренцию как между отдельными людьми,

так и между различными группами людей. Эти группы осуществляют соперничество за обладание различными благами и позициями общества.

«Политический дискурс – это такой вид дискурса, который направлен непосредственно на захват и удержание политической власти» [21, с. 6]. В современном обществе значимость политического дискурса только продолжает возрастать. Из-за глобализации и демократизации процессов в современном обществе роль политики и политической коммуникации продолжает расти.

«Политический дискурс является разновидностью общественного дискурса наряду с остальным множеством альтернативных институциональных дискурсов, используемых в обществе» [9, с. 17].

Связь политики и дискурса исходит из понятия о том, что сама политика «в своей основе представляет коммуникативный процесс» [117, с. 534]. Являясь процессом коммуникации, политика вступает непосредственно в её процесс и тем самым обретает черты и признаки дискурса, которые в дальнейшем и формируют политический дискурс.

«Политический дискурс (ПД) становится предметом активного исследования сравнительно недавно, с конца XX века, что обусловлено, во-первых, интересом к новым процессам в политической сфере и, соответственно, в политической речи, которые возымели место под влиянием смены формаций, во-вторых, развитием демократии, гласности, позволившими свободно, непредвзято, объективно квалифицировать политическую речь» [66, с. 3].

Политический дискурс является сложным многомерным образованием, в котором наблюдается чётко выстроенная жанровая структура. Он существует в речи в устной и письменной форме и имеет ряд соответствующих признаков (тематика, ролевая структура) и собственно цель (например, захват или удержание власти).

Более того, политический дискурс выполняет определённые функции в обществе: несёт информацию о том, что происходит в политической сфере, добавляет какие-либо аргументы по тем или иным вопросам, убеждает или

оказывает воздействие, а также осуществляет функцию контроля за всеми, на кого распространено его влияние.

Иными словами, «политический дискурс – это всегда определённый текст, созданный с определённой задачей, исследуемый в конкретной ситуации общения, в которой он разворачивается» [109, с. 9]. Для того чтобы отнести какой-либо текст или речевое произведение к сфере политического дискурса, должна чётко прослеживаться задача, возложенная на него, а также конкретная коммуникативная ситуация, которая в данном случае будет соотноситься с политической сферой.

Э.Н. Мишуров, отталкиваясь от определения дискурса Н.Д. Арутюновой, понимает под политическим дискурсом «речь, погружённую в политическую жизнь социума во всех её ипостасях» [100, с. 23]. Исследователь адаптирует определение дискурса как «речи, погружённой в жизнь» Н.Д. Арутюновой к своей трактовке политического дискурса. Фактически оно сохраняет первоначальный смысл, но сужается до непосредственно политической жизни общества, которая тем не менее реализуется во всех своих «ипостасях», что по-прежнему оставляет ей огромное поле деятельности.

«Политический дискурс определяется как совокупность текстов, соотносимых с ситуациями политической сферы общения, с системой политических коммуникативно-прагматических целеустановок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия субъектами политической коммуникации; интегрированных в интертекстуальное пространство» [100, с. 12].

Таким образом, политический дискурс – это своего рода практика двустороннего взаимодействия с людьми с целью оказания какого-либо на них влияния. Взаимодействие осуществляется в формате диалога, так как любая политическая речь по своей природе диалогична.

Если трактовать понятие политического дискурса в общем, то определение А.Н. Баранова наиболее ярко отражает его суть: это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом» [21, с. 6].

В то же время, если говорить о «всеобъемлющей» дефиниции данного понятия, то наиболее полным является определение Е.В. Горбачёвой: «Политический дискурс – отражающее менталитет политических субъектов вербальное и невербальное информационно-коммуникативное взаимодействие политических субъектов по поводу политических идей, идеологий, принципов, оценок, мнений, осуществляемое посредством социальных институтов для достижения политических целей» [41, с. 15]. Как считает исследователь, политическим дискурсом может считаться как вербальный, так и невербальный акт взаимодействия каких-либо субъектов в рамках политической тематики. Важно отметить, что конечной целью данного взаимодействия будет являться непосредственно реализация заранее поставленной цели, без которой политический дискурс потеряет свой смысл, так как в его основе находится борьба за власть.

Политический дискурс взаимосвязан со сферой политики и абстрагирован от других сфер: политический дискурс – это «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой... политический дискурс – это дискурс политиков» [52]. В данном определении автор подчёркивает, что политический дискурс должен быть строго регламентирован сферой политики. Согласно приведённому определению, политическим дискурсом не будет являться речевой акт, произведённый человеком, не связанным с миром политики и не включённым в него.

Е.В. Кипрская также подчёркивает ограниченность политического дискурса и отмечает, что политический дискурс представляет собой текст, который ограничен сферой политической принадлежности автора, темы и функционирования, цель которого заключается в том, чтобы целенаправленно воздействовать на людей [77]. Следовательно, «политический дискурс позволяет оказывать желательное влияние на аудиторию и достигать определённых политических целей, поэтому мы можем сказать, что тот, кто имеет контроль над политическим дискурсом, получает контроль над обществом» [162, с. 62].

Более того, несмотря на ограниченность сферой политики, сам политический дискурс достаточно широк в своей области применения: «любой материал в средствах массовой информации, в котором речь идёт о политике и автором которого является политик, или, наоборот, адресованный политику, следует относить к полю политического дискурса» [164, с. 38].

Несмотря на ограниченность политического дискурса от других сфер, А.А. Алимджанов отмечает его взаимодействие с другими видами дискурса без интеграции с ними: «политический дискурс более всех взаимодействует с дискурсом СМИ и просторечным дискурсом аудитории и главенствует над ними. Дискурс СМИ имеет целью интерпретировать для аудитории политический дискурс и дискурс аудитории – для политических деятелей [9, с. 17].

Помимо этого, политический дискурс может взаимодействовать с научным дискурсом, юридическим, экономическим, рекламным и другими видами дискурса, поскольку они в той или иной степени входят в косвенное взаимодействие с ним на фоне различных политических событий. «Политический дискурс является разновидностью общественного дискурса наряду с остальным множеством альтернативных институциональных дискурсов, используемых в обществе» [9, с. 17]. Согласно мнению исследователя, в политическом дискурсе отражены многие разновидности повседневного дискурса. Представляется, что социум – со всем многообразием своих институтов – интегрировался в политический дискурс, тем самым наполнив его новыми характерными чертами и особенностями.

Вышеотмеченные факторы позволяют нам говорить о современном расширении границ политического дискурса, что в конечном счете способствует формированию нового терминологического аппарата, который хоть и находится в пределах политического дискурса, но тем не менее расширяет его возможности. Например, сегодня мы можем выделить следующие подвиды политического дискурса: дискурс масс, непрофессиональный политический дискурс, общественно-политический дискурс, обыденный политический дискурс [140].

Данные подвиды дискурса также оказали влияние на современный терминологический аппарат политического дискурса. Их семантические поля

слишком малы для выделения самостоятельных видов дискурса, однако они вместе являются составляющими политического дискурса.

С.Ж. Ергалиева характеризует политический дискурс как «лингвополитическое действие, направленное на осуществление определённых целей и реализующееся в разном пространстве бытования, поэтому объектом исследования могут быть как газетный текст, устное высказывание, так и тексты интернет-сети, а участниками политической коммуникации становятся не только политические деятели, но и простые граждане, которые интересуются политическими событиями и являются производителями устных и письменных текстов, функционирующих в политической сфере» [58, с. 23]. В данном определении автор отмечает двусторонность политического дискурса наряду с его основной целью – оказанием какого-либо влияния в политической среде, однако уже лингвистическими методами.

Главной целью политического дискурса, по мнению Л.С. Чикилёвой, является «воздействие на аудиторию, поэтому основной характеристикой политического дискурса является его воздействующий характер. Цели и задачи политической коммуникации реализуются как с помощью аргументации, так и с помощью приёмов манипуляции сознанием массовой аудитории. Механизм воздействия заключается во взаимодействии картин мира адресанта и адресата политического дискурса, посредством которого у реципиента формируется определённая политическая картина мира. Функция воздействия реализуется за счёт использования определённых стратегий и тактик. Лингвистическое оформление также влияет на прагматическую эффективность президентского медиадискурса» [157, с. 89].

Как считает исследователь, основной задачей, реализуемой посредством политического дискурса, является непосредственно воздействие на аудиторию. Достижение этой цели можно осуществлять разными способами: аргументацией, манипулятивными тактиками и стратегиями, направленными на изменение политической картины мира адресата.

На сегодняшний день политический дискурс существует в двух измерениях: «в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки» [163, с. 9]. Под вербальными и невербальными знаками Е.И. Шейгал понимает набор прецедентных высказываний, включая типичные модели речевых действий в рамках традиционного понимания жанра данной сферы.

По мнению В.З. Демьянкова [54], политический дискурс может рассматриваться с четырёх позиций:

1. Политологической.
2. Филологической.
3. Социопсихолингвистической.
4. Индивидуально-герменевтической.

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Под политологической позицией автор понимает непосредственно взаимодействие такого дискурса со сферой политики, которая включает в себя всех первоначальных участников такого вида дискурса. Анализируя политический дискурс с данной стороны, мы работаем непосредственно с закономерностями или событиями, происходящими в мире политики. Для политологов данный анализ позволяет рассматривать текущую политическую ситуацию, а также делать прогнозы относительно развития других событий. Данная сфера является «основной» для политического дискурса, и её существование является неотъемлемой частью всего политического дискурса.

Филологическая позиция трактовки политического дискурса уже непосредственно связана с лингвистическим анализом содержания дискурса и является основным критерием анализа политического дискурса в данной работе. Благодаря филологическому подходу становится возможным изучение интенциональности политического дискурса, разнородных имплицитных смыслов, содержащихся в его структуре, а также средств изучения лингвопрагматического потенциала этого вида дискурса, что и является целью данной работы.

Названные аспекты позволяют нам увеличить разнообразие и количество изучаемого материала. Посредством данных позиций мы можем изучить психоэмоциональный настрой актора, рассмотреть его личное отношение к предмету дискурса, его эмоциональный настрой и цели, а также изучить средства воздействия на аудиторию и результат, который он хочет получить.

Таким образом, при анализе политического дискурса мы можем ограничиться либо исключительно политологической позицией, рассматривая дискурс только с этой стороны, либо, отбросив или сохранив политическую сторону, взять за основу филологическую, однако в этом случае придётся проанализировать и третью и четвёртую позиции, поскольку они являются подразделами филологического аспекта изучения.

Важно отметить, что полный анализ политического дискурса возможен только в случае реализации всех четырёх позиций. При отсутствии ряда выводов результаты анализа станут необъективными, например, если не будет учтена политическая обстановка в контексте конкретной ситуации политического дискурса.

Говоря о жанровом аспекте политического дискурса, О.Н. Паршина и А.П. Чудинов отмечают, что политический дискурс в своей внешней форме может включать в себя монологические и диалогические жанры. Среди монологических жанров выделяются следующие подвиды:

- радиообращение;
- статья в газете;
- иннаугурационная речь;
- программная речь.

Диалогические жанры состоят из следующих подвидов:

- дискуссия;
- переговоры;
- теледебаты;
- общественно-политическое ток-шоу;

– «прямая линия» [111; 158].

В нашей диссертации мы работаем с гибридным жанром политического дискурса, поскольку обе категории жанров являются соединёнными между собой: с одной стороны, пост какого-либо политика содержит в себе информацию монологичного характера, однако в то же время возможность составления комментария к нему способствует проявлению диалогичности, следовательно, мы имеем дело с гибридным проявлением данных жанров.

Если классифицировать политический дискурс по форме коммуникации, то логично выделить его устную и письменную реализацию. В устном виде выделяются такие категории, как:

- выступление на митинге;
- доклад;
- беседа;
- дебаты;
- интервью.

В письменном виде представлены следующие подвиды:

- программа;
- листовка;
- газетная статья;
- письмо политическому лидеру;
- историческая справка;
- медиа-кит [146; 160].

В диссертации рассматривается письменный жанр политического дискурса, который, в отличие от устного, является чётко зафиксированным произведением, что позволяет провести его комплексный анализ.

Вне зависимости от вида жанров политического дискурса мы имеем дело с политическим текстом. Согласно определению А.Г. Алтуняна, политический текст – это «такой текст, в котором речь идёт об актуальных политических проблемах и

который обращён к массовой аудитории, при этом под словом “массовой” мы подразумеваем потенциально массовую аудиторию» [10, с. 11].

Таким образом, основная задача политического текста – обращение к потенциальной массовой аудитории.

Наряду с термином «политический дискурс» исследователи предлагают ряд других терминов, выражающих данное понятие: «общественно-политическая речь» [168] «агитационно-политическая речь» [158], «язык общественной мысли» [56], «политический язык» [33].

В зарубежных исследованиях также можно найти несколько вариантов обозначения данного термина: «Политический язык, политическая речь, политическая риторика и политический дискурс, очевидно, взаимозаменяемые термины, которые политические чиновники, такие как ученые, политики и журналисты, используют для обозначения связи между языком ... и политикой» [182, р. 2].

Помимо самого политического дискурса, существуют такие термины, как «политический язык», «политическая речь» и «политическая риторика». Отмечается, что данные термины являются «взаимозаменяемыми», поскольку учёные, политики и журналисты могут использовать все эти термины для обозначения взаимодействия между языком и политикой. Однако следует отметить тот факт, что не все термины соотносятся с предложенными определениями отечественных учёных.

Полное совпадение наблюдается в термине «политический язык», схожие понятия репрезентируются терминами «язык общественной мысли» и «общественно-политическая речь». «Общественно-агитационная речь», отмеченная А.П. Чудиновым, в зарубежных исследованиях в качестве термина не встречается.

В целом все термины, как отечественные, так и зарубежные, являются схожими по обозначаемым им понятиям. Чётко прослеживаются два компонента: общество и язык (речь), без которых не только политическая, но и вообще любая коммуникация немислима вообще.

Исходя из многочисленности подходов к понятию «политический дискурс», можно сделать вывод, что исследователи стремились создать максимально ёмкое и точное определение. Однако в нашей работе мы будем придерживаться термина «политический дискурс», так как оно, по нашему мнению, является наиболее полным по отношению к другим. При этом сфера применения политического дискурса будет регламентирована интернет-средой, поэтому мы будем рассматривать его реализацию непосредственно с позиции интеграции с интернет-дискурсом.

1.3 Репрезентация политического дискурса в интернет-среде: интеграция с интернет-дискурсом

В последнее время информация стала играть всё более значимую роль в жизни человека. Интернет начал использоваться в качестве «хранилища» информации, стал неким «посредником» между индивидом и той информацией, которая ему необходима. Будучи связанным практически со всеми видами деятельности человека, он является объектом пристального внимания современных учёных. Интернет-пространство в лингвистике рассматривается как дискурсивно-коммуникативное пространство (см. работы Г.Л. Акоповой, Н.Г. Асмус, Н.А. Ахреновой, Е.В. Бирюковой, Е.В. Варламовой, М.Р. Желтухиной, И.Н. Загоруйко, С.В. Ивановой, В.А. Каменевой, В.И. Карасика, А.А. Каширина, S.C. Herring, M. Higgins, M. Morris, C. Ogan и др.).

Коммуникация в Интернете представляет отдельный интерес для исследователей не только потому, что это новое и малоизученное направление, но и по той причине, что, несмотря на переход привычных нам сфер жизнедеятельности в виртуальный формат, некоторые правила взаимодействия на лингвистическом уровне были изменены. К примеру, на уровне орфографии или же пунктуации появились тенденции к аграмматизму, которые с критикой были бы восприняты в обыденности, однако принимаются со всей значимостью в интернет-среде.

Н.Г. Асмус под виртуальной коммуникацией понимает «общение в сети Интернет, при котором создаётся особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами. Виртуальная коммуникация представляет собой комбинацию различных дискурсов (политического, профессионального, сетевого, языкового, бытового и др.) и имеет много общего с массовой коммуникацией, не совпадая с ней полностью» [15, с. 12].

Виртуальная коммуникация, сохраняя в себе черты массовой коммуникации, позволяет индивиду действовать как с реальными объектами, так и виртуальными. Опираясь на классификацию видов дискурса В.И. Карасика, исследователь утверждает, что данный вид коммуникации представляет собой объединение разных видов дискурсов; и это ещё одно отличие от массовой коммуникации, поскольку в виртуальном общении привычные для нас границы общения «размыты» в большей степени.

Результатом такого разграничения видов дискурсов стали попытки классифицировать непосредственно коммуникацию в Интернете. Согласно классификации М. Морриса и К. Оган, Интернет открыл перед нами следующие виды коммуникации:

- асинхронная коммуникация типа «один на один» (к примеру, переписка по электронной почте);
- асинхронная коммуникация типа «группы с группами» (в данном случае коммуникация осуществляется посредством локальной сети, например, в пределах какой-либо одной корпорации);
- синхронная коммуникация типа «один на один», «один на несколько» (как правило, представлена в различных чатах или форумах. К ней также относятся и интернет-комментарии под постами в социальных сетях);
- асинхронная коммуникация, проявляющаяся в своих разных версиях: «многие и один», «один на один», «один и многие» (например, поиск определённого сайта пользователем) [180].

Исследователи выделяют три вида асинхронной коммуникации и один синхронный. Это связано с различными вариантами сетевого взаимодействия; однако нас интересует непосредственно синхронная коммуникация, поскольку написание комментария подразумевает возможность получения ответа на него либо от автора поста, к которому он был оставлен, либо от других людей, желающих ответить непосредственно на данный комментарий. Ответ может быть отсрочен по своему времени, поскольку кто-то из участников коммуникации может выйти из сети, однако он всё равно будет получен, поэтому такая коммуникация всё равно будет считаться синхронной.

Перечисленные виды асинхронной коммуникации также популярны в интернет-среде, поскольку появились первыми, уже включив в себя реалии повседневной жизни. Тем не менее сеть в то время ещё не предоставляла возможности для синхронной коммуникации.

При рассмотрении политического дискурса мы отмечали такую его черту, как ориентированность на адресата. Она также сохранилась и в интернет-среде. В последнее время Интернет вошёл в так называемую фазу “Web 3.0”, которая способствует развитию крайне высокой степени его интерактивности, «потому что на этом этапе развития Интернет становится максимально интерактивным за счёт того, что его контент создаётся не только профессионалами, но и самыми обычными пользователями. Это приводит к тому, что читательская аудитория блога, информационного портала или обычной странички в социальной сети становится количественно равна аудитории авторитетного печатного издания, а иногда и вовсе значительно превышает её» [87, с. 45–46].

Сегодня интернет-дискурс стал настолько распространённым в современной жизни, что внёс свои изменения в те сферы общественной жизни, которые перешли в сеть, тем самым дав нам возможность говорить о его характерных чертах и особенностях, а появление возможности у пользователей-непрофессионалов создания собственного контента в значительной степени увеличило степень интерактивности Интернета.

Интернет-дискурс, являясь новым видом дискурса, имеет в современной научной литературе разные терминологические обозначения: «компьютерный», «виртуальный», «электронный», «сетевой» и непосредственно сам «интернет-дискурс» [86]. По мнению О.В. Лутовиновой, эти термины неодинаковы. Только компьютерный и электронный дискурс являются синонимичными понятиями, обозначающими общение, которое реализовано посредством персонального компьютера. Интернет-дискурс, который непосредственно рассматривается в нашей работе, связан с общением в глобальной Сети, а сетевой дискурс относится к общению в локальных сетях. Виртуальный дискурс находится в стороне, поскольку он не характеризуется каким-либо отдельным каналом связи. Он состоит из текстов, которые находятся в определённом ситуативном контексте, непосредственно находящимся в виртуальной реальности [86]. Согласно определению М.Н. Ляшевой, «виртуальная реальность – реальность чувственно-образная, основой которой являются такие нематериальные понятия, как информация, мысли и образы» [87].

На наш взгляд, «интернет-дискурс» является наиболее полным и подходящим термином, поскольку он, прежде всего, семантически связан с местом своей реализации – сетью Интернет и, более того, имеет все признаки дискурса. Е.Н. Галичкина также придерживается термина «интернет-дискурс» (или «сетевой дискурс») и характеризует его как «тип дискурса, порождающий бесконечное многообразие текстов разножанровой направленности, которые генерируются и которыми обменивается широкая аудитория пользователей в режиме on-line (в сети)» [36, с. 11].

Как можно заметить, в данном терминологическом ряду понятия, относящиеся к происходящему в Интернете дискурсу, несколько отличаются друг от друга в семантическом плане. При использовании терминов «компьютерный дискурс» и «электронный дискурс» мы в первую очередь ссылаемся не на сам дискурс, а на инструмент, посредством которого он реализуется. Сетевой дискурс ограничен сферой употребления: он появляется только в пределах каких-либо локальных сетей и не выходит на уровень Всемирной паутины. Виртуальный

дискурс является абстрактной проекцией интернет-дискурса; он наделён лишь текстовой нагрузкой, но он не имеет собственного канала связи. Поэтому в данной работе описываемый вид дискурса обозначается как интернет-дискурс, поскольку мы рассматриваем общение непосредственно в глобальной сети.

Интернет-дискурс имеет определённые черты и особенности, отмеченные Н.А. Ахреновой:

1. Гипертекстуальность (возможность мгновенного перехода с одной позиции на другую при просмотре того или иного контента. Часто применяется для ссылок на какие-то взаимосвязанные с просматриваемым материалом объекты).

2. Интерактивность (практически постоянное наличие обратной связи; Интернет, как правило, даёт отклик на любое действие пользователя: система получает запрос – информация обрабатывается – приходит ответ).

3. Виртуальность (противопоставление реальному пространству, которое по своему содержанию отличается от виртуального, не обладая всеми его чертами и характерными особенностями).

4. Анонимность (крайне важный фактор, который, по сути, явился толчком для ещё большего развития интернет-дискурса в целом, поскольку рядовые пользователи получили возможность не только высказывать своё мнение и вступать в полемику в сети, но ещё и при этом сохранять анонимность. Следовательно, количество желающих оставить свой «цифровой след» увеличилось в два раза) [18].

Благодаря гипертекстуальности, т.е. наличие гиперссылок, интернет-пользователь может моментально перемещаться между различными массивами информации, тем самым сравнивая, сопоставляя или же просто читая необходимый контент в разных источниках практически одновременно. Интерактивность позволяет быть в курсе обновлений практически любой информации круглосуточно: большинство современных механизмов Интернета даже имеют возможность автоматического обновления информации. Виртуальность как отличительная черта интернет-дискурса тесно пересекается с анонимностью: любой человек может создать себе некий интернет-образ и тем самым «выйти» из

рамок реального мира. Анонимность способствует этому: человек может поменять стиль общения, поведения, выражения мыслей, поскольку он знает, что анонимность будет сохранена, а его действия в виртуальной жизни не возымеют эффекта в настоящей.

Согласно Е.В. Варламовой, интернет-дискурс отражает непосредственно личную позицию автора, однако она обусловлена психологическими, лингвистическими и технологическими факторами [30].

Психологический контекст в интернет-пространстве имеет некоторые особенности: во-первых, индивид адресует своё сообщение неизвестной и разнородной аудитории, следовательно, оно не таргетировано; во-вторых, человек может пользоваться псевдонимом или анонимностью, что также раскрепощает и способствует внесению той информации, которая при личной коммуникации могла быть опущена.

С лингвистической стороны сообщение автора может иметь тенденцию к аграмматизму, поскольку зачастую высокая грамотность не является обязательным условием публикации в Интернете. Более того, сообщение может быть насыщено сокращениями, используемыми непосредственно в интернет-коммуникации, или так называемыми «смайликами».

Среди технологических факторов, накладывающих свои рамки, можно выделить, к примеру, ограничение по количеству символов в публикации. Это также принуждает человека к использованию определённых и строго регламентированных языковых конструкций для того, чтобы максимально полно и чётко выразить свою мысль.

Susan C. Herring понимает данный вид дискурса как «Общение, возникающее, когда люди взаимодействуют друг с другом, передавая сообщения через сетевые компьютеры» [здесь и далее перевод наш] [176, p. 612]. Согласно мнению исследователя, компьютерно-опосредованный дискурс представляет собой коммуникацию, при которой индивид взаимодействует с другим путём передачи сообщений через компьютеры, соединённые с сетью. В данном определении интернет-дискурс трактуется нешироко, когда подразумевается

Всемирная сеть; здесь автор подходит к термину с позиции сетевого вида дискурса, описанного выше [86].

Е.Н. Галичкина характеризует интернет-дискурс как «многожанровую функциональную разновидность публичной монологической и диалогической речи» [37, с. 157]. В данном определении исследователь отмечает жанровое многообразие интернет-дискурса как речи, обращённой к массовой аудитории, которая при этом может быть как монологичной, так и диалогичной.

Результатом интеграции интернет-дискурса и политического дискурса стал политический интернет-дискурс, для изучения которого применяется ряд методов, каждый из которых может быть в той или иной степени эффективен: критический анализ, контент-анализ, риторическая критика и когнитивные исследования. Важно отметить, что само становление дискурс-анализа прошло долгий путь, прежде чем стать массово распространённым: «Анализ дискурса в широком смысле использования текстовых данных для понимания конкретных явлений имеет богатое и разнообразное наследие в социальных науках, охватывающих области социологии, антропологии, психологии, политологии и истории» [175, р. 1].

Становление дискурс-анализа было вызвано социологическими, антропологическими, психологическими, политическими и историческими факторами; только после их взаимодействия стали появляться основы подходов к дискурс-анализу, о которых мы говорим в данном пункте.

Критический анализ изучает взаимосвязь между властью, языком и идеологией, а также аспекты неравенства на социальном, гендерном или же национальном уровнях; более того, рассматривается вопрос превышения полномочий людей, наделённых властью. В данном виде анализа рассматриваются, к примеру, лингвистические средства выражения расового или гендерного восприятия, вопросы открытого и скрытого языкового выражения идеологии и другие вопросы.

Контент-анализ предназначен для изучения больших массивов текстов: «Контент-анализ – это метод исследования, позволяющий сделать

воспроизводимые и достоверные выводы из текстов (или другого значимого материала) в контексте их использования» [179, p. 18]. В современных реалиях проведение такого анализа сопровождается применением компьютерных технологий, поскольку они открывают возможности анализа больших массивов данных, которые до этого момента человек физически не был способен обработать.

Например, к одному из постов Бориса Джонсона в социальной сети «Твиттер» оставлено свыше пяти тысяч комментариев. Очевидно, что попытка собрать данные комментарии вручную, а затем их проанализировать является слишком время- и энергозатратной, поэтому в этом случае применяется метод контент-анализа: необходимая база данных выгружается по специальному запросу из места хранения, затем при помощи компьютерных алгоритмов происходит анализ и дальнейшее выделение, к примеру, наиболее частотных слов и выражений в ней, и впоследствии путём отсека ненужного содержимого мы получаем материал, который затем подвергается обработке учёными.

И.А. Зюбина и Г.Г. Матвеева рассматривают метод модифицированного контент-анализа, суть которого заключается в том, что «в качестве считаемых единиц анализа принимаются грамматические формы грамматических категорий. Для одной грамматической категории можно выявить целый ряд грамматических форм её актуализации. Например, грамматическая категория модальности может быть актуализирована как выбором грамматических форм наклонения, так и выбором отдельных модальных слов, которыми также можно выразить отношение» [62, с. 173]. В результате формы, самостоятельно выбираемые говорящим в процессе речи, являются своего рода детерминантами его персонального речевого поведения. Методом модифицированного контент-анализа можно не только определить личное отношение автора к своему речевому произведению, но и выделить определённые «клише», свойственные только конкретному человеку.

Риторическая критика демонстрирует, как ожидания и нормы приемлемого и неприемлемого формируются в том или ином обществе. На основании текстов, производимых в каком-либо обществе, можно сделать вывод о том, какие вопросы

считаются в нём допустимыми, какие нет, какие аспекты обсуждаются, а какие нет. Эти особенности общественных норм изучаются риторической критикой.

Когнитивные исследования, как правило, связаны с процессом познания, переплетены с различными психологическими дисциплинами и служат для установления когнитивного портрета автора политического дискурса [130]. Такой вид исследования применяется для установления психолингвистического портрета личности на основе созданных ею текстов. Более того, данный метод может применяться для установления скрытых интенций говорящего или же определения первоначальных предпосылок его сообщения.

В зарубежных источниках выделяются три доминирующих подхода к дискурс-анализу: «Несмотря на разнообразие концептуализаций и операционализаций, можно выделить три доминирующих подхода к изучению организационного дискурса: интерпретирующий, функциональный и критический... Интерпретативные подходы концептуализируют дискурс как коммуникативное действие, которое является конструктивным для социальных и организационных реалий. Функциональные подходы рассматривают дискурс как инструмент, находящийся в распоряжении участников, который должен использоваться для облегчения управленчески значимых процессов и результатов, таких как эффективное руководство, мотивация сотрудников и организационные изменения. Критические подходы концептуализируют дискурс как отношения власти и знания, составляющие идентичности субъектов и организационные и социальные структуры господства» [175, р. 2]. Автор выделяет три основных подхода к дискурс-анализу: интерпретативный, функциональный и критический.

Интерпретативный подход к дискурс-анализу представляет собой коммуникативный процесс, который характеризует дискурс как среду для создания новых общественных и организационных реалий. Иными словами, путём интерпретации данный подход к изучению дискурса может производить новые общественные виды дискурса, необходимые в процессе анализа.

Функциональный аспект изучения дискурса связан непосредственно с анализом функций, возложенных на анализируемый объект. В его использовании

внимание уделяется направленности дискурса, целям его создания в конкретной области его применения и установлению первоначальных задач при его внедрении.

Критический подход пересекается с критической риторикой и связан со структурой рассматриваемых объектов и персоналий.

Продолжая дискуссию о методах изучения дискурса, Dorris A. Graber говорит об «источниках данных и методах сбора данных», то есть о тех источниках, из которых можно доставать материал для исследования. Это могут быть какие-то архивные форматы данных или же базы данных онлайн. К примеру, в любой социальной сети можно сформировать запрос на выгрузку какого-либо объёма информации для исследования, и в случае одобрения его можно будет изучать.

Среди методов анализа дискурса, которые также могут быть применены и к политическому виду дискурса, автор выделяет следующие:

1. Методы соцопроса.

Данные методы подразумевают собой проведение опроса определённой аудитории с целью установления их отношения к поставленному вопросу. В данный вид исследования может включаться информация социального характера (пол, возраст, социальный статус и др.) для получения более точных результатов.

2. Подробные интервью.

Данный вид исследований ориентирован прежде всего на конкретного человека или личность, однако он основан на идее, что понимание смысла политических сообщений требует более тщательного изучения прошлого респондента, взглядов на вопрос, предшествующих его текущим взглядам, и его способов восприятия информации.

3. Контент-анализ.

Данный метод анализа уже был нами рассмотрен ранее; следует добавить, что он может применяться к любым видам медиаконтента: написанные от руки или напечатанные документы, записанные сообщения, фильмы и аудиозаписи, что делает его комплексным и эффективным методом для анализа.

4. Сетевой анализ.

Данный метод анализа связан с тем фактом, что политические системы не могут функционировать без эффективных каналов, то есть сетей, посредством которых происходит коммуникация, поскольку сами каналы передачи информации должны быть способны эффективно передавать политические сообщения. Они могут варьироваться от устных сообщений до закодированных посланий, поэтому изучение непосредственно каналов реализации политических сообщений также может быть эффективно при изучении политического дискурса [174].

Влияние самого процесса компьютеризации на сферу политики также обсуждалось в конце XX в.: считалось, что активное внедрение интернет-технологий повлечёт за собой исчезновение политики в её традиционном понимании, так как компьютер со своей вычислительной мощностью сделает политика ненужным; личность политика будет заменена экспертами, которые будут работать с базами данных [85].

Однако политика в традиционном понимании не исчезла под влиянием интернет-технологий. Политический дискурс успешно интегрировался с интернет-дискурсом, расширив свои возможности и границы. Более того, с уверенностью можно сказать, что вероятность подобного вытеснения политики в её традиционном понимании крайне низкая: «Множество исследовательских подходов, используемых исследователями политической коммуникации, развивались на протяжении многих веков, потому что суть политики осталась прежней. Она всегда включала в себя создание, отправку, получение и обработку политически значимых сообщений» [174, р. 45].

Политика, а именно её сущность, всегда оставалась одной и той же на протяжении многих веков: её прежние цели, подходы и методы не сильно отличаются от сегодняшних. Меняются формы правления (монархия, демократия, республика и др.), издаются новые законы и упраздняются старые, люди у власти приходят и уходят, совершенствуются средства выполнения политических действий (например, выход в Интернет), однако первичные задачи политики (борьба за власть, влияние на аудиторию и др.) по-прежнему остаются теми же самыми.

Однако опасения за судьбу политики в её традиционном понимании были не случайны, поскольку именно тогда политические деятели стали активно оставлять свой «цифровой след» в Сети: «На выборах 2000 г. почти каждый политический кандидат, баллотирующийся на посты на всех уровнях (президентском, штатном, окружном, городском и местном), имел действующий веб-сайт. Этот факт указывает на актуальную важность коммуникационных технологий, связанных с Интернетом, в политической коммуникации...» [183, р. 3].

Безусловно, наличие одного веб-сайта в прошлом не способствовало значительному росту непосредственно политической коммуникации в Интернете, которая возможна сейчас. Интернет-сайт в то время только начинал приобретать черты интерактивности, поэтому, скорее всего, он мало отличался от СМИ, которые в одностороннем порядке публиковали необходимую информацию без возможности обратной связи. Форумы также только начинали появляться в то время, а о социальных сетях и микроблогах тогда ещё никто не знал.

Таким образом, мы установили, что процесс интеграции интернет-дискурса и политического дискурса происходит на основе схожести реализации политической сферы жизни в глобальной Сети. Как отмечалось выше, в связи с переходом на Web 3.0 многие сферы жизнедеятельности человека получили своих «двойников» в сети. Политический дискурс не стал исключением и, сохранив в себе свои основные свойства (например, ориентированность на адресата или постановку конечной цели как оказание влияния на таргетированную группу людей с целью захвата и удержания политической власти), интегрировался с интернет-дискурсом и при этом обрёл новые свойства и черты, которые стали доступны благодаря возможностям сети Интернет: анонимности, гипертекстуальности, интерактивности и другим. Важно отметить, что этот формат интеграции является ведущим в настоящее время и будет превалировать над обычным политическим дискурсом всё больше и больше.

1.4 Интернет- и политическая лингвистика: теоретические основы

В современной парадигме языкознания – антропоцентрической – внимание исследователей сосредоточено прежде всего на человеке. Такая смена подходов в лингвистических исследованиях способствует всё большей степени междисциплинарности: для полноценного изучения человека уже становится недостаточно теоретического аппарата какой-либо одной науки.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес общества к политической жизни. Он обусловлен прежде всего развитием Интернета: каждый человек, вне зависимости от своего возраста и социального статуса, может выразить своё мнение в отношении любого обсуждаемого в сети вопроса, в то время как раньше такое было возможно только для тех, кто имел доступ в мир политиков. Безусловно, данный интерес и является своего рода «катализатором» увеличения интереса общества к политической жизни. Более того, современная политика, по крайней мере по официальным заявлениям, опирается на демократические права и свободы общества, следовательно, каждый человек может в той или иной мере проявить свою гражданскую позицию и в большей или меньшей степени повлиять на законотворческий процесс или же на какие-либо преобразования в социальной жизни общества. Это является вторым фактором повышения интереса общества к политике.

Более того, «важным принципом антропоцентрической модели является адресность коммуникации... И задача заключается в построении диалогических отношений между разными слоями общества. Они не могут строиться только на основе признания за всеми участниками определённых прав, определённых их статусом субъекта коммуникации, поскольку полноценный диалог может состояться только между индивидуумами и заключается не просто в высказываниях участников по очереди, а в попытке понять иную точку зрения – осмыслить её, оспорить, учесть, согласиться с ней, – то есть быть адресным» [83, с. 32].

При изучении данных аспектов современной лингвистики возникает вопрос: действительно ли улучшилось взаимодействие политической элиты и общества? Мнения исследователей на этот счёт расходятся. Г.Л. Акопов считает, что «политические интернет-коммуникации способствуют налаживанию диалога власти и общества, публичности и большей открытости в деятельности власти, установлению обратной связи политической элиты с интернет-сообществом и народом в целом» [3, с. 3].

Несмотря на положительные стороны распространения информации в Интернете, такая «вседозволенность» в размещении информации породила большое количество ложной информации, что и явилось основной причиной усиления недоверия граждан к интернет-источникам: «К сожалению, Интернет является и основным источником распространения ложной информации. Как правило, после широкого освещения какого-либо события в других видах СМИ, в Интернете появляются свидетельства “из первых рук“, описывающие реакцию очевидцев. Плюрализм мнений как одно из ключевых свойств Интернета (каждый пользователь может оставить информацию или комментарий любого содержания) предполагает его сознательное использование для формирования общественного мнения» [82, с. 30].

Следовательно, целесообразно отметить, что в данном случае мнения учёных расходятся: с одной стороны, двусторонность политической коммуникации создала атмосферу открытости, а с другой стороны, породила недоверие к передаваемой информации.

Политическая жизнь любого общества всегда отражается в языке, особенно в современном мире, когда в лингвистических исследованиях язык Интернета выходит на первый план. «Интерес лингвистов к политической коммуникации во многом объясняется тем, что политика как сфера человеческой деятельности носит преимущественно дискурсивный характер, а многие политические действия по своей природе представляют собой речевые действия» [124, с. 41].

Такая позиция разделяется и зарубежными исследователями: «В настоящее время язык и политика изучаются с позиции разных дисциплин, включая

политологию, журнализм и теорию коммуникации, социологию, право, экономику и менеджмент, лингвистику, психологию, философию и общеобразовательную подготовку. Каждая из этих дисциплин предполагает определённые наборы теоретических и методологических исходных аспектов, которые могут быть не всегда соотнесены или сравнимы с другими. Однако между филологами заключён некий консенсус о том, что политическая коммуникация так или иначе требует междисциплинарного подхода» [188, р. 5].

Как считает исследователь, язык и политика, несмотря на то что изучаются разными дисциплинами, являются тесно переплетёнными в современном обществе, поскольку постоянно взаимодействуют друг с другом и, более того, вследствие необходимого для их изучения междисциплинарного подхода имеют много общих точек соприкосновения.

«Язык необходим политике, так как политика использует его потенциал для принятия решений и влияния на граждан посредством языка» [184, р. 17].

Политика использует язык как в манипулятивной функции, так и в информативной; поэтому можно сказать, что политика реализует свой потенциал посредством языка, следовательно, она без него не сможет существовать, так как потеряет свой способ выражения.

«В общих чертах, когда лингвистические инструменты осознанно применяются в чьей-либо речи с целью вызвать какую-либо эмоциональную реакцию, закрепить определённую точку зрения или привлечь внимание аудитории (с целью будущей выгоды), мы обычно это называем речевой манипуляцией» [173, р. 52]. По мнению автора A. Vodoc, любое осознанное применение средств языковой выразительности уже является примером манипуляции сознанием адресата.

Вопросами реализации средств языковой выразительности в политической сфере занимается политическая лингвистика. Важно отметить, что эта дисциплина характерна и для политического интернет-дискурса. Данное направление языкознания возникло на стыке других лингвистических направлений и, согласно определению А.П. Чудинова, называется «политическая лингвистика»: «В

последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации... Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями – с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста» [160, с. 8].

По А.П. Чудинову, предметом изучения политической лингвистики является политическая коммуникация, главной функцией которой является борьба за власть на политической арене на основе коммуникативной деятельности. Наряду с передачей информации политическая коммуникация также оказывает психоэмоциональное воздействие на адресата, иными словами, преобразует политическую картину мира в его сознании. Более того, исследователь считает главным постулатом современной политической лингвистики дискурсивный подход к изучению политических текстов. Под этим следует понимать, что каждый рассматриваемый текст должен изучаться с перспективы контекста той политической ситуации, в рамках которой он был создан, а также с учётом политических взглядов автора и особенностей восприятия данного текста другими людьми [160, с. 8]. Без учёта контекстуальности политической коммуникации становится невозможным провести какой-либо анализ такой деятельности и прийти к более-менее объективным выводам.

Ю.Ю. Суханов отмечает, что «политическая лингвистика сформировалась на пересечении разных областей науки: этнографии, культурологии, психологии, социологии, политологии, лингвистики и иных гуманитарных наук. Для понимания

и успешного описания механизмов политической коммуникации политическая лингвистика привлекает также достижения когнитивной лингвистики и функциональной: риторики, стилистики, социолингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста [144, с. 13].

Исходя из определения, приведённого Ю.Ю. Сухановым, мы можем оценить многоаспектность той роли, которая возлагается на политическую лингвистику, поскольку она существует на пересечении целого ряда уже находящихся на стыке по отношению друг к другу дисциплин.

Синонимом термина «политическая лингвистика» является термин «интернет-лингвистика», предложенный Н.А. Ахреновой (2018). Исследователь выделяет следующие его подвиды: интернет-синтаксис, интернет-семантика, интернет-морфология, анализ интернет-дискурса, способов передачи (фонологический, графологический, мультимедийный), психолингвистическое, социолингвистическое направление в исследовании Интернета и т.д. – в проекции и по аналогии с традиционной лингвистикой [19, с. 22].

Данное разделение позволяет говорить нам о структурировании лингвистики Интернета по ярусам, которые эквивалентны уровням языка.

Е.И. Горошко также придерживается термина «интернет-лингвистика» и отмечает высокую степень интегративности данного понятия: «Данное научное направление (интернет-лингвистика. – *Б.В.*) является направлением интегративного типа, которое соединяет подходы и методологию различных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, при этом формируя и свой собственный исследовательский инструментарий. Его исследовательским объектом является коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети Интернет, а предметом становятся лингвистически релевантные особенности интернет-коммуникации на различных языковых уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом, текстовом (на уровне текста или совокупности текстов), коммуникативном (уровне коммуникативной стратегии) и т.д.» [44, с. 36].

Помимо двух перечисленных нами дефиниций реализации языка в сетевом пространстве, существует ещё достаточно большое количество других схожих определений, однако, как утверждает Е.И. Горошко, «необходимо заметить, что до сих пор не существует единого термина, который описывает изучение функционирования языка в новых средах, включая сеть Интернет. Если посмотреть на генезис развития этого направления, то наиболее употребляемыми терминами являются следующие: компьютерно-опосредованное общение (англ.: Computer-Mediated Communication (абр.: СМС)), электронно-опосредованное общение (англ.: Electronically Mediated Communication (абр.: ЕМС)), дигитально-опосредованное общение (англ.: Digital-Mediated Communication (абр.: DMC)), цифровой или компьютерно-опосредованный дискурс (англ.: Computer Mediated Discourse (абр.: CMD) или Digital Discourse (абр.: DD)), а также интернет-опосредованное общение или просто интернет-общение (англ.: Internet-Mediated Communication (абр.: ИМС) internet-communication (абр.: IC)» [43, с. 148].

Д. Кристал считает, что «Появление новой ветви академической дисциплины происходит не очень часто, однако появление Интернета произвело такой эффект на язык, что, по моему мнению, настало время обозначить новую потенциальную ветвь науки – “Лингвистику Интернета”. Я бы обозначил её как синхронный анализ языка во всех сферах активностей в Интернете, включая электронную почту, различные виды чатов и игровых взаимодействий, обмен мгновенными сообщениями, веб-страницы, включая те виды коммуникаций, которые осуществляются посредством компьютера, по типу СМС-сообщений» [172].

Учёный акцентирует внимание на будущем интернет-лингвистики: существуя как наука уже достаточно много лет, она собрала для сравнительно-исторических исследований достаточную базу, позволяющую выявлять те или иные закономерности в развитии языка Интернета.

Л.Ф. Компанцева отмечает, что существует ряд фактов, которые свидетельствуют о конечном установлении данной науки как новой области лингвистического знания:

– установлены видовые особенности всех уровней интернет-коммуникации: функционально-системного, то есть формирующего текущую парадигму Сети; дискурсивного, вводящего новые речевые практики и форматы жанров; концептуального (объясняется изменчивостью языковой картины мира в сети, относительной новизной виртуального общения и появлением новых лексических единиц в интернет-коммуникации);

– новая, ещё находящаяся в стадии формирования, парадигма интернет-лингвистики, закреплена в её системе терминов, что может быть подтверждено наличием понятийного аппарата, который коррелирует только с данной областью (интернет-коммуникация, виртуальная языковая личность, виртуальная языковая картина мира, виртуальный дискурс, гипертекст и др.) [79, с. 405–407].

Очевидно, что, несмотря на всё многообразие разработанных исследователями терминов и понятий, на сегодняшний день учёные до сих пор не могут прийти к какому-либо универсальному названию данного явления. Однако нельзя отрицать тот факт, что все они в большей или меньшей степени синонимичны, поэтому в нашей работе мы будем придерживаться термина «политическая лингвистика», предложенного А.П. Чудиновым.

«В последнее время все большее количество коммуникативных практик переходит в сеть Интернет: усиливается интенсивность использования языка в Сети, возникает особая коммуникативная среда, особое место его функционирования – коммуникативное пространство, которое оказывает все более интенсивное влияние на лингвистику Интернета – новое направление лингвистического анализа» [45, с. 225]. Данное наблюдение подтверждает тот факт, что коммуникативное пространство не переходит в интернет-пространство полностью, но интегрируется в него, однако не в том виде, в котором оно существовало до внедрения, а в модернизированном, что в свою очередь делает его предметом, представляющим интерес для дальнейшего лингвистического анализа.

Таким образом, возникновение интернет-лингвистики обусловлено активным внедрением интернет-технологий в современное общество. Ввиду большой популярности политических коммуникаций в Интернете, отдельно

выделяется дисциплина «политическая лингвистика». При помощи её методов можно получать разного рода лингвистическую и экстралингвистическую информацию как об авторе сообщения, так и о его отношении к сообщаемой информации.

1.5 Социальная сеть «Твиттер» через призму политического интернет-дискурса

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что наша жизнь проходит в двух мирах: «физическом» и «виртуальном», при этом кооперация наших «двойных» взаимодействий с окружающей средой происходит в соотношении 50 : 50, а в некоторых случаях даже больше: «современный человек живёт в двух параллельных мирах – реальном и виртуальном. И поскольку словарный состав в наибольшей степени поддаётся любым влияниям и изменениям, то можно ожидать, что видимые следы этого влияния можно обнаружить именно в нем, в таких явлениях, как, например, тенденция к визуализации путём использования большего числа иконических единиц, в частности когнитивных метафор. Более того, наряду с живой повседневностью виртуальная повседневность современного человека утверждается в качестве базы для появления новых метафор. Человек уже осмысляет незнакомое на основе своего опыта как в реальном, так и в виртуальном мире. И, как результат, в сети массмедиа создаётся параллельная языковая картина мира, чьи концепты, вторично визуализирующие фрагменты реального мира, «записаны» при посредстве технократизмов [116, с. 113].

Ещё недавно человек только осваивал интернет-технологии и писал своё первое электронное письмо. Сегодня наша жизнь, несмотря на её многогранность, проходит в онлайн-мире, при этом человек не всегда даже замечает это. Согласно исследованию, результаты которого были опубликованы 12 февраля 2020 г. на сайте gazeta.ru, «россияне проводят в Интернете 7 часов 17 минут ежедневно» [161].

Исходя из этого, целесообразно утверждать, что онлайн-жизнь зачастую может превалировать над повседневной жизнью; поэтому легко предположить, что если человек, привыкший к обыденности, не готов от неё отказаться, то он будет искать по крайней мере «отголоски» той жизни в режиме онлайн. Действительно, в Сети можно найти тематические форумы, статьи, совместные онлайн-игры и, наконец, социальные сети, которые фактически воссоздали привычную для человека социальную зону комфорта, при этом открыв новые возможности. «Под социальной сетью понимаются веб-сайты, дающие возможность указать какую-либо информацию о себе или получить её о других, а также поделиться своим мнением или выложить фото, видео, аудиозапись. Таким образом, сети, представляя собой автоматизированную социальную среду, дают возможность общаться группе пользователей, объединённых общими интересами» [119, с. 20].

Политическая жизнь общества не стала исключением и начала активно внедряться в социальных сетях: «глобальная сеть тоже играет свою роль в осуществлении политической коммуникации. Практически у каждого политического деятеля есть свой сайт, на котором через опцию обратной связи можно обратиться к политику; или даже страница в социальной сети, а также блог» [148, с. 18].

«В XXI веке с развитием IT наблюдается усиление воздействия на электорат благодаря переходу от офлайн-коммуникации к онлайн-коммуникации в политической сфере. Это наглядно продемонстрировала предвыборная кампания в США в 2016 г., когда кандидаты на должность президента активно использовали новые медиа (Facebook, Twitter, Google, Youtube и др.). Facebook сообщил о публикации 80 тыс. постов на 120 страницах, созданных в преддверии выборов» [97, с. 81]. Согласно мнению исследователя, переход политической сферы в онлайн-формат способствовал ещё большему усилению влияния на электорат в силу внедрения в сферу массовой аудитории, в то время как до этого вся политическая коммуникация велась исключительно в предназначенных для этого каналах (за исключением пропаганды).

Весьма интересная мысль присутствует в зарубежных исследованиях по данной проблематике: автор исходит не от того, что человечество «подстраивается» под Интернет, а наоборот, что политическая коммуникация, будучи зависимой от общественных тенденций, должна подстраиваться под людей: «Если от политической коммуникации необходима успешность в медиа контексте, то необходимо, чтобы она адаптировалась к развивающимся ожиданиям от медиа формы» [177, р. 385].

Несмотря на достаточно большое количество социальных сетей, лидеров среди них не так уж много, и их контингент уже тематически сгруппирован: это Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Твиттер».

Социальная сеть «Твиттер» является целевой для данного исследования. Выбор её обусловлен рядом причин, которые будут разьяснены далее. Исследования на её базе проводились такими учёными, как Е.И. Горошко, Е.А. Гончарова, Е.В. Милосердова, И.Е. Минтусов, Ю.С. Сабаева, В.Д. Савенков, А.В. Чижик, Л.С. Чикилева, Д.С. Шипилова, Т.Е. Янко, Susan C. Herring, Ruth Wodak и др.

«Твиттер» выбран основным источником материала для проведения нашего исследования, поскольку он занимает главенствующую позицию в политической сфере жизни: «в современных интернет-коммуникациях “Твиттер” играет главенствующую роль, что подтверждается наличием именно “Твиттер”-аккаунта у глав государств, политических деятелей, публичных персон и др. Практически все СМИ планеты имеют странички в “Твиттере”, что говорит об уникальности данного сервиса как средства обмена оперативной информацией и общения» [165, с. 64].

Исследователи также подчёркивают важность и распространённость «Твиттера» в политическом интернет-дискурсе: «Твиттинг рассматривается как мощный альтернативный источник информации, как средство получения и распространения информации, что особенно важно в период проведения предвыборных кампаний. Политические лидеры используют твиттинг как средство информирования пользователей о своих предвыборных программах, личных

планах, предстоящих событиях в политической сфере, что играет большую роль при формировании политического имиджа политика, а также целевого электората» [46, с. 242].

Учёные называют многочисленные случаи использования политиками данной социальной сети, тем самым усиливая роль «Твиттера» в онлайн-медиапространстве. На сегодняшний день практически для всех политиков «Твиттер» является одним из основных средств взаимодействия и общения с аудиторией, в том числе и с электоратом.

Распространённость данной социальной сети обусловлена её некоторыми характеристиками, которые способствуют тому, что информация в ней была подана максимально эффективно и качественно.

«Одной из жанрообразующих особенностей Twitter является лаконичность сообщений, которые передаются с его помощью (не более 140 символов), и возможность мгновенного распространения информации по цепочке. По нашему мнению, эти свойства Twitter, среди которых на первое место выходят скорость и лаконичность, оказывают несомненное влияние на современную коммуникацию в целом, а при долгосрочном использовании могут привести к существенным изменениям и в языке. Данные механизмы уже привлекли внимание исследователей, в том числе и на русскоязычном материале» [17, с. 2].

Е.И. Горошко и Т.Л. Полякова расширяют концепцию А.П. Атягиной, выделяя жанр так называемого «твиттинга»: «Примером гибридного жанра является твиттинг – интернет-жанр, обеспечивающий общение с помощью интернет-сервиса Твиттер (гибрида социальной сети и микроблога, позволяющего осуществлять коммуникацию с помощью коротких (до 140 зн.) текстовых сообщений, используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты) [46, с. 241].

Распространённость «Твиттера» как социальной сети с огромной аудиторией действительно позволяет нам выделить данный жанр, имеющий характерные черты и свойства.

Е.А. Гончарова характеризует «Твиттер» как воплощение гибридного жанра: «На наш взгляд, наиболее интересным представителем гибридных жанров является сервис микроблогов Твиттер, играющий одну из важнейших ролей в современной интернет-коммуникации, являющийся не просто микроблогом, а успешно совмещающий в себе функции социальной сети, службы мгновенных сообщений, электронной почты, онлайн-сервиса и новостного анонса. Безусловно, вся предоставляемая в Твиттере информация часто имеет ярко выраженную новостную и социальную направленность» [40, с. 52].

Автор подчёркивает основные характерные черты «Твиттера», отмечая те факторы, благодаря которым он достиг такой популярности: это и мессенджер с возможностью мгновенного обмена сообщениями, и электронная почта, и новостной портал, и онлайн-сервис со всеми присущими онлайн-возможностями.

Развивая мысль о причинах популярности данной социальной сети, Л.С. Чикилева отмечает, что «Твиттер-платформа представляет собой удобную форму объединения виртуальных коммуникантов для совместных социальных целей и получения сведений как об окружающем мире, так и о событиях личного характера. Для твиттинга характерны определенные способы лексико-морфологического и графического словообразования. Твиттинг пользуется большой популярностью в США и широко используется в политических целях, особенно в период предвыборных кампаний» [157, с. 83].

Посредством твиттинга возможен не только обмен новостями и информацией, но и объединение групп людей, соединённых какой-либо общей целью для её непосредственной реализации. Более того, благодаря данной социальной сети возможно узнавать о событиях из внешнего мира, а также о событиях личной жизни отдельно взятого человека при условии, что он делится ими в своём профиле.

Расширяя особенности жанра «твиттинга», Д.С. Шипилова предлагает следующую классификацию его стилистических особенностей:

– лимитация предоставляемой информации – сообщение в «Твиттере» не должно превышать объём в 140 символов;

- теггинг с помощью хештегов (hashtags от англоязычного названия символа «#» – hash mark);
- объединение с другими сервисами web 2.0 (Facebook, Instagram и др.);
- оперативная трансляция уже опубликованной информации путём «ретвитов», «репостов»;
- сокрытие частной информации и переписки от зарегистрированных пользователей;
- твит – основная коммуникативная единица, сообщение.

«Ретвит (от англ. retweet) вызывает особый интерес у исследователей и представляет собой разновидность твита (сообщения), рекомендуемого для просмотра другим пользователям “Твиттера”. Например, если пользователю что-то понравилось, и он хочет поделиться с этим друзьями, он может добавить чужое сообщение к себе на страницу, т.е. “ретвитнуть” его» [165, с. 66].

Такой широкий набор характерных черт данного мессенджера даёт нам право позиционировать его как отдельно стоящий жанр Всемирной паутины.

А.В. Чижик отмечает контрастность пользовательской аудитории в «Твиттере», что порождает дальнейший интерес к изучению данной сети: «Данный ресурс как объект изучения прежде всего интересен тем, что имеет самую разнообразную аудиторию пользователей: от простых людей (представителей разных профессий и социальных кругов) до влиятельных политиков и общественных деятелей. Популярность данной сети связана с форматом микроблогов: все сообщения имеют ограничение объёма – 140 символов, таким образом, платформа представляет собой новостной поток из коротких анонсов» [156, с. 524].

Такое сосредоточение людей столь разных слоёв общества трудно представить где-нибудь в другом месте; однако «Твиттер» делает это возможным, что открывает перед учёными новые области для исследования. Участники коммуникации в «Твиттере» находятся в равной коммуникативной позиции, следовательно, можно говорить об эффективности потенциального речевого воздействия на собеседника [40, с. 54].

Известность «Твиттера» наряду с другими социальными сетями в России отмечает В.Д. Савенков: «Популярность социальных сетей... является достаточно высокой и в нашей стране. В их числе популярные отечественные социальные сети “Одноклассники.ру”, “Вконтакте.ру”, “Liveinternet.ru”, “Мой мир.mail.ru”, “Блоги mail.ru”, “Яндекс. Дзен”, “Хабр.ру”, “В кругу друзей.ру”. А также популярные зарубежные “Facebook”, “Twitter”, “Instagram”, “Tumblr” и другие» [129, с. 82].

Г.Л. Акопов также отмечает популярность данной сети: «...в последние годы большой популярностью в среде виртуального общения стала пользоваться сеть Twitter... Послания тут же появляются на странице у всех подписанных на неё читателей... Естественно, что возможности и популярность сети “Twitter” быстро нашли своё применение в политической жизни особенно для проведения политических дискуссий» [3, с. 87]. Согласно мнению исследователя, мгновенность появления сообщений и возможность быстрого реагирования на них сделали данную сеть популярной в среде политического дискурса. Аудитория данной социальной сети позволяет мгновенно обсуждать новости, которые также могут быть быстро опубликованы политическими акторами в их официальных аккаунтах.

Проникновение в среду социальных сетей может быть также выгодно с позиции отсутствия государственного контроля как для политиков, желающих продвинуть свои кандидатуры на предстоящих выборах, так и для более корыстных случаев, когда через блоги осуществляется влияние на аудиторию, связанное с дальнейшими призывами их к каким-либо действиям, поскольку из-за отсутствия цензуры возможен выход из формальной среды общения.

Используя эту особенность, политики могут открыто выходить на уровень нужной им аудитории: «создавая медиатексты на своих сайтах, сенаторы стремятся сократить дистанцию в общении с адресатом, создать иллюзию непосредственного диалога, подчеркнуть неформальность, демократичность коммуникации» [42, с. 51].

В неформальной обстановке можно войти в доверие к кому-либо и внушить какие-либо идеи, которые адресат не воспринял бы в повседневной жизни при реальной встрече.

«Именно в Интернете посредством социальных сетей реализуется мгновенная передача информации, данный факт обусловлен актуальностью представляемых сообщений, лёгким порогом входа для многих политиков и общедоступностью предложенной информации для населения. Кроме того, процесс поиска и анализа текстов (открытая платформа Twitter, которая представляет собой лингвистический корпус с удобными алгоритмами поиска конкретных лексических единиц) подвержен верификации, что представляет прозрачность данного исследования» [5, с. 8].

Исходя из приведенного определения, мы понимаем «Твиттер» как полноценную лингвистическую базу данных лексических единиц, поддающихся проверке, анализу и дальнейшему исследованию. Всё, что нужно сделать, – выгрузить из неё нужную информацию и произвести её обработку либо ручным способом, либо при помощи компьютерных средств автоматизации.

В следующей главе будет представлена практическая часть работы, в которой мы рассмотрим лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев в социальной сети «Твиттер» к постам Бориса Джонсона по отношению к выходу Великобритании из Евросоюза.

Выводы к первой главе

Проведённое исследование теории дискурса, его подвидов и их интеграции (политический- и интернет-дискурс), а также стратегий и тактик, применённых в них, позволило сделать следующие выводы:

1. Дискурс представляет собой важнейший предмет современных лингвистических исследований. Исследования в области дискурса, несмотря на свою относительную новизну, используются во многих сферах жизнедеятельности. В силу своей разнонаправленности дискурс имеет множество взаимодополняющих

определений: «речь, погружённая в жизнь», «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом», «мысленный альтернативный мир» и др.

2. Под политическим дискурсом понимается вид дискурса, который функционирует непосредственно в политической среде и включает в себя всё происходящее в ней. Более того, данный вид дискурса направлен на захват и удержание власти. Связь политики и дискурса обусловлена тем, что сама политика представляет собой коммуникативный процесс, следовательно, она обретает черты дискурса и образует политический дискурс.

3. Интернет-дискурс реализуется в глобальной Сети. Такие его черты, как гипертекстуальность, интерактивность, виртуальность и анонимность, придают ему уникальность, однако в силу того, что он включает в себя привычные нам «несетевые» виды дискурса, мы рассматриваем его как интеграцию с политическим видом дискурса. Таким образом, нами было установлено, что процесс интеграции интернет-дискурса и политического дискурса происходит на основе схожести реализации политической сферы жизни в глобальной Сети.

4. При изучении различных работ исследователей в данной области было установлено, что в настоящее время существует достаточно большое количество различных тактик и стратегий, чьё применение обуславливается конкретным жанром их внедрения: интернет-пост, интернет-обращение или интернет-комментарий и т.п. В зависимости от цели высказывания набор стратегий и тактик может отличаться. В содержании данных классификаций можно отметить разделение стратегий и тактик на общие и частные; конвенциональные, презентационные и конфликтные; контекстуальные и семантико-психологические и др.

5. Отдельное внимание в данной главе уделяется лингвопрагматической значимости интернет-комментариев. Прагматика является «областью исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи», а политический дискурс всё время предстаёт перед нами окружённый прагматикой, поскольку сам факт его применения уже свидетельствует о неких целях и задачах, стоящих перед его автором.

Лингвопрагматика, как важный раздел языкознания, необходимый нам для дальнейших исследований, а также её взаимосвязь с теорией речевых актов освещаются в тексте диссертации. Анализ интернет-комментариев с позиции лингвопрагматики позволяет нам установить скрытые мотивы, цели и намерения их авторов. В качестве результата объединения стратегий, рассмотренных нами в пункте 4, и сведений, полученных в ходе анализа комментариев, нами отмечаются новые «гибридные» стратегии (например, стратегия позиционирования, стратегия конфликта, стратегия кооперации и т.д.).

6. Социальная сеть «Твиттер», являющаяся источником практического материала в нашем исследовании, обладает популярностью в политической сфере. Это обуславливается следующими критериями:

- большим количеством политических деятелей со всего мира, пользующихся данной социальной сетью;
- лимитом на количество символов в одном посте;
- возможностью комментирования постов и добавления гиперссылок на сторонние ресурсы.

Таким образом, нами были рассмотрены основные теоретические разработки по теме диссертационного исследования, на основе которых в следующей главе будет представлена практическая часть работы, демонстрирующая методы установления лингвопрагматического потенциала интернет-комментариев.

2 Трехкомпонентный анализ интернет-комментариев

В данной главе объектами для анализа послужили 1000 комментариев к 5 постам Бориса Джонсона, посвящённым выходу Великобритании из ЕС (<https://twitter.com/borisjohnson>): анализ комментариев пользователей социальной сети «Твиттер» будет проведён с точки зрения их реализации при помощи стратегий и тактик, а также теории речевых актов.

Среди практического материала 4 поста относятся к периоду подготовки выхода из Евросоюза, а последний был написан после выхода из ЕС. Данная расстановка приоритетов объясняется тем, что наиболее противоречивые комментарии были составлены на этапе подготовки «Брексита», а уже после него остались только субъективные мнения разных людей:

1. *We will leave the EU on October 31st, invest more money in our NHS and crack down on violent crime* (мы выйдем из Евросоюза 31 октября, инвестируем больше денег в систему национального здравоохранения и примем жёсткие меры в отношении жестоких преступлений).

Данный пост обещает электорату выход из Евросоюза 31 августа, инвестирование большего количества денег в здравоохранение и принятие жёстких мер в отношении тяжких преступлений. Очевидно, что данный пост охватывает те сферы жизнедеятельности, в которых больше всего заинтересован электорат. Борис Джонсон подчёркивает, что именно выход из ЕС даст возможность всего этого достичь.

2. *The referendum result must be respected. We will leave the EU on 31st October* (результаты референдума должны быть признаны. Мы выйдем из Евросоюза 31 октября).

Данное сообщение имеет скорее пропагандистский характер, чем какую-либо информационную значимость. Борис Джонсон подчёркивает, что необходимо принять участие в референдуме и что выход Великобритании из Евросоюза непременно состоится 31 октября.

3. *We're going to leave the EU on October 31st and make this country the best in the world to live in* (мы собираемся выйти из Евросоюза 31 октября и сделать эту страну лучшей в мире для проживания).

Данное сообщение не несёт в себе какой-либо смысловой нагрузки и, аналогично предыдущему, привлекает электорат к участию в референдуме. Также оно содержит обещание, что выход из Евросоюза сделает Великобританию лучшей страной для проживания.

4. *Jeremy Corbyn wants to cancel the referendum and argue about Brexit for years. I am committed to leading our country forward and getting Britain out of the EU by October 31st #LeaveOct31* (Джереми Корбин хочет отменить референдум и обсуждать Брексит вечно. Я намерен вести нашу страну вперёд и вывести Британию из Евросоюза к 31 августа).

В данном посте Борис Джонсон ссылается на Джереми Корбина, лидера оппозиции, который, по его мнению, готов вести переговоры о выходе из ЕС годами, в то время как Борис Джонсон берёт на себя обязательства сделать это 31 октября. Это важное сообщение, поскольку британский премьер-министр демонстрирует себя в сравнении с другим человеком для создания контраста в обществе и начинает более открыто выражать свои цели.

5. *Tonight we have left the EU – an extraordinary turning point in the life of this country. Let us come together now to make the most of all the opportunities Brexit will bring – and let's unleash the potential of the whole UK* (сегодня мы вышли из Евросоюза – невероятный поворотный момент в жизни этой страны. Давайте объединяться вместе сейчас, чтобы воспользоваться всеми возможностями, который принесёт Брексит, и реализуем потенциал всего Соединённого Королевства).

Данный пост был написан уже по случаю осуществления выхода Великобритании из ЕС. Это событие произошло, конечно, позже обещанной в предыдущих постах даты, однако оно всё равно случилось. Теперь жителям предлагается собраться вместе и максимально реализовать потенциал всего Соединённого Королевства.

2.1 Стратегии и тактики и в дискурсивных практиках: общий обзор.

Интернет-комментарии и их смысловая значимость

При создании высказывания человек преследует определённую интенцию. Сложно представить, что любая речевая деятельность человека, если, конечно, речь не идёт о «бессознательном» или же о психологических расстройствах, могла бы обойтись без предварительной задумки – цели, которая, зачастую на подсознательном уровне, должна оказать то или иное воздействие на адресата.

Поскольку в нашей работе мы рассматриваем прямые комментарии как непосредственную реакцию людей на посты политического характера, то основным постулатом работы является следующий: за каждым комментарием стоит скрытая (или открытая, если комментарий был создан специально, с целью спровоцировать аудиторию на какую-либо ответную реакцию) интенция, которую открыто или подсознательно преследует его автор. Важно отметить, что, даже если автор не ставит своей целью спровоцировать других читателей к каким-либо умозаключениям или выводам, тем не менее его действие – комментарий – уже имеет подсознательный смысл; в противном случае необходимости бы в нём не возникло, как и самого комментария. Между тем комментарии представляют собой достаточно интересный материал для исследования и, пожалуй, могут дать больше информации в отношении «народного» восприятия текста поста, в отличие от самого поста, который может быть составлен и не самим политиком, а, к примеру, его помощником; к сожалению, проверить это не представляется возможным.

«В связи с повышением значимости интернет-коммуникации в жизни современного человека актуальными становятся исследования, посвящённые способам самовыражения личности в интернет-пространстве. Возникновение новых форм сетевого общения способствует жанровой дифференциации такого явления, как комментарий читателя (читательский комментарий)» [39, с. 42]. Вопросами языковой личности в сетевом пространстве на примере комментариев также занимаются Е.В. Бирюкова [25], К.Е. Гурин [50], Е.Ч. Дахалаева [51], В.А. Каменева [65], И.В. Топчий [145] и др.

На основе данных и других работ мы отмечаем, что в современных лингвистических исследованиях наблюдается повышение интереса к способам персонификации личности в Интернете. Такое явление, как комментарий, позволило принимать участие в интернет-общении не только авторам текстов, но и их читателям, что в свою очередь способствовало повышению актуальности исследований в данной области.

Комментарии можно анализировать с нескольких сторон; однако информацию непосредственно о намерениях автора нам может предоставить глубинное изучение мотивов автора, а именно поиск ответа на вопрос, почему именно тот или иной комментарий был создан именно к этому посту. Несмотря на то что на настоящий момент работ, посвящённых изучению комментариев, мало, некоторые исследователи уже занимаются их исследованием.

Анализ комментариев имеет конкретные рамки: «комментарий, содержащий информацию об определённом событии, не существует сам по себе, он зависит от исходного текста, и его анализ не может осуществляться в отрыве от первичного текста... комментарий реализует деривационный потенциал исходного текста... он продуцирован языковой личностью, поэтому в нём отражаются присущие ей языковые способности, которые составляют в совокупности её ментальный образ, воплощённый во вторичном тексте, то есть в комментарии» [58, с. 38].

Кроме того, у пользователей существует возможность комментировать посты и другие записи в блогах (в том числе комментарии других пользователей), а значит, «история» или «мнение» блогера «обрастает», как ствол дерева «кольцами», все новыми и новыми подробностями, аспектами, взглядами на проблему, в результате чего формируется оригинальное коллективное содержание блога как конечный результат дискуссии... наличие комментариев аудитории позволяет быстро и точно отслеживать обратную связь с ней, а также определять наиболее острые темы и проблемы, исходя из содержания поста, ориентироваться на потребности и запросы читателей [129, с. 97, 101].

Одним из способов анализа комментариев является определение тактик и стратегий, сознательно или бессознательно применяемых автором для выражения

своих идей и мыслей, поскольку целью политического дискурса является борьба за власть: «политический дискурс обладает манипулятивными чертами, которые выражаются в оказании воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в его картину мира. Речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями, волей» [16, с. 23].

А.Р. Копачева и А.С. Решетова разделяют мнение Н.Г. Асмус в отношении стратегий и тактик для захвата политической власти или осуществления манипулирования: «Для того чтобы осуществлять политическое манипулирование, удерживать власть или завоёвывать авторитет избирателей и/или других политических деятелей, политики используют определённый набор речевых стратегий и тактик» [80, с. 112].

Прежде чем приступать к рассмотрению стратегий и тактик, приведём определения данных понятий.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующие дефиниции понятий «тактика» и «стратегия»:

тактика – 1. Составная часть военного искусства – теория и практика подготовки и ведения боя. 2. Общий план подготовки и ведения боя. 3. *перен.* Совокупность средств и приёмов для достижения намеченной цели;

стратегия – 1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны. 2. Общий план ведения войны, боевых операций. 3. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [103].

Целесообразно отметить, что оба понятия пришли в теорию языка из связанных с ними наук военного ремесла: упоминание о стратегии и тактике в понимаемом нами отношении появляется только в третьем значении и только в переносном значении. Однако в целом данные понятия схожи, но, несмотря на это, отличаются. Тактика является составной частью стратегии, поскольку стратегия – это «наука», то есть своего рода план действий, а тактика – это средство

воплощения заданной стратегии, то есть то, как и за счёт чего эта стратегия будет реализовываться.

При рассмотрении более «лингвистических» трактовок данных понятий, понятие «стратегия» может трактоваться следующим образом:

- система упорядоченных «по принципу иерархии компонентов» [12, с. 9];
- «когнитивный план общения» [64, с. 14];
- «общий план, или “вектор“, речевого поведения» [138, с. 6].

Как считает О.П. Малышева, «стратегия – направление речевой деятельности, подразумевающее достижение определённой цели, то есть интенционально обусловленное, которое определяет использование частных подструктур, способствующих реализации общего коммуникативного замысла» [162, с. 85].

Исходя из приведенных определений, мы можем сделать вывод, что стратегия является систематичной и целенаправленной комплексной структурой. Она выполняется при помощи определённого набора речевых тактик и приёмов. Стратегии и их тактики могут создаваться и в процессе достижения цели, а не только появляться как заранее заготовленный продукт; этот факт позволяет нам указать на интерактивность стратегии.

Теперь рассмотрим некоторые лингвистические трактовки понятия «тактика»:

- «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии» [138, с. 6];
- «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [64, с. 16].

Тактика будет пониматься нами как определённая последовательность действий, находящаяся в согласовании с конкретным этапом реализации стратегии, целью которой является воплощение выполнения чётко поставленной коммуникативной цели того шага, на котором применяется вся стратегия в целом.

Мы выяснили, что тактика – «вспомогательная» часть стратегии, но если стратегия всегда видит речевую ситуацию «сверху», то тактика функционирует и реализуется только в конкретной точке её применения.

Многие исследователи предпринимали попытки выявить тактики и стратегии в своих научных трудах (Д.Р. Акопова, Е.Е. Аникин, А.И. Башук, С.Ж. Ергалиева, О.С. Иссерс, О.С. Кудимова, М.Ф. Масгутова, Л.Х. Тляумбетова, А.А. Никитенко, О.Н. Паршина, Е.В. Рублёва, Е.И. Шейгал, Ю.М. Иванова, О. Feldman, С. De Landtsheer, Н. Parret, Ruth Wodak и др.).

Классификация, предложенная С.Ж. Ергалиевой, является наиболее полной классификацией стратегий и тактик, поскольку она включает в себя два уровня взаимодействия: персонный и текстовый, а также их объединение. В первом случае автор комментария вкладывает своё личное мнение в основу комментария, несмотря на потерю объективности; сюда входят такие тактики, как: тактика ассоциативности (когда авторский комментарий создаётся с использованием какой-либо ассоциации, которая появилась в его сознания во время прочтения исходного текста), домысливания (при данной тактике автор дополняет исходный текст своими мыслями и идеями; нередко возникает объединение тактик ассоциативности и домысливания) и эмоциональности (данная тактика включает в себя выражение эмоций автора комментария путём различных средств стилистической выразительности). Используя текстовую стратегию текстопорождения, автор прежде всего обращается к исходному тексту комментируемого поста, а потом уже на основе него выражает своё мнение. Сюда относятся такие тактики, как: копиальности формы (автором копируется сама структура исходного текста, т.е. выполняется своего рода стилизация под исходный текст), копиальности содержания (автор комментария сохраняет смысловой компонент исходного текста, однако может переделать по-своему некоторые его части) и ключевых слов (в данном случае определённые ключевые слова извлекаются автором из контекста всего исходного текста и комментируются. Такого рода комментарии могут быть как объективными, там и

субъективными; это зависит от того, как автор интерпретирует исходное сообщение). Также допускается объединение двух вышеназванных стратегий.

О.С. Иссерс предлагает следующую классификацию стратегий:

1. Общие и частные (зависят от показателя глобальности цели и характеризуются характером возложенной на них задачи).
2. Основные и вспомогательные (целью основных стратегий является оказание воздействия непосредственно на картину мира адресата, его систему ценностных ориентиров, в то время как вспомогательные стратегии выполняют оптимизирующую функцию и помогают повысить эффективность воздействия на адресата [64]).

Однако существуют и другие виды классификаций стратегий. Например, Е.В. Рублева выделяет следующие их виды:

- конвенциональные (стратегии кооперативного типа с кооперативно-актуализаторским и кооперативно-конформным подтипом);
- презентационные (представляющие собственно презентации чего-либо наряду с самопрезентациями);
- конфликтные (стратегии, выражающие агрессивность, манипулятивность и т.п.) [122].

Конвенциональные стратегии используют традиционные методы воздействия на адресата. Применяя их, человек ставит себя на место адресата и старается изложить свои мысли таким образом, чтобы понимание произошло на интуитивном уровне. В презентационных стратегиях мы можем наблюдать применение различного рода средств художественной выразительности для усиления эффекта от самопрезентации и усиления авторитета образа. Конфликтные стратегии ставят своей целью спровоцировать адресата на агрессию, спровоцировать конфликт, тем самым вызвав негативные эмоции.

А.И. Башук в статье «Коммуникативные стратегии политического ритуала» представляет следующие виды стратегий:

- контекстуальные (государственности, посвящения, декларации общих целей, официального дискурса, свободной референции);

– семантико-психологические стратегии (единства, декларации новых политических принципов, ответственности, «светлого» будущего).

Как подчёркивает автор, контекстуальные стратегии «апеллируют к социополитическому контексту речи», в то время как семантико-психологические стратегии «определяются при анализе значений слов, фраз, предложений текстов и отражают влияние на формирование убеждений, взглядов, ценностей, идей и установок аудитории» [23].

Продолжая попытки выделения разного рода коммуникативных стратегий, О.Н. Паршина отмечает следующие стратегии и тактики:

– стратегии самопрезентации, эмоционального воздействия на читателя, убеждения, стремления удержания власти, аргументативную, манипулятивную, борьбы за политическую власть и др.;

– тактики контрастивного анализа, иллюстрирования, обещания, а также обвинения и оскорбления; апелляция к эмоциям адресата, критичность и др. [111].

Стратегии самопрезентации и эмоционального воздействия выражают манипулятивную функцию, олицетворяют борьбу за власть и т.д. путём воздействия на адресата. Тактики, приведенные во втором аспекте, апеллируют непосредственно к эмоциям адресата или же к его критическому мышлению, создавая для него иллюзию самостоятельного принятия решения в отношении сложившейся ситуации.

При анализе жанра политических теледебатов Е.И. Шейгал и Ю.М. Иванова выделяют стратегии, базирующиеся на трёх уровнях: интродуктивном, варьирующем и аддитивном. Задача данных стратегий заключается в том, чтобы внедрить определённые пропозициональные структуры в картину мира реципиента и заменить те компоненты его знания, которые были освоены до этого момента [164, с. 29–41].

На интродуктивном уровне необходимая информация представляется читателю впервые, то есть «встраивается» в картину мира принимающей стороны. Варьирующая стратегия вводит новую для читателя информацию в систему уже

имеющейся старой информации, тем самым «сливаясь» с ней. Аддитивная стратегия дополняет имеющуюся в распоряжении читателя информацию.

М.Ф. Масгутова и Л.Х. Тляумбетова рассматривают реализацию непосредственно стратегии внушения в политическом дискурсе. Под «внушением» авторы понимают «воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение за счёт ослабления контрольно-регулятивной функции сознания, снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания» [91, с. 55]. В рамках данной стратегии исследователи выделяют следующие тактики: аргументирования (апеллирование к авторитетам, использование данных статистики), навязывания мнения (внушение читателю конкретной точки зрения путём применения различных психолингвистических приёмов) и тактику единения (прямое обращение к аудитории, постановка себя на один уровень с ней) [Там же].

Внушение является эффективным методом влияния на необходимую аудиторию и может быть реализовано тактиками аргументирования, навязывания мнения и единения; однако чаще всего данные тактики «замаскированы» под благородными интенциями, и читатель сразу не может понять, что он уже подвергается стратегии внушения. Например, использование авторитетов является допустимым во многих сферах жизни и чаще всего не вызывает опасений за внушение чего-либо посредством их персоналий.

Другой стратегией, противоположной предыдущей, является стратегия самозащиты: «Когда оратор использует стратегию самозащиты, его основной целью является оправдание, смягчение критики со стороны другого говорящего, удержание внимания публики и сохранение репутации. Стратегия самозащиты как правило выступает в качестве реакции на использование другим оратором коммуникативной стратегии дискредитации и нападения» [101, с. 72].

Данная стратегия отличается от предыдущей прежде всего тем, что автор уже не тот человек, который скрыто или открыто применяет тактики внушения аудитории нужной информации, а индивид, которого либо разоблачили, либо

пытаются дискредитировать. Поэтому задача автора меняется: главным становится не влияние на аудиторию, а сохранение репутации для дальнейшего влияния на аудиторию в случае более благополучной обстановки. Более того, в отличие от самостоятельной стратегии «внушения», данная стратегия уже является непосредственной реакцией на какую-либо провокацию извне, так как её самостоятельное использование при благоприятно складывающихся обстоятельствах не является необходимым и эффективным.

Отдельный интерес представляют стратегии и тактики, описанные в работе И.В. Савельевой, поскольку исследователь обращался непосредственно к интернет-комментариям. В качестве общих лингвоперсонологических стратегий автором выделяются холистическая и элементаристская стратегии, которые реализуются непосредственно при восприятии исходного текста автором и уже в дальнейшем способствуют написанию ответного комментария.

«...Стимулом для осознанной рефлексии читателя политической публикации являются как форма и содержание, так и функциональная составляющая электронной политической публикации, при этом объектом для вариативного проявления холистических стратегий текстовосприятия служат:

- а) исходный текст политической статьи, включённый в политическую макротему;
- б) исходный текст политической статьи с собственной ключевой тематикой;
- в) политическая статья в совокупности с текстами-комментариями к ней, объединёнными по смысловому признаку;
- г) вторичный текст-комментарий в целом» [128, с. 11–12].

При применении холистической стратегии текстовосприятия человек обращает внимание на первоначальный текст политической статьи, включённый в определённый контекст, а также на его непосредственное соответствие с заданной темой; затем его внимание переключается на уже оставленные к статье комментарии и на их общий совокупный образ.

«Элементаристские стратегии интерпретации демонстрируют рефлексивность на такие компоненты, как:

- а) одна из микротем, отдельный фрагмент политической статьи;
- б) отдельное высказывание, ключевое слово из политической статьи;
- в) фрагмент из вторичного текста ИК;
- г) отдельное слово, фраза, высказывание из вторичного текста ИК» [128, с. 11–12].

При применении данного типа стратегий потенциальный автор обращает внимание на какие-либо фрагменты текста исходной статьи, на отдельные (ключевые) слова первоначального текста и его фрагменты.

На основании предложенных типов стратегий автор выделяет следующие виды тактик:

1. Внутритекстовые (предполагают восприятие плана содержания исходного текста/вторичного текста, при их применении автор не выходит за рамки означаемого):

- тактика рассеянного/фокусного восприятия (понимание текста либо как общего целого, либо со сосредоточением на каком-либо его аспекте);
- тактика генерализации/конкретизации (переход от общего к частному и наоборот);
- тактика категоризации (стремление к упорядочиванию аспектов, освещённых в исходном тексте);
- тактика эмотивного восприятия (провоцирование читателя на какую-либо эмоциональную реакцию в отношении прочитанного).

2. Затекстовые (предполагают выход рефлексивной деятельности комментатора за рамки статьи и центрального обсуждаемого вопроса; это порождает привлечение других фактов из собственного жизненного опыта или из других сфер общественной жизни, таких как экономика, бизнес, семья, культура и т.п., а также обыденных знаний мировой и отечественной истории):

- тактика привлечения метасредств (использование приёмов и средств, посредством которых будет достигнуто более глубокое понимание содержимого статьи);

- тактика ретроспекции (анализ и сопоставление содержания статьи с уже полученной в прошлом информацией о рассматриваемом объекте);
- тактика проспекции (приём, используемый для предварительного уведомления читателя о том, что будет написано в статье);
- тактика домысливания (данная тактика совпадает с тактикой домысливания, предложенной С.Ж. Ергалиевой: здесь автор также «домысливает» содержание статьи, применяя свой опыт, знания и прочие факторы).

3. Тактики текстопроизводства в контексте холистической и элементаристской стратегий:

- тактика метафоризации (использование средств образной выразительности для придания особого коннотативного эффекта высказыванию);
- тактика экземплификации (приведение примеров по соответствующей тематике);
- тактика стереотипизации/дестереотипизации (использование каких-либо стереотипов при комментировании / отказ от использования стереотипов);
- тактика иронизирования (использование иронии как приёма создания особого эмоционального оттенка);
- тактика комментирования ключевых слов (выборка ключевых слов из контекста и их последующее комментирование);
- тактика комментирования цитаты (в целом схожа с тактикой комментирования ключевых слов, однако имеет больший масштаб: предметом комментирования является цитата);
- тактика стилизации (заимствование какой-либо жанровой формы) [128, с. 11–17].

С.Г. Кара-Мурза приводит свою классификацию тактик:

- применение лексических единиц, непонятных адресанту, что в свою очередь создаёт иллюзорный эффект о профессионализме и образованности оратора;

- провоцирование адресантов на воспроизведение заранее задуманных автором определённых эмоций;
- представление атмосферы важности, срочности и сенсационности, что также оказывает влияние на слушателя;
- использование приёмов «дробления» и «изъятия из контекста», благодаря которым становится возможным управлять сознанием слушателя, так как в силу отсутствия общей картины слушателю тяжело сделать объективный вывод, основываясь лишь только на фрагментах;
- совмещение объективной информации и личного мнения автора, в результате чего становится затруднительно провести ограничения между событиями и их оценкой, особенно, если эти мнения прикрыты авторитетом;
- создание мифов и умолчание [67].

Все данные тактики имеют практическую значимость при их своевременном и правильном применении. К примеру, употребление незнакомых автору речевых единиц может создать ошибочное впечатление об осведомлённости автора о предмете, однако на самом деле они могут быть либо неправильно использованы, либо применены не по теме, т.е. будут избыточными.

Провокация читателей к каким-либо эмоциональным реакциям также является одной из эффективных тактик: как правило, человек под воздействием эмоций теряет способность трезво мыслить и рационально оценивать ситуацию, следовательно, именно здесь можно «обойти» психологическую защиту человека и внушить необходимую идею.

Создание атмосферы важности также является актуальной тактикой в современной коммуникации. Это связано прежде всего с тем, что новости сегодня могут передаваться с максимальной скоростью, т.е. человек уже привык получать новости практически моментально. Именно эта «сенсационность» создаёт ложное впечатление того, что новость действительно важна, а человек получит возможность не только с ней детально ознакомиться, но и быть одним из первых, кто узнает о ней. В данном случае объективность этой новости может отойти на второй план: срочность и важность оказываются актуальнее.

Фрагментарность подачи информации также эффективна: если читатель не осведомлён о том, что читает, то фрагменты прочитанного займут совсем другое положение в его картине мира, нежели у осведомлённого в рассматриваемом вопросе индивида, следовательно, воздействие на читателя может быть осуществлено с гораздо меньшими затратами.

Если автор добавляет своё личное мнение в публикуемую информацию, а ещё при этом ссылается на какие-либо авторитеты, то зачастую в случае неосведомлённости читателя в данном вопросе становится возможной подмена понятий с позиции «авторитет» на собственное мнение автора, что может ввести адресата в заблуждение и дать ему внушить необъективную информацию.

Умолчание – представляющая интерес тактика, поскольку при её применении человека нельзя обвинить во лжи. Иными словами, человек может раскрыть только часть информации, не сообщив её основных аспектов, а читатель может и не догадываться об этом и допустить ошибку в своих суждениях.

Однако на этом многообразии тактик, используемых для манипуляций сознанием адресата, не заканчивается. Например, И.В. Жуков считает, что одни и те же факты могут быть названы по-разному, следовательно, каждая их номинация влечёт за собой ту или иную степень оценочности, а также степень политической ориентированности. Зачастую применяется стереотипизация сознания, тем самым происходит эмоциональная подстройка слушателя на выгодный для правящей элиты образ мышления. Например, какое-либо провокационное высказывание оппозиционера может быть трактовано как «провокация против действующей власти», с одной стороны, а с другой – «действительная забота о народе» [60].

Другой, не менее эффективной тактикой, о которой упоминал С.Г. Кара-Мурза, является обращение к каким-либо авторитетам. Данный способ реализуется посредством прямого цитирования, которое понимается И.Р. Гальпериным как «точное воспроизведение отрезка какого-либо текста» [38, с. 176]. Обращение к каким-либо известным персонам не только повышает авторитет оратора, но и придаёт его словам определённую степень достоверности и правдоподобности. Следует отметить, что данный способ манифестации может быть и ошибочным:

это произойдёт в том случае, если цитату автора «вырвут» из контекста, подставив на её место другой контекст. Следовательно, достоверность подобных ссылок необходимо проверять.

Таким образом, мы рассмотрели тактики и стратегии воздействия на адресата в политическом дискурсе. Важно отметить, что рассмотренные нами виды стратегий и тактик не являются исключительными, а каждая представляет собой лишь одну из попыток охарактеризовать способы выражения намерения лиц, создающих комментарии. Из-за большого разнообразия выделенных тактик целесообразно утверждать, что все они являются взаимодополняющими, потому что каждый автор рассматривал речевые акты и тактики только через одну грань своего видения.

Более того, «выделяя конкретные коммуникативные стратегии и тактики, каждый исследователь руководствуется собственной сферой научных интересов. Сложно представить, что можно составить универсальное описание всех речевых стратегий и тактик, которое будет удовлетворять каждого учёного. Проблема состоит в том, что в условиях развития средств массовой информации, всевозможных новых средств связи возникают и новые форматы общения, которые определяют поиск новых подходов к использованию коммуникативных тактик» [74, с. 65].

Каждая стратегия и тактика формируется в зависимости от того, как учёный решает поставленную перед ним задачу. В нашей работе мы будем придерживаться нескольких тактик, детальный обзор которых будет представлен в практической части диссертации.

Возможности стратегий и тактик не могут быть реализованы без лингвопрагматического аспекта, а вместе с ним и теории речевых актов (ТРА) которая расширяет возможности приведённых стратегий и тактик. О важности ТРА и лингвопрагматики пойдёт речь в следующем параграфе.

2.2 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: классификация по принципу текстопорождения

Любое высказывание, устное или письменное, имеет в своей основе какую-либо интенцию. Говорящий (или пишущий) сознательно или бессознательно вкладывает в него тот или иной смысл. В бессознательном случае из такого высказывания можно сделать вывод о том, что беспокоит автора в целом, а в случае сознательного добавления намерений уже сам автор начинает преследовать ту или иную цель, для достижения которой он прибегает к использованию определённого набора стратегий и тактик.

Данная классификация разработана С.Ж. Ергалиевой. Она функционирует на основе принципов текстопорождения: персонного (когда автор текста добавляет свои собственные эмоциональные ощущения при комментировании) и текстового (когда автор старается придерживаться исходного текста и выражает свою точку зрения с опорой на него). Допускается объединение данных принципов, что также будет рассмотрено в этом параграфе.

1) Персонная стратегия текстопорождения

При использовании персонной стратегии текстопорождения автор комментария отталкивается от мнения предыдущих комментаторов, что может привести к уходу от тематики исходного поста. Следовательно, применение такой стратегии ведёт к неизбежной потере объективности комментария: *You are not in any negotiations with the EU and you are incompetent but we know you will blame others for this #LiarJohnson* (Вы не состоите ни в каких переговорах с ЕС, и Вы некомпетентны, но мы знаем, что вы будете обвинять других за это). Называя Бориса Джонсона лжецом, автор заявляет, что тот на самом деле не ведёт никаких переговоров с Евросоюзом, более того, используя местоимение «мы», автор комментария подчеркивает, что Борис Джонсон потом в своих неудачах будет обвинять других. Отсутствие сокращённых форм свидетельствует о формализации высказывания, т.е. автор комментария стремится подчеркнуть важность и актуальность своих слов. Применение хештега, в котором Борис Джонсон

отождествляется с лжецом, показывает не только отношение автора к политику, но и содержит в себе призыв к остальным пользователям сети к использованию данного хештега в отношении премьер-министра. Как правило, при употреблении персонной стратегии комментариев становится менее предвзятым, поскольку автор выражает своё личное отношение к комментируемому материалу, а не обоснованное какими-либо фактами.

Следующий комментарий *Enough is enough we want our Brexit and you leading us* (достаточно – значит, достаточно; мы хотим наш “Брексит”, и чтобы Вы руководили нами), в отличие от предыдущего, направлен на поддержку Бориса Джонсона, однако его автор снова прибегает к местоимению “we”, в то время как он не может говорить от имени большинства. Тем не менее местоимение “we” сочетается с местоимением “our”, однако, в то же время противопоставляется местоимению “you”. В результате комментарий всего лишь выражает субъективное мнение автора в отношении данного вопроса, однако в нём подчёркивается поддержка премьер-министра: автор стремится не только к тому, чтобы «народ» не принимал решения самостоятельно, но и с опорой на Бориса Джонсона. Такая стратегия текстопорождения прежде всего ориентирована непосредственно на личное мнение автора комментария и служит для его выражения.

Ссылка на какие-либо сведения или данные, связанные с другими людьми, также может быть продемонстрирована посредством персонной стратегии: *Great job Boris a voice for the 17.5 million, out means out, we can't beg to the EU we are Great Britain* (отличная работа, Борис, получить голоса от 17,5 миллионов; выходим, значит, выходим, мы не можем преклоняться перед Евросоюзом, мы Великобритания). Указанная цифра – 17,5 миллиона – это число проголосовавших людей «за», следовательно, это даёт автору право ссылаться на нее. В данном комментарии также используется местоимение “we”, т.е. этим автор отождествляет своё мнение с народным. Тем не менее наблюдается нелогичный ход мысли: начиная с одной мысли, автор переходит к другой, что свидетельствует о неструктурированности и спонтанности хода его мыслей. Вначале он отмечает хорошую работу премьер-министра с указанием количества людей, отдавших за

него голоса, после этого мысль переключается на фразу «выходить так выходить», и затем уже от имени всего народа высказывается обращение, связанное с выходом из ЕС.

Интерес также представляет комментарий, написанный к посту по случаю выхода из Евросоюза: *We told you Brexit won't work so don't look to Remainers for answers. You boasted you had the answers, and got the kudos and salary on that basis, so go on then – get on with it!* (мы говорили Вам, что Брексит не сработает, поэтому не смотрите на тех, кто «за» то, чтобы остаться, в поисках ответов. Вы хвастались, что у Вас есть ответы; на этой основе вы получили престиж и зарплату – что ж, продолжайте, продолжайте в том же духе).

Автор данного комментария снова прибегает к местоимению “we”, создавая обобщающий характер сообщений. Благодаря применению двух отрицательных форм глагола появляется оттенок неприятия автором сложившейся ситуации; более того, если в первом случае мы имеем дело с отрицательной формой глагола, то во втором содержится императив в отрицательной форме, что также дополняет первый случай. Троекратный повтор местоимения “you” позволяет нам отметить факт непосредственного обращения к Борису Джонсону с позиции обвинения, в котором ему предлагается теперь дальше разбирать всё то, что он совершил.

Персональная стратегия текстопорождения включает в себя три тактики: ассоциативности, домысливания и эмоциональности. Рассмотрим каждую из них.

1.1) Тактика ассоциативности

Тактика ассоциативности заключается в стремлении детерминировать потенциальную связь текста с тем или иным явлением, которое находится «за» текстом, иными словами, здесь рассматриваются экстралингвистические связи комментария: «тексты, порождённые с помощью данной тактики, реализуют деривационно-ассоциативный потенциал исходного текста и содержат инновации мутационного типа» [58, с. 79].

Например, в комментарии *And there goes our country down the toilet. My grandparents fought and died in wars to prevent this type of tyranny and stupidity but I guess that doesn't matter as long as the pockets of the wealthy stay full* (и здесь наша

страна катится в «тар-тарары». Мои бабушка с дедушкой сражались и погибли в войнах, чтобы предотвратить этот вид тирании и глупости, но, как я понимаю, это ничего не значит до тех пор, пока карманы богатых полны) автор выстраивает ассоциативную связь будущего страны с его родственниками, павшими в войнах, сравнивая складывающуюся политическую ситуацию в стране со «спуском в канализацию» всех их заслуг. Триада война-родственники-будущее в данном случае направлена на пробуждение ассоциаций у определённой группы людей, как правило, одной возрастной группы с автором комментария, у которых, возможно, могут возникнуть подобного рода ассоциации, связанные с войной и будущим страны. Противопоставление война-смерть-богатые также использовано для того, чтобы показать контраст между «простыми людьми», которые участвуют в войнах, и богатыми, которые предпочитают не подвергать себя опасности во время войны.

Более того, первое предложение также составлено с целью привлечения внимания: в результате инверсии в начале предложения глагол “to go” находится на первом месте вместо лексики “our country”, что позволяет подчеркнуть «уход» страны в направлении, указанной уже лексемой “toilet”, которая вынесена на последнее место, что в итоге четко формирует читательское восприятие комментария: страна идёт к разрухе, и при этом очень быстро. К тому же, предложение начинается с союза “and”, что придает эффект «добавочности» и «оперативности» по отношению к основному потоку информации.

Другим примером данной тактики может служить комментарий *How about investment in Wales? It was a Conservative government that cut the legs from under the Welsh economy in the 1980s when they decided they didn't need us anymore. Appropriate that a post Brexit Conservative government should reinvest. Swansea tidal lagoon for a start?* (как насчёт инвестирования в Уэльс? Именно консервативное правительство, которое выбило почву из-под ног валлийской экономике в 1980-х годах, когда решило, что мы им больше не нужны. Уместно, что консервативное правительство пост-Брексита должно реинвестировать. Для начала лагуна Суонси?). Автор этого комментария описывает ассоциацию, связанную с нынешней ситуацией в Британии, и сравнивает её с произошедшей в Уэльсе в 1980

г. экономической рецессией, когда уровень безработицы стал рекордным для всей страны. При помощи возникшей ассоциации автор выражает пожелание не допустить подобной ситуации в будущем.

Данный комментарий отличается кольцевой композицией: он начинается с риторических вопросов и заканчивается ими. Этот приём используется для того, чтобы обратить внимание читателя на наличие рождаемого противоречием вопроса, который автор комментария выносит на обсуждение.

Halloween kickoff...? (преддверие Хэллоуина?) – комментарий вызывает ассоциацию с праздником «Хэллоуин» – днём всех святых – и также включает в себя футбольное понятие, означающее начало игры. В результате совмещения двух ассоциаций мы получаем своего рода ироничное олицетворение начала нового времени Англии; однако мы не можем из данного комментария сделать вывод, какую позицию занимает его автор. Риторический вопрос, стоящий в основе комментария, используется для того, чтобы ответ на него остался открытым, но и читатель сам должен определить свое отношение.

Следующий комментарий является очень простым по способу своей подачи, однако именно этот способ помогает вызвать в сознании ассоциацию, вызванную междометием, выражающим крайнюю степень неодобрения чего-либо:
VOOO
OO
OO
OO
OO
OO
OO
OO!
(фууууу). Усиление эффекта здесь достигается именно благодаря введению «протяжного» звука [u:] наряду с капитализацией букв (приёма, при котором все буквы являются прописными). Такой комментарий является достаточно лёгким для понимания и интерпретации, однако его объективность остаётся под вопросом, поскольку не подкреплена какими-либо фактами.

Целью применения данной тактики является «активизация» определённых ассоциаций в сознании читателя, от которого в дальнейшем ожидается принятие решений уже под влиянием данной идеи. Безусловно, задаваемая ассоциация должна быть соотнесена с картиной мира адресата, иначе желаемый эффект достигнут не будет.

Тактика ассоциативности достаточно часто используется вместе с тактикой домысливания. Это реализуется на группах ассоциаций: одна ассоциация провоцирует появление другой, связанной с первой, и человек, чаще всего неосознанно, не только связывает свой комментарий с каким-либо явлением или событием, но и дополняет его своими собственными мыслями и идеями, он его домысливает, привнося в него новые смыслы.

Следовательно, мы можем говорить о том, что данная тактика добавляет к комментарию такие оттенки значения, которые не были отражены в исходном тексте, тем самым уменьшая долю объективности комментария: «комментатор, используя тактику домысливания, интерпретирует первичный текст и создаёт комментарий на основе собственного опыта, выходя за рамки темы или содержания исходного текста» [58, с. 95].

1.2) Тактика домысливания

Тактика домысливания является весьма частотной в рассматриваемых комментариях. К примеру, в следующем комментарии мы можем отметить использование этой тактики: *In reality... Johnson isn't investing more money into the NHS, the money he's talking about is money which trusts were forced into saving through cuts. Do you think the NHS will be safe in a postBrexit Britain? No it won't* (в действительности... Джонсон не инвестирует больше денег в национальную систему здравоохранения; это деньги, которые трасты были вынуждены откладывать за счет сокращений. Вы думаете, национальная система здравоохранения будет в безопасности после Брексита? Нет, не будет). Автор «домысливает» содержание поста, говоря, как всё обещанное Борисом Джонсоном будет происходить на самом деле: деньги не будут вложены в здравоохранение. В данном комментарии важно отметить слово “reality”, поскольку оно не только

призывает обратить внимание на реальный эффект от действий Бориса Джонсона, но и подкрепляется формой времени Present Continuous, которая использована для выражения «фонового» действия и происходит в данный момент. Риторический вопрос является кульминацией домысливания автора комментария, при этом сам вопрос, скорее всего, так и не выйдет за пределы его сознания. Безусловно, такие комментарии не обладают какой-либо объективностью и лишь выражают субъективное мнение автора.

Другим примером комментариев тактики домысливания может служить следующий: *And force working people in this country to wait until after they die to draw a state pension? We already have the worst pension in Europe. Is not having one at all your solution to this ignominy? You created our crime levels. You seem unable to speak about the NHS without lying* (и заставить работающих людей в этой стране ждать своей смерти, чтобы получить пенсию? У нас уже самая плохая пенсия в Европе. Разве у Вас нет единого решения для этого позора? Вы создали наши уровни преступности. Вы, кажется, не можете говорить о национальной системе здравоохранения без лжи). Автор отталкивается от исходного обещания Бориса Джонсона об улучшении благосостояния граждан, но при этом также ассоциирует достижение поставленных целей с ценой принуждения людей работать без пенсии; более того, он обвиняет премьер-министра в создании уровня преступности, с которым он уже теперь сам обещает бороться.

Тактика домысливания реализуется прежде всего благодаря риторическим вопросам, которые служат для выражения неуверенности и неудовлетворённости результатами действий премьер-министра. Использование инверсии в первом предложении служит для привлечения внимания читателя и указывает на то, что само содержание вопроса имеет больший приоритет, чем его грамматическая структура. Более того, следует отметить отсутствие сокращённых форм в комментарии, что свидетельствует о желании автора эмоционально подчеркнуть важность сообщения и каждого в нём слова. Благодаря лексическому повтору в последних двух предложениях местоимения “you” автор усиливает эффект вины Бориса Джонсона за его деяния, описываемые автором комментария. Более того,

приём парцелляции в этих же предложениях создаёт резкость и прерывистость высказывания, что также отражает негативное отношение автора комментария к премьер-министру. Поскольку комментарий выражает личные домыслы автора, следовательно, не является объективным.

That's probably because the referendum was based on lies. I wonder who told many of those lies? 350 million to the NHS should haunt you... All because the EU want to find out the people avoiding tax (возможно это потому, что референдум был основан на лжи. Мне интересно, кто соврал так много? 350 миллионов на национальную систему здравоохранения должны Вас преследовать... Всё потому, что ЕС хочет узнать людей, уклоняющихся от налогов).

Данный комментарий также является примером тактики домысливания, поскольку сам автор утверждает, что, возможно, референдум был проведён обманным путём, тем самым он допускает мысль о возможной фальсификации. Использование слова “probably” служит двум целям: с одной стороны, автор снимает с себя ответственность в случае ошибочного суждения, а с другой – придаёт комментарию эффект неуверенности, тем самым подчёркивая тот факт, что такое суждение является собственным суждением автора комментария, а не какой-либо общеизвестной информацией. Неуверенность автора также выражена с помощью риторического вопроса, в котором автор подчёркивает, что ему самому интересно, кто является распространителем неверной информации. Следующим ключевым моментом является повтор слова “lies”, сделанный с целью акцентировать на нём внимание читателя и убедить в своем мнении. В силу того, что автор прибегает к тактике домысливания, данный комментарий не может считаться объективным.

Примечательным является комментарий, оставленный к посту, посвящённому выходу Великобритании из ЕС, поскольку в нём автор ссылается на первоначальный пост Бориса Джонсона об инвестировании в здравоохранение: *So tomorrow will the NHS receive the £350 million you promised* (итак, завтра национальная система здравоохранения получит обещанные 350 миллионов фунтов стерлингов). Ассоциация с первоначальным постом по этой тематике, а

также ироническое завершение определяют комментарий в категорию тактики домысливания, однако комментарий не может быть однозначно назван объективным или субъективным; авторская ирония заставляет отрицательно посмотреть на результаты выхода из ЕС и то, что предварительные обещания не оправдались. Для усиления эффекта комментария здесь используется инверсия, акцентирующая внимание читателя на словах “will” и “receive”; этим иронично подчеркнуты сроки исполнения обещаний британского премьер-министра, которые должны были быть выполнены после выхода из ЕС.

Таким образом, если в комментарии используется только лишь тактика домысливания, то он теряет объективность. Человек, читающий такой комментарий, легко поймёт, что автор выражает свои собственные домыслы. Большой интерес представляет смешение тактики ассоциативности и домысливания, поскольку под влиянием уже заранее подготовленной ассоциации автор комментария может её добавить к прошлой информации и тем самым дополнить её или видоизменить, однако она уже не будет воспринята как «домыслы», поскольку её роль будет завышена под влиянием ассоциации.

1.3) Тактика эмоциональности

Тактика эмоциональности служит для выражения эмоций и часто имеет яркую коннотативную окраску.

«Эмоциональность можно рассматривать как ответную реакцию на описанную в первичном тексте политическую ситуацию или на высказывания коммуникантов в сети Интернет. Эмоциональная реакция комментатора может проявляться в двух разновидностях: отрицательная реакция передаётся с помощью иронии или оскорбления, а положительная – удивления» [58, с. 86].

Положительные комментарии примерно в равной степени соотносятся с отрицательными в посте, посвящённом успешному выходу Великобритании из ЕС: *You got it done! Top man!* (вы это сделали! Великий человек!), *Congratulations Prime Minister! I trust you will lead your people well* (поздравляю, премьер-министр! Я доверяю Вам; Вы будете вести людей за собой хорошо), *Thankyou!!!! so much for*

getting brexit done. Trust has now been fully restored (большое спасибо Вам за Брексит. Доверие к Вам полностью восстановлено).

В данных комментариях восклицательные предложения служат для выражения радости. Также следует отметить постепенное нарастание эмоциональности, которое демонстрируется посредством увеличения количества восклицательных знаков, в результате чего появляется прием градации. Такие комментарии отличаются отсутствием сложных грамматических конструкций, поскольку желанием автора является выражение эмоций непосредственно на момент написания комментария, а не стремление вызвать у читателя какую-либо продолжительную реакцию.

Однако и негативных комментариев, несмотря на достижение «точки невозврата», достаточно много: *I'll come together when you start telling the truth So never #LiarJohnson #BrexitJohnson* (я объединюсь, когда Вы начнете говорить правду, так что, никогда), *I hate you more than I hated Thatcher. And that's saying something* (я ненавижу Вас больше, чем ненавидел Тэтчер. И это о чем-то говорит), *You are a moron who just screwed your country to appease Vladimir Putin* (Вы дурак, который только что облажался со своей страной, чтобы успокоить Владимира Путина).

Отметим, что такая картина наблюдается в посте, вышедшем уже после отделения Великобритании от Евросоюза. Однако в других постах, которые предшествовали этому событию, негативных комментариев было ещё больше, что говорит о большом количестве людей, несогласных с политикой, проводимой их премьер-министром. Также отметим ссылку на президента РФ – Владимира Владимировича Путина, которого, по мнению автора, слушается Борис Джонсон. Более того, интересна ассоциация с Маргарет Тэтчер, премьер-министром Великобритании в период с 1979 по 1990 г. Автор указывает, что ненавидит Бориса Джонсона больше, чем её. Несмотря на репутацию «железной леди», само сравнение этих двух политиков также кажется нелогичным.

Стилистическая сторона таких комментариев, как правило, имеет яркую коннотативную окраску: лексический повтор глагола “hate” в совокупности с

отсылкой к Маргарет Тэтчер выражает крайнюю степень неприязни к Борису Джонсону, хештег “liar”, уже рассмотренный нами ранее в контексте обращения к премьер-министру, использован снова, нецензурные выражения “moron” и “screwed” вводятся для подчеркивания негативного отношения к политику. Глагол “appease”, использованный для описания отношения Бориса Джонсона к президенту РФ В.В. Путину, может быть переведён как «утешать, умирать, успокаивать, потворствовать». Уже само по себе употребление такого слова в отношении политика уровня Бориса Джонсона имеет саркастическое значение: автор принижает авторитет премьер-министра Великобритании, указывая на тот факт, что он делает всё, чтобы «угодить» президенту РФ.

В целом тактика эмоциональности служит для создания определённых эмоций у читателя, или же она может содержать в себе провокацию для дальнейших действий в комментариях: ссоры или оскорблений, помощи или поддержки.

Итак, нами были рассмотрены непосредственно в комментариях тактики ассоциативности, домысливания и эмоциональности, которые входили в персонную стратегию текстопорождения. Теперь рассмотрим текстовую стратегию текстопорождения.

2) Текстовая стратегия текстопорождения

Текстовая стратегия является противоположностью персонной. Автор комментария обращается исключительно к исходному тексту, объективно рассматривая содержащуюся в нем информацию, поэтому комментарии, составленные на основе данной стратегии, можно считать более объективными, нежели комментарии, созданные при персонной стратегии текстопорождения.

Текстовая стратегия подразумевает наличие трёх тактик: копиальности содержания, копиальности формы и ключевых слов.

Среди комментариев, относящихся к данной стратегии, можно отметить следующие (все они относятся к посту Бориса Джонсона *We will leave the EU on October 31st, invest more money in our NHS and crack down on violent crime. #LeaveOct31* (мы выйдем из Евросоюза 31 октября, инвестируем больше денег в

систему национального здравоохранения и примем жёсткие меры в отношении жестоких преступлений); в данном посте присутствует перечисление конкретных действий, следовательно, появляется основание для текстовой стратегии (генерации): *Let's leave on the 31st of October with No - Deal and afterwards have a General Election* (давайте выйдем 31-го октября без соглашения, а потом проведем всеобщие выборы), *Why couldn't the NHS & violent crime be dealt with while we were in the EU?* (почему с национальной системой здравоохранения и жестокими преступлениями нельзя было разобраться, пока мы были в ЕС?), *Violent crime created by Brexit and your brand of Toryism...we will need investment in the NHS to patch people up as a consequence of the civil disorder you will create* (жестокие преступления, созданные Брекситом и Вашим торизмом... нам потребуются инвестиции в систему национального здравоохранения, чтобы подлечить людей, пострадавших от гражданских беспорядков, которые вы создадите) и др. Приведенные комментарии в той или иной степени копируют фрагменты исходного текста, и в дальнейшем мы классифицируем их по используемым в них тактикам.

2.1) Тактика копиальности содержания

Тактика копиальности содержания характеризуется С.Ж. Ергалиевой следующим образом: «Передача смысла исходного текста с применением тактики копиальности содержания осуществляется с помощью деривационных процессов – развёртывания или свёртывания, что определяет формальное (внешнее) изменение текста. Содержательная форма не подвергается изменениям, поскольку компоненты исходного текста заменяются синонимами или описываются другими единицами, перефразируются синонимическими и описательными конструкциями» [58, с. 66].

Создатель комментария принимает исходный текст за основу, анализирует недавно произошедшие события из области комментария и объединяет свои мысли приблизительно в таком же тексте, как и исходный, но полностью отличным от него по композиционной структуре. Новый, получившийся текст теоретически отражает то же, что и исходный, но он уже является самостоятельным произведением своего

автора. Очевидно, что такие комментарии всегда будут объективны. В то же время они часто пересекаются с тактикой домысливания, поскольку, кратко пересказав содержимое исходного поста, автор стремится дополнить сообщение своими мыслями по обсуждаемому вопросу.

Let's leave on the 31st of October with No - Deal and afterwards have a General Election (давайте выйдем 31-го октября без соглашения, а потом проведем всеобщие выборы). Тактика копиальности содержания – данный комментарий в целом копирует идею исходного поста о скором выходе Великобритании из ЕС. Автор солидарен с Борисом Джонсоном и, собственно, своим комментарием подчёркивает необходимость выхода из ЕС. Используя форму “let’s”, автор идёт на сближение с Борисом Джонсоном, создавая ассоциацию непринуждённости в общении. В то же время эта конструкция может содержать в себе обращение к народу.

Другим примером является комментарий *Yes, crack down on violent and antisocial crime damaging communities and making sure police are investigating burglaries and theft instead of hurty words would be good too. Find out who is in our country and remove illegal immigrants. No amnesty* (да, давайте примем жёсткие меры в отношении жестоких и антиобщественных преступлений и удостоверимся, что полиция расследует квартирные кражи и воровство, вместо громких слов. Выясните, кто находится в нашей стране, и депортируйте нелегальных иммигрантов. Никакой амнистии), в котором автор не только соглашается с действиями, описанными в исходном комментарии, но и предлагает свои варианты решения описанных проблем и задач. Автор использует тактику копиальности формы. Мы отмечаем, что, благодаря повтору слов из исходного комментария (“crack down on violent crime”), автор комментария акцентирует внимание только на понятии «преступления», но то «преступление», о котором говорит автор, уже отличается от того, о котором сообщает Борис Джонсон. Однако использование повелительного наклонения при обращении к британскому премьер-министру может свидетельствовать о том, что составитель комментария не только единодушен с ним, но и уверен в правильности своих предложений. Лексема

“hurty” предположительно является окказионализмом, поскольку не встречается ни в одном из словарей, включая словарь табуированной лексики. Опираясь на контекст, мы можем предположить, что автор предлагает полиции исследовать реальные дела, а не произносить «громкие» или «тёплые» слова. Другим вариантом понимания данной лексемы может быть собственно орфографическая ошибка автора: “heartly” вместо “hurty”, тогда предложение начинает приобретать «правильный» смысл. Тема предупреждения преступлений и проблем мигрантов является примером добавления тактики домысливания в комментарий.

В комментарии *The NHS needs more than money. my sister (a retired nurse) says it is badly run and needs reorganising. There is a lot of waste* (системе национального здравоохранения нужно больше, чем деньги. Моя сестра (медсестра на пенсии) говорит, что она плохо управляется и нуждается в реорганизации. Очень много лишнего) автор косвенно соглашается с позицией Бориса Джонсона, однако при этом акцентирует внимание только на необходимости кардинального пересмотра системы здравоохранения, которой, по его мнению, нужны не только деньги, но и грамотная организация. В отличие от прошлого комментария, в котором автор применил императивные формы глагола для выражения своих предложений, здесь использована более мягкая форма, выраженная глаголом “need”, который придаёт всему высказыванию менее категоричный оттенок. Более того, данный глагол повторяется дважды, что усиливает его смысл. Здесь также присутствует применение тактики домысливания, поскольку автор переходит от общего к частному – от системных вопросов к отдельным проблемам здравоохранения.

К посту Бориса Джонсона по случаю выхода Великобритании из Евросоюза находим следующий комментарий: *Right BooBoo. Time to invest in the NHS, tackle gang violence and knife crime, reduce the number of people using food banks and invest in our education to teach children about life skills instead of Pythagorus theorem* (правильно, БуБу. Пришло время инвестировать в национальную службу здравоохранения, бороться с бандитизмом и преступлениями с применением ножей, сократить количество людей, пользующихся продовольственными

банками, и инвестировать в наше образование, чтобы научить детей жизненным навыкам вместо теоремы Пифагора).

Автор данного комментария, взяв за основную мысль идею поста, развивает и адаптирует её под своё собственное мнение. Императивные формы глагола в данном случае заменены инфинитивами цели: автор прибегает к данной форме, чтобы сделать комментарий менее категоричным. Более того, автор фамильярно обращается к Борису Джонсону – “BooBoo”, что на сленге может означать «детка, малышка». Данный факт подчёркивает уверенность автора комментария и его убеждённость в своей правоте. Кроме того, благодаря внедрению тактики домысливания, автор переходит на тему образования, считая, что детей необходимо учить жизненным навыкам, а не теореме Пифагора, которая, по его мнению, не имеет никакой практической значимости в реальной жизни.

2.2) Тактика копиальности формы

Тактика копиальности формы заключается непосредственно в копировании формы исходного текста, однако уже трансформированной в форме комментария: «под тактикой копиальности формы подразумевается копирование, цитирование автором фрагмента исходного текста или текста целиком, а также текста предыдущего комментатора (коммуниканта)» [58, с. 70].

При использовании данной тактики автор может как цитировать часть исходного текста, так и, сохраняя его форму и/или композиционную структуру, заменять некоторые слова другими, с целью выразить своё личное мнение о сообщаемой информации. Часто такие комментарии пересекаются с тактикой эмотивности, так как являются средством выражения эмоций автора.

Например, комментарий *You will sell off the NHS, end freedom of movement, end workers rights, destroy the car industry, cause shortages of medication, food & fuel* (Вы распродадите систему национального здравоохранения, покончите со свободой передвижения и правами рабочих, уничтожите машинную промышленность, вызовите нехватку лекарств, еды и топлива), сохраняя форму исходного комментария, является противоположным ему смыслу. Автор считает, что результатом выхода из ЕС будут не обещанная материальная помощь и борьба с

тяжкими преступлениями, а сознательное разрушение системы здравоохранения, ограничение прав и свобод, уничтожение автоиндустрии, сокращение поставок лекарственных препаратов, еды и топлива. Иными словами, используя форму исходного поста, автор полностью его переделывает в соответствии со своим мнением, что приводит к потере объективности. На стилистическом уровне следует отметить приём градации: благодаря перечислению, придается бóльшая значимость действиям, которые надлежит предпринять премьер-министру; однако в данном случае этот приём не является авторским, поскольку автор использовал тактику копиальности формы, заимствовав градацию из исходного поста. Цель применения данного приёма – привлечение внимания читателя к событиям, в которых Борис Джонсон собирается принять участие.

Другим, идеальным примером тактики копиальности формы может служить комментарий *Let me translate that for you, I will invest more money in the NHS to make it ready for the big sell off. I will crack down on violent crime as a distraction to the activities in the money laundering capital London – and there will be a lot of rioting when the shelves are empty* (позвольте мне перевести это для вас. Я вложу деньги в систему национального здравоохранения, чтобы подготовить её для дальнейшей продажи. Я буду бороться с тяжкими преступлениями, чтобы отвлечь от отмывания денег в столице – и да начнутся там бунты, когда полки опустеют). Автор полностью сохранил структуру исходного поста, даже отдельные ключевые формулировки, однако при этом внёс добавочные значения путём изменения той части комментария, в которой говорится о получаемых результатах. Предложение начинается с оборота “let me”, которое, безусловно, используется в ироническом контексте: автор не спрашивает позволения на перевод, а сообщает, что знает, как истолковать написанное Борисом Джонсоном сообщение. В окончании «перевода» автор использует тактику домысливания, предсказывая дальнейшие мятежи, когда «товары на полках закончатся».

Следующий комментарий с тактикой копиальности формы частично копирует исходную форму и также обладает негативным оттенком: *It isn't a binary choice. You can still invest in the NHS, crack down on crime and still be a leading member*

of the EU. We should be leading Europe not leaving it. Johnson, you are a conman. You will be found out (это не двойственный выбор. Вы по-прежнему можете инвестировать в национальную систему здравоохранения, бороться с преступностью и при этом оставаться ведущим членом ЕС. Мы должны вести Европу, а не покидать ее. Джонсон, вы мошенник. Вас выведут на чистую воду). Автор утверждает, что премьер-министр является мошенником и всё то, что он решил сделать, можно претворить в жизнь и без выхода из Евросоюза. Использование приёма парцелляции в данном комментарии позволяет создать необходимый эффект подчёркивания чувства недовольства автора комментария. Также следует обратить внимание на использование местоимений “You” и “We” – так автор противопоставляет «мошенника Джонсона» и «себя с народом», выставляя последних как страдающую сторону. Однако в конце высказывания он заявляет, что скоро Бориса Джонсона «выведут на чистую воду».

Таким образом, примеры комментариев с тактикой копиальности формы имеют негативный характер: сама форма располагает к этому, потому что переделывать исходный текст, сохраняя его значение, было бы бессмысленно. Однако данная тактика позволяет нам при помощи сопоставления и контраста наглядно представить читателю две реальности – два взгляда на проблему – личное видение автора поста (Бориса Джонсона) и самого автора комментария.

2.3) Тактика ключевых слов

Последней тактикой в текстовой стратегии текстопорождения является тактика ключевых слов. Она реализуется посредством «выборки» каких-либо слов из исходного поста, которые, по мнению автора, являются ключевыми, и, уже развивая свой комментарий далее, автор создаёт текст с опорой на данные слова.

В качестве примеров таких комментариев можно привести следующие (ключевые слова выделены полужирным шрифтом): *Leave EU on 31-Oct, put new money into NHS, cut violent crime? Let's see how many pledges he delivers on!* (покинуть Евросоюз, вложить новые деньги в национальную систему здравоохранения, бороться с тяжкими преступлениями? Посмотрим, сколько обещаний он выполнит), *Where's the money for our NHS, Boris?* (где деньги на нашу

национальную систему здравоохранения, Борис?), *You staved the NHS of money, you are just putting back what you have taken* (Вы столько денег украли у национальной системы здравоохранения, что сейчас просто возвращаете то, что взяли) и др.

Как правило, авторы комментариев с тактикой ключевых слов берут за основу одно или несколько слов из исходного текста поста и, вставляя их в свой комментарий, выражают свою точку зрения. Характер таких комментариев чаще всего негативный, а объективность зависит от того, в каком смысле автор комментария интерпретирует выбранные им ключевые слова, поэтому однозначно выразить степень объективности не предоставляется возможным.

Безусловно, тактика ключевых слов включает в себя и другие тактики; она является вспомогательной тактикой по отношению к ним. Со стилистической стороны комментарии с ключевыми словами содержат те же средства языковой выразительности, что и другие примеры комментариев: риторические вопросы, инверсию, лексические средства выразительности и т.д.

Примеры таких комментариев: *If you intend to crack down on violent crime PM, what the hell are we paying Mayor Khan for?* (если вы намереваетесь бороться с тяжкими преступлениями, премьер-министр, то за что, черт возьми, мы платим мэру Хану?) – тактика ключевых слов дополняет тактику эмоциональности и домысливания; *It isn't a binary choice. You can still invest in the NHS, crack down on crime and still be a leading member of the EU. We should be leading Europe not leaving it. Johnson, you are a conman. You will be found out* (Это не двойственный выбор. Вы по-прежнему можете инвестировать в национальную систему здравоохранения, бороться с преступностью и при этом оставаться ведущим членом ЕС. Мы должны вести Европу, а не покидать ее. Джонсон, вы мошенник. Вас выведут на чистую воду) – здесь тактика ключевых слов дополняет тактику домысливания; *But not crack down on non-violent crime like electoral law breaking & perverting democracy* (но не надо бороться с нетяжкими преступлениями вроде нарушения закона при выборах и извращение демократии) – объединение с тактикой домысливания.

Таким образом, мы рассмотрели тактики копиальности содержания, копиальности формы и тактику ключевых слов, которые входят в состав текстовой

стратегии текстопорождения. Безусловно, во многих комментариях данные тактики могут пересекаться.

Возвращаясь к стратегиям текстопорождения необходимо отметить, что допускается объединение двух стратегий (персонной и текстовой): в данном случае автор может начинать комментировать, опираясь на исходный пост, а затем добавить своё личное мнение в отношении содержимого, следовательно, соединив обе стратегии. Также допускается и обратный порядок при объединении данных стратегий.

Примером объединения таких тактик может являться комментарий, написанный к посту об успешном выходе Великобритании из ЕС: *Brexit is a crime scene. To come together is to accept that. No thanks. You own this. You also own all the chickens that will now come home to roost* (Брексит – это место преступления. Объединиться вместе – значит принять это. Нет, спасибо. Выбор за Вами. Вы также управляете всеми “курочками”, которые сейчас вернутся к себе домой в курятник).

С одной стороны, автор комментария опирается на исходный текст: он ссылается на “Brexit”, упоминает призыв Бориса Джонсона объединиться, но в то же время добавляет свои собственные мысли по поводу неприятия данного события.

Другим примером объединения тактик является комментарий к тому же посту *This country will never come together. Hope your power was worth it* (эта страна никогда не объединится. Надеюсь, ваша власть стоила этого). Как и в предыдущем примере, автор выделяет ключевые слова (come together), однако он говорит об обратном: он невозможности воссоединения страны в целом.

Количественное соотношение использованных стратегий в рассмотренных комментариях представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Количественное соотношение комментариев, использующих разные стратегии текстопорождения

Отметим, что подавляющим преимуществом обладают комментарии с использованием персонной стратегии текстопорождения (в соотношении приблизительно 90 : 10), поскольку авторы комментариев прежде всего стремятся подчеркнуть свои желания и показать свои амбиции, а затем уже обращаться к исходному тексту. К текстовой стратегии текстопорождения прибегает небольшой процент комментаторов, если не учитывать тактику ключевых слов, которая хоть и относится к текстовой стратегии (поскольку связана непосредственно с текстом), но при этом чаще всего является дополняющей к тактикам ассоциативности, домысливания и эмоциональности. Иными словами, вычленение автором комментария из текста исходного поста ключевых слов не означает, что он их объективно интерпретирует. Как правило, большинство комментаторов можно охарактеризовать как «поверхностно читающих» текст исходного поста, что в результате приводит к малой доле объективности в их комментариях. Самый большой процент объективных комментариев приходится на текстовую стратегию текстопорождения, поскольку именно при ее использовании авторы комментариев обращаются непосредственно к тексту, объективно рассматривая содержащуюся в нем информацию.

2.3 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: конвенциональные/неконвенциональные стратегии

Е.В. Рублёва в классификации стратегий опирается на способ воздействия на адресата и выделяет конвенциональные и неконвенциональные стратегии [122].

1) Конвенциональные стратегии

Данный вид стратегий использует традиционные способы воздействия на адресата. Человек старается поставить себя на место адресата и на уровне интуиции объяснить ему свои идеи, чтобы понимание было простым и не вызывало затруднений. К ним относятся *презентационные* стратегии, которые характеризуются применением средств художественной выразительности как для усиления эффекта от самопрезентации, так и для выделения самого сообщения.

Например, в комментарии *EXCELLENT News!* (отличные новости) эпитет “Excellent” придаёт новостям в высшей степени положительный оттенок, а приём капитализации служит для ещё большего усиления данного эффекта. Слово “News” также написано с прописной буквы, что позволяет сделать акцент на самом предмете сообщения – новости. Восклицательный тип предложения завершает концепцию эмоциональной выразительности данного комментария.

Anyone feeling a little proud to be British again? Just a little warm, fuzzy feeling like everything might just be ok? Conservatives returning to conservatism. Optimism in the air (кто-нибудь немного гордится тем, что снова стал британцем? Просто немного теплое, нечеткое ощущение, будто все в порядке? Консерваторы возвращаются к консерватизму. Оптимизм в воздухе).

Данный комментарий «пронизан» иронией, которая реализована эпитетами (“warm”, “fuzzy”), категорией модальности (“might just be ok”), риторическими вопросами (в которых искажён порядок слов для смены приоритетов при вопросе), игрой слов (“conservatives returning to conservatism»). Все описанные особенности соответствуют презентационному формату стратегии и ставят своей задачей усилить эффект от самопрезентации автора.

Следующим примером такого вида стратегий является комментарий *Exciting times!!* (восхитительные времена). Автор данного комментария даёт свою оценку происходящим событиям, сообщая, что настали «восхитительные времена». Эпитет “exciting” подчёркивает высокую степень восхищения автора, а краткость самого комментария задаёт сообщению краткий и восторженный характер. Два восклицательных знака в конце последнего предложения могут быть либо опечаткой (вместо трёх), либо авторским решением.

Конвенциональные стратегии также представлены в комментарии *Just make sure we leave without being tied to May's surrender Treaty and you'll be a HERO* (просто убедитесь, что мы выйдем без зависимости из “договора капитуляции” Мэй, и Вы будете героем) автор использует повелительное наклонение глагола для выражения и передачи своего мнения Борису Джонсону. Слово “just” подчёркивает простоту того действия, которое автор предлагает выполнить премьер-министру. Лексема “hero” написана при помощи приёма капитализации – все буквы являются прописными. Здесь он используется для того, чтобы подчеркнуть важность того титула, который он получит, осуществив выход Великобритании из ЕС.

Другим примером может служить комментарий, в котором автор также стремится поставить себя на место адресата и задать ему вопрос: *You are destroying lives. How can you continue down this path?* (Вы уничтожаете жизни. Как Вы можете продолжать идти по этой дорожке?). Данный комментарий отличается нейтральным тоном. Используя время the Present Continuous, автор подчёркивает, что уничтожение жизней происходит непосредственно в данный момент. Затем он задаёт логический риторический вопрос, ответа на который не ожидается; авторская позиция здесь предстаёт перед нами больше как позиция укора, т.е. сам автор не принимает каких-либо действий и не пытается внести какое-либо предложение, в сравнении с предыдущими комментаторами.

How many people are predicted to die ? How many bodybags have you stockpiled? I don't imagine you'd let your family stay in the UK if they had cancer would you?! Risking people's lives with food & med rationing makes you a criminal not a leader. Our country deserves better (сколько ещё людей должны умереть? Сколько мешков для

трупов Вы приготовили? Я не представляю, чтобы Ваша семья осталась в Соединённом Королевстве, будь у них рак, не так ли? Рискуя жизнью людей с помощью еды и медикаментов, вы становитесь преступником, а не лидером. Наша страна заслуживает лучшего).

Данный комментарий также содержит в себе риторические вопросы, однако в сравнении с предыдущим уже не является нейтральным. Прежде всего, риторических вопросов больше, и они выстроены по принципу градации, то есть каждый следующий вопрос усиливает эффект от предыдущего и дополняет его. Последнее предложение отличается своей краткостью; это можно объяснить тем, что сначала автор задает волнующие его вопросы и, не получив ответа, сам делает вывод о том, что страна заслуживает лучшего лидера.

Среди данных стратегий выделяются тактики *единения* и *аргументирования* [91]. В качестве примера тактики единения можно привести комментарий *We did it! Words cannot express how happy i am at the moment* (мы сделали это! Словами не выразить, как я счастлив сейчас). Подобного рода сообщения выражают, как правило, единение с народом. Используя местоимение “we”, автор стремится показать своё единение с Борисом Джонсоном, хоть и его заявление не подкреплено какими-либо фактами. Инверсия в самом комментарии ставит логическое ударение на слово «счастливый», чтобы подчеркнуть непосредственно эмоциональное состояние автора.

В качестве примера тактики аргументирования можно привести комментарий *So £350m a week for the NHS as promised?* (итак, 350 миллионов фунтов стерлингов в неделю, как обещано?). Данный комментарий не является прямым примером аргументирования, однако в нём присутствует ссылка на количественные данные, приведённые Борисом Джонсоном, поэтому комментарий можно считать объективным. Однако он построен в форме риторического вопроса, смысл которого можно трактовать неоднозначно: с одной стороны, это может быть обычный вопрос, а с другой стороны, в нём может быть скрыта ирония. К сожалению, для точной трактовки нам не хватает контекста.

Таким образом, данный вид стратегий – конвенциональные стратегии – служит непосредственно для обращения к адресату и направлен на упрощение коммуникации.

2) Неконвенциональные стратегии

Неконвенциональные стратегии используют нетрадиционные способы воздействия на адресата, оказывая скрытное воздействие на него. Цель такого типа стратегий – спровоцировать конфликт или же вызвать агрессию. Это может быть трактовано как стремление задеть или оскорбить человека, но может рассматриваться и как провокация, чтобы человек под влиянием эмоций совершил какое-либо ответное действие, необходимое автору комментария. Как правило, объективности такие комментарии лишены.

К примеру, комментарий *Biggest wasteman in the UK* (самый большой пустозвон в Соединённом Королевстве) провоцирует на дальнейший конфликт: автор называет Бориса Джонсона самым большим «пустым человеком в Соединённом Королевстве», что является оскорбительным для него. При этом данный комментарий лишён объективности и выражает лишь субъективное мнение автора.

Другим примером может служить комментарий *The only think you're missing is a little moustache!* (единственная вещь, которой Вам не достаёт, это маленьких усиков), который пересекается с тактикой ассоциативности, рассмотренной нами ранее. Автор предлагает премьер-министру отрастить небольшие «усы», что, в свою очередь, невольно вызывает ассоциации с Адольфом Гитлером и фашизмом, т.е. автор недвусмысленно связывает политика с ними. Безусловно, данный факт является оскорбительным и провоцирует на дальнейший конфликт.

What a load of rubbish (какая куча мусора) – данный комментарий называет сообщение Бориса Джонсона «кучей мусора», что также соответствует конфликтной стратегии воздействия. Цель данного комментария – спровоцировать дальнейший конфликт.

Следует отметить, что зачастую конфликтные стратегии применяются не только для того, чтобы воздействовать на автора поста, но и для того, чтобы в спор

вступали другие люди, читающие этот комментарий. Автор подобных конфликтных комментариев стремятся «доказать» им свою правоту и правильность взглядов.

К неконвенциональным стратегиям относится стратегия *внушения*, в которую входит тактика *навязывания мнения*. В качестве примера тактики навязывания мнения можно привести комментарий *If we leave the EU we will be poorer, we won't be able to put as much money as we do at the moment into the NHS, Police & Prisons. You told lies about what we sent to Brussels each month and sadly many believed you. You have done great harm to this country* (если мы покинем ЕС, мы будем беднее, мы не сможем вкладывать столько денег, сколько мы вкладываем сейчас в национальную службу здравоохранения, полицию и тюрьмы. Вы солгали нам о том, что Вы отправляли в Брюссель каждый месяц и, к сожалению. Многие Вам поверили. Вы нанесли очень много вреда этой стране). Автор данного комментария с уверенностью утверждает, что в случае выхода из ЕС страна станет беднее, однако при этом его слова не подкрепляются какими-либо фактами. Тактика внушения реализуется условным предложением первого типа, которое обозначает «реальное» условие, а также повтор местоимения “you”, использованный с целью подчеркнуть вину Бориса Джонсона. Фраза о том, что «многие» ему поверили – ещё один пример внушения, поскольку этот факт нельзя объективно доказать или опровергнуть.

Стратегия внушения, как правило, составляет 80 % случаев рассмотренных нами комментариев, поскольку одной из целей их авторов является навязывание своего мнения другим. Нейтральных комментариев, как правило, значительно меньше, чем тех, которые содержат в себе предпосылки к манипулированию адресатом.

При обращении к классификации О.С. Иссерс можно отметить, что предложенные ею виды стратегий и тактик носят достаточно общий характер: она разделяет их на основные и вспомогательные [64].

1) Основные стратегии

Под основными стратегиями исследователь понимает те стратегии, которые являются наиболее эффективными в данном контексте для оказания нужного воздействия на адресата с позиции целей и задач автора.

Например, преследуя цель выразить крайнее недовольство решениями Бориса Джонсона, автор может прибегнуть к его прямому обвинению. Это оптимальная тактика в данном контексте, поскольку целью составителя комментария является оскорбление, резкое осуждение премьер-министра: *Just resign. You awful man. You have done so much damage to this country. Just go* (просто уходите в отставку. Вы – ужасный человек. Вы нанесли так много вреда этой стране. Просто уходите). В данном комментарии реализованы основные стратегии, поскольку автор не ставит никакой цели, кроме оскорбления Бориса Джонсона. Более того, автор подчёркивает своё отрицательное отношение к политику путём внедрения лексических повторов, при этом мы можем наблюдать их кольцевую композиционную структуру: “Just – you – you – just”. Этим приёмом достигаются две цели: реализуется обращение и непосредственно обвинение Бориса Джонсона в его действиях, подчёркивается его личная вина, а словом “just” выражается «простота» того, что ему нужно сделать: «всего лишь уйти в отставку» и «просто уйти». Более того, приём парцелляции в данном комментарии служит для усиления резкости высказывания и, следовательно, выражения негодования.

Встречаются и более оскорбительные варианты применения такой стратегии: *IT'S LIES! MORE LIES! THEY'RE GONNA MAKE BILLIONS FOR THEMSELVES ON 31ST OCT.! WE WILL BE IN THE SHITTER AFTER THAT, MARK MY WORDS! DECADES OF SHORTAGES, RIOTS AND CIVIL UNREST, AND MY GOD WE WILL ALL BE A LOT POORER. THOSE OF US WHO SURVIVE IT, ANYWAY. DON'T FALL FOR THIS CRAP!* (Это ложь! Больше лжи! Они собираются сделать себе миллиарды 31 октября! Мы будем ещё в худшей ситуации после этого, попомните мои слова! Десятки лет дефицита, бунтов и общественных беспорядков, и, о боже, мы будем ещё беднее. Во всяком случае те из нас, кто переживет это. Не вступайте в эту ловушку!).

Автор данного комментария прибегает к приёму капитализации, чтобы привлечь внимание к своему сообщению. Затем уровень отрицательных эмоций усиливается вследствие применения обценной лексики (“shitter”, “crap”), восклицаний (“It’s lies!”), повторов (“lies!.. More lies”), градации (“shortages, riots and civil unrest”). Более того, нарастание эмоциональности является примером добавления тактики эмоциональности в данную стратегию.

Lies, lies, lies, lies. And we are paying to be lied to (ложь, ложь, ложь, ложь. И мы платим за то, чтобы нам врали). Данный комментарий также является примером применения основных стратегий. Благодаря лексическим повторам автор стремится подчеркнуть своё отрицательное отношение к тому, что говорит премьер-министр. Использование формы времени Present Continuous во втором предложении подчёркивает постоянство совершения данного действия, то есть лжи. Автор отмечает, что мы находимся в постоянном потоке лжи и при этом ещё и платим за это (предположительно, речь идёт о налогах).

You are a known and proven liar. No one with any integrity can trust you (Вы известный и проверенный лжец. Ни один честный человек не может доверять Вам). Данный комментарий также был написан с целью обвинить Бориса Джонсона во лжи. Примечательно, что автор начинает и заканчивает свой комментарий с местоимения “you” для того, чтобы подчеркнуть своё непосредственное обращение к премьер-министру. Отсутствие каких-либо сокращений или же разговорных выражений свидетельствует о том, что автор стремится подчеркнуть серьёзность своих слов. Использование отрицательного местоимения “No one” создаёт оттенок обобщения и массовости, однако сам комментарий демонстрирует лишь субъективное мнение автора и не может считаться объективным.

Некоторые авторы остаются лаконичными, но при этом тоже ставят своей целью обвинить британского премьер-министра во лжи: *Liar* (лжец). Следует отметить, что в «Твиттере» за Борисом Джонсоном закрепился одноимённый хештег: “#Liar”. Исходя из этого можно заключить, что достаточно большая часть электората считает его лжецом, и здесь его «народная» популярность невысока.

Таким образом, целью основных стратегий является максимально возможное влияние на адресата, которое можно реализовать на основе существующего контекста; автор, опираясь на контекст исходного поста или предшествующих ему комментариев, старается составить такое сообщение, которое быстро и эффективно окажет влияние на мнение читателя. По статистике применения, стратегии, отмеченные в классификации Е.В. Рублёвой, примерно поровну разделяют свои сферы употребления: конвенциональные являются традиционными видами стратегий, когда автор комментария ставит себя на место читателя и стремится донести до него ту или иную информацию; в презентационных используются средства художественной выразительности для усиления эффекта, а конфликтные стратегии провоцируют к возникновению спора. Все данные стратегии могут быть применены к разного рода комментариям, поэтому частота их использования отличается незначительно.

2) *Вспомогательные стратегии*

Стратегии вспомогательного типа уже более целенаправленные и служат для достижения оптимального воздействия на адресата. Здесь становятся важными такие аспекты, как канал связи, контекст, адресант и адресат (а также их социальные статусы), степень самопрезентации автора, эмоциональные средства выразительности.

Например, в комментарии *The NHS needs more than money. my sister (a retired nurse) says it is badly run and needs reorganising. There is a lot of waste* (Системе национального здравоохранения нужно больше, чем деньги. Моя сестра (медсестра на пенсии) говорит, что она плохо управляется и нуждается в реорганизации. Очень много лишнего) автор ссылается на «авторитет» – свою сестру, которая раньше работала медсестрой и имеет контакты в медицинской сфере, откуда она могла бы узнать детальную информацию. Заручившись такой поддержкой, он придаёт своему комментарию значимость, показывая, что у него есть доступ к информации о ситуации, происходящей «внутри» системы здравоохранения, тем самым повышая уровень своей самопрезентации.

Вспомогательный вид стратегии пересекается с уже рассмотренной нами тактикой эмоциональности С.Ж. Ергалиевой; однако вспомогательная стратегия является более объемлющей: здесь уже включено обращение к авторитетам, контекст, авторитет автора и т.д.

FUCK OFF YOU COCKWOMBLE (пошел ты). Данный комментарий является примером вспомогательных стратегий, поскольку состоит из обсценной лексики, служащей для оптимального воздействия на читателя. Более того, все слова в нём являются нецензурными, а приём капитализации служит для привлечения внимания к данному комментарию. Безусловно, его цель – не выразить своё мнение относительно текста исходного поста, а, наоборот, внести избыточную и необъективную информацию, воздействуя на читателя лишь на эмоциональном уровне.

Другим примером прямого воздействия на читателя является следующий комментарий: *Bullshit. You lied through your teeth to the British people in the referendum campaign. You are a charlatan and a mountebank* (ерунда. Вы наврали с три короба британскому народу во время кампании по референдуму. Вы шарлатан и пустозвон).

Первое предложение является уже средством эмоционального воздействия на читателя. Будучи односоставным и состоящим из одного слова, оно направлено на привлечения внимания; более того, такое «назывное» предложение допустимо лишь в разговорном английском. Употребление нецензурного слова в нём усиливает производимый на читателя эффект. В следующих двух предложениях автор подкрепляет свои суждения использованием лексических повторов (местоимение “you”) для привлечения внимания к личности премьер-министра, применяет идиому “to lie through one’s teeth”, усиливающую эффект от глагола “lie”, и в завершение своего комментария называет Бориса Джонсона шарлатаном и обманщиком. Таким образом, данный комментарий полностью направлен на прямое воздействие на читателя набором разного рода средств языковой выразительности.

Согласно количественным показателям, основные стратегии встречаются чаще, поскольку вспомогательные, как правило, стремятся к целенаправленному воздействию на читателя, а основные могут и не преследовать какой-либо ярко выраженной цели.

2.4 Стратегии и тактики, применяемые при составлении интернет-комментариев: классификации по принципу введения новой информации и акцентирования внимания читателя

Говоря о политической значимости стратегий, А.И. Башук выделяет два основных вида стратегий: контекстуальные и семантико-психологические [23].

1) *Контекстуальные стратегии*

Контекстуальные стратегии используются для декларации общих целей и в целом по своему посылу пересекаются с основными стратегиями О.С. Иссерс.

Например, *Liar shame on you !* (лжец, как не стыдно) – автор данного комментария декларирует, что Борис Джонсон является лжецом и ему должно быть стыдно, что и является общей целью данного комментария. Следует отметить тенденцию к аграмматизму в данном комментарии: отсутствие подлежащего и сказуемого, знаков препинания, а также стоящий через пробел восклицательный знак. Всё это указывает не только на разговорный уровень используемой лексики, но и на стремление показать пренебрежение к личности премьер-министра.

Другим примером может служить комментарий *We didn't elect you. But we can remove you from office. Stop apeing Trump. It's vomit-inducing* (мы не выбрали вас. Но мы можем лишить Вас поста. Прекратите подражать Трампу. Это тошнотворно). Он является отрицательным по отношению к Борису Джонсону: автор сообщает, что электорат за него не голосовал, и добавляет, что политик подражает Дональду Трампу. Общая цель, преследуемая в данном комментарии, лишена объективности: использование местоимения “we” является необоснованным, поскольку один человек не может выступать за весь электорат. Парцелляция в составе предложений носит «синтагматический» характер, т.е.

каждое предложение несёт в себе отдельный обособленный смысл, который реализуется именно благодаря этому приёму: в первом предложении отражена мысль о том, что люди не избирали Бориса Джонсона; во втором предложении уже присутствует угроза того, что политик может быть «лишен» своего поста; в третьем предложении ему предлагается перестать слушаться президента США; а в последнем он сообщает, что это «тошнотворно» (только третье и четвёртое предложение взаимосвязаны). Данная расстановка приоритетов указывает на чёткую постановку целей сообщения автором. При небольшом объёме комментария, автору удалось отразить сразу три аспекта, на которые он хотел обратить внимание.

Следующий пример – комментарий *So if it's shit we can kick you out. OK then* (что ж, если все будет плохо, то мы Вас выкинем. Посмотрим) – также выражает отрицательное отношение к Борису Джонсону: содержит угрозу, аналогичную той, которая была использована в предыдущем комментарии: угрозу «отстранения» от власти премьер-министра в случае плохого выполнения своих обязанностей. В отличие от предыдущего комментария, автор здесь более категоричен: на лексическом уровне можно отметить использование обценной лексики, а также фразовых глаголов (“kick out”), что также указывает на использование их сленговых значений. Использование условного предложения нулевого типа создаёт максимальную вероятность выполнения данного обещания, а последнее предложение “OK then” в силу своей лаконичности также подчёркивает готовность автора перейти от слов к действиям.

Таким образом, зачастую среди комментариев данной стратегии преобладают негативные, поскольку именно они декларируют какие-либо общие цели.

2) Семантико-психологические стратегии

Такого вида стратегии уже могут декларировать какие-либо новые политические принципы, веяния и тенденции; постулаты, касающиеся «светлого будущего», а также народного единства. Реализация данных стратегий

осуществляется путём внедрения особых слов, фраз, предложений, которые несут в себе данный смысл.

Например, комментарий *1984 genre repeat the lies over & over in a hypnotic false sense of security way. We the ppl are offended by your insult to our intelligence bravo* (жанр романа «1984» повторяется вновь и вновь через мнимое ощущение безопасности. Мы, народ, обижены на оскорбление нашей разведки) ссылается на роман Джорджа Оруэлла «1984», в котором описывается тоталитарное будущее, где каждый человек находится под контролем, а политика государства строится на фальсификациях и обманах. Данный комментарий содержит в себе идеи «светлого будущего», о потенциальном отсутствии которого как раз и заботится автор, а также об отсутствии народного единства (ppl = people). Сам комментарий является гипотетическим, поскольку автор стремится описать один из вариантов прогнозируемого будущего исходя из собственных соображений. Таким образом, он представляет интерес с позиции реализации данной стратегии.

Другой пример также сообщает о выполнении просьб народа: *At last a PM that will deliver on the will of the people. Corbyn & Co should pipe down and let the grownups deliver what Corbyn & Co have been trying to thwart ever since the referendum result was announced – to late Corbyn – that ship has sailed* (наконец-то премьер-министр, который выполнит волю народа. Корбин и компания должны успокоиться и позволить взрослым сделать то, чему Корбин и компания пытаются помешать с тех пор, как был объявлен результат референдума – «позднему» Корбину – этот шанс упущен). Автор заявляет, что наконец-то премьер-министр сделает так, как хочет народ, и что «лёд тронулся». Комментарий несёт в себе позитивный посыл; реализация комментария не обладает какими-либо особыми стилистическими приёмами, однако следует отметить, что он составлен полностью из разговорных выражений, употребление которых характерно для языка Интернета: использование приложения, знака “&” вместо “and”, использование фразовых глаголов и т.д.

Семантико-психологические стратегии не несут в себе сильной экспрессии или яркого вызова аудитории, они служат для создания аргументированного

комментария, призывающего людей задуматься о прочитанном и сложить в сознании определённые образы.

Контекстуальные стратегии встречаются, как правило, чаще семантико-психологических, поскольку содержат в себе общие цели и задачи, лежащие перед автором комментария. Семантико-психологические стратегии имеют чёткий образ адресата, средства воздействия на него (например, особые ключевые слова и призывы к народному единению), однако частотность их использования значительно меньше.

Е.И. Шейгал и Ю.М. Иванова выделяют три класса стратегий: интродуктивную, варьирующую и аддитивную [164].

1) Интродуктивная стратегия

При использовании данной стратегии информация предлагается адресату в первый раз, то есть только вводится в картину мира принимающей стороны.

Например, автор лаконичного комментария *We are screwed!* (у нас неприятности) позиционирует информацию как новую для читателя, сообщая, что «мы в неприятностях». Негативное отношение к Борису Джонсону заложено в лексеме “screw”, которая является примером нелитературного языка, следовательно, уже создаёт избыточную экспрессию, усиливающуюся восклицательным типом предложения.

Аналогичный комментарий – *Don't let us down, Boris* (не подведи нас, Борис) – также краток и направлен на поддержку Бориса Джонсона. Стратегия реализуется путём пожелания, которое в данном контексте звучит впервые; однако такого рода комментарий не требует какой-либо реакции других читателей, поскольку он направлен непосредственно на ключевого адресата – премьер-министра.

Be like Trump! He made promises and he has KEPT them! (будьте как Трамп! Он сделал обещания и сдержал их!) – данный комментарий тоже ориентирован больше на Бориса Джонсона, чем на аудиторию. Автор, ссылаясь на Дональда Трампа, сообщает, что он всегда держит свои обещания, и предлагает сделать это Борису Джонсону. Однако его «предложение» реализуется в повелительном наклонении,

что больше напоминает приказ, а сама формулировка комментария с акцентом на слове “kerп” говорит о фамильярности в отношении премьер-министра.

Таким образом, интродуктивный вид стратегий чаще всего обращён не к аудитории, а к автору самого поста и по содержанию может быть как положительным, так и отрицательным.

2) *Варьирующая стратегия*

Варьирующая стратегия вводит новую для читателя информацию и соединяется с предыдущей, чем увеличивает глубину осведомлённости читателя о ней. В качестве примеров будут взяты комментарии из поста, посвящённого выходу Великобритании из ЕС.

Например, *My country is Scotland. My country voted to remain in the EU* (моя страна – Шотландия. Моя страна голосовала за то, чтобы остаться в ЕС). В данном случае читатель комментария уже обладает информацией о том, что Великобритания вышла из ЕС, однако автор дополняет исходную информацию тем фактом, что Шотландия была против этого и хотела остаться в ЕС. Лексический повтор слова “My country” свидетельствует о том, что автор специально подчёркивает свою принадлежность к данной стране. Парцелляция выражает неудовлетворённость автора случившимся, однако низкий уровень экспрессивности свидетельствует о том, что автор с событием смирился.

В следующем комментарии исходная информация о выходе из ЕС уже дополняется стремлением японских коллег вести деловые отношения с Англией: *Congrats...!! We, Japan, hope the stronger diplomatic relations with the United Kingdom* (поздравляем! Мы, Япония, надеемся на более крепкие отношения с Соединённым Королевством). Безусловно, данный комментарий не является полностью объективным, поскольку автор говорит от имени страны, однако в нём может быть доля достоверности. Используя графические (пунктуационные) средства выразительности (многоточие, восклицательные знаки), автор стремится подчеркнуть свою радость от произошедшего события. Разговорное сокращение слова “congratulations” с двумя восклицательными знаками также служит для выражения радости и торжества с японской стороны.

Комментарий *You have divided the nation and will destroy it by leaving the EU. Shame on you!* (Вы разделили нацию и уничтожите её выходом из ЕС. Как Вам не стыдно) резюмирует произошедшее и негативно комментирует поступок Бориса Джонсона. Автор считает, что премьер-министр «поделил нацию» и «уничтожит» её вскоре из-за выхода из ЕС. Комментарий отличается чётким разделением по грамматическим временам: то, что уже сделано, написано во времени Present Perfect, чтобы подчеркнуть результат случившегося, а речь о будущем идёт в Future Simple, чтобы подчеркнуть непосредственно внезапный результат того, что произойдёт вскоре после выхода из ЕС.

Таким образом, варьирующая стратегия вводит новую информацию по отношению к уже имеющейся у читателя. Важно отметить, что это не является гарантом её объективности.

3) *Аддитивная стратегия*

Аддитивная стратегия не вводит новой информации для читателя, но дополняет уже имеющиеся сведения.

Например, *Thank you, thank you. Congratulations* (спасибо, спасибо. Поздравляем), *We love you all! Well DONE Boris BRILLIANT* (мы все Вас любим! Молодец, Борис, отлично!) или *Congratulations from USA* (поздравления от США). Все перечисленные комментарии обладают высокой степенью экспрессивности и хоть и не несут в себе какой-либо новой информации, но дополняют имеющуюся положительной экспрессией, которая реализуется использованием восклицательных предложений, слов с положительной коннотацией, их капитализации и т.д.

Как правило, комментарии с данной стратегией носят положительный характер и не ставят своей задачей кого-либо оскорбить, унижить или спровоцировать на спор.

С позиции статистики, все три стратегии нельзя характеризовать со стороны большей и меньшей употребительности; можно отметить, что они дополняют друг друга. Индуктивная вводит новую информацию, её подхватывает варьирующая,

которая учитывает старую информацию и дополняет её новой, а затем аддитивная также вводит не новую информацию, а дополнение к имеющейся.

И.В. Савельева, анализируя стратегии и тактики по принципу введения новой информации, обращается непосредственно к интернет-комментариям. Она выделяет две стратегии: холистическую и элементаристскую [128].

1) Холистическая стратегия

При использовании холистической стратегии автор комментария сначала акцентирует внимание на исходном тексте политической статьи (поста), который включён в определённый контекст, а также на его соответствие заданной теме; и только после этого его внимание переключается на комментарии к статье и общее представление о них.

Примером такой стратегии может служить комментарий *Out of curiosity, what happens when you don't?* (просто ради любопытства, что случится, если Вы не сможете?). Автор данного комментария ознакомился с текстом исходной статьи и задал вопрос, который можно считать риторическим, однако он полностью соответствует теме поста и является объективным в данном контексте.

Некоторые комментаторы отрицают возможность реализации описываемого в исходном посте: *You will not be PM on 31st October* (Вы не будете премьер-министром 31-го октября). Автор выражает своё несогласие с политикой, проводимой Борисом Джонсоном, и считает, что он не будет премьер-министром после выхода Великобритании из ЕС. В данном случае это является его субъективным мнением, поэтому комментарий можно считать необъективным.

2) Элементаристская стратегия

В стратегии элементаристского типа автор комментария обращает внимание на какие-либо элементы исходной статьи (поста), на ключевые фразу и слова, те или иные основные его аспекты и, уже опираясь на них, составляет свой комментарий.

Например, в посте, посвящённом выходу Великобритании из ЕС, Борис Джонсон предлагает «объединиться» (“come together”), «раскрыть потенциал Великобритании» (“unleash the potential of the whole UK”) и «взять максимум от

того, что предлагает Брексит» (“to make the most of all the opportunities Brexit will bring”), на что сразу получает ответную реакцию: *Come together? No thank you* (объединиться вместе? Нет, спасибо), *Let’s unleash the potential of the UK* (давайте освободим потенциал Великобритании) и *We’re still waiting to hear what those opportunities are. What we’ve already lost is stark* (мы всё ещё ожидаем услышать о том, какие это возможности. То, что мы их уже потеряли, это точно).

Все данные комментарии составлены авторами на основе исходных слов поста и в дальнейшем интерпретируются в положительном либо отрицательном ключе.

Зачастую комментарии с элементаристской стратегией превалируют в количественном отношении, поскольку люди склонны к беглому прочтению исходного поста и вычленению оттуда каких-либо ключевых слов или фраз, с которых можно начать дискуссию. Как правило, гораздо меньше людей применяют холистическую стратегию, детально изучают сам исходный текст, комментарии к нему, чтобы потом высказывать своё мнение.

С позиции стилистики наиболее частотными приёмами в комментариях являются: использование местоимений для создания необходимого эффекта (“you”, “we”, “our”), парцелляции, отрицательных форм глагола для придания негативного оттенка высказыванию, инверсии, лексем с дополнительной коннотацией, риторических вопросов, капитализации, форм времени и модальности, иронии, восклицаний и градации.

Все рассмотренные стратегии и тактики, используемые в комментариях, можно представить в следующем рисунке (рис. 2).

Рисунок 2 – Классификация стратегий и тактик, используемых в комментариях политического интернет-дискурса

Таким образом, мы рассмотрели основные стратегии и тактики, применяемые при комментировании. Можно отметить, что их использование неоднозначно: они могут пересекаться и дополнять друг друга. Множество классификаций свидетельствует об их разнообразии; нельзя однозначно утверждать, что та или иная стратегия или тактика является единственно верной с точки зрения ее классификации. Тем не менее их изучение позволяет раскрыть лингвопрагматический потенциал, заложенный в комментариях, и использовать полученные результаты в дальнейших исследованиях в данной области.

2.5 Применение теории речевых актов в лингвопрагматике

Прагмалингвистика является одной из приоритетных областей исследований филологов и лингвистов в современном языкознании (А.В. Алексеев, Д.С. Шипилова, Н.Г. Асмус, И.А. Дьяченко, Г.Г. Матвеева, Е.В. Милосердова, R.M. Coulthard, H. Parret, J. Sinclair и др.). Интерес к ней обуславливается тем, что она «приоткрывает завесу тайны эффективных дискурсивных практик говорящих и позволяет выяснить, целенаправленны и/или спонтанны транслируемые коммуникативные намерения оратора. Изучение таких явных и скрытых коммуникативных намерений приобретает особую важность в политической дискурсивной сфере, где речевое влияние направлено на формирование у электората перлокутивного (например, согласие с точкой зрения автора текста) и посткоммуникативного (например, осуществление политического выбора соответствующего кандидата) эффекта» [93, с. 236].

Политический дискурс всегда «окружён» прагматикой, поскольку уже сам факт его применения свидетельствует о какой-либо цели и задаче, стоящей перед его автором. Отметим, что под самим термином «прагматика» понимается «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [84].

По мнению учёных, прагмалингвистика позволяет нам узнавать скрытые интенции автора текста, закодированные в его речи в письменном выражении, с возможностью установления, являлись ли они преднамеренными или же спонтанными. Их намеренное использование в рамках политического дискурса служит для оказания влияния на электорат с целью получения от него той или иной реакции, а внезапные намерения в данном случае могут лишь указать на внутренние подсознательные процессы в сознании автора, однако в этом случае без принятия во внимание их экстралингвистического фактора.

Как считает Е.В. Милосердова, «вопрос о том, какой языковой знак использует говорящий в ходе своего общения с собеседником, преследуя вполне определённую цель воздействия на него, является для современной лингвистики

наиболее актуальным [96, с. 7]. В данном определении отражён способ достижения результата путём применения лингвопрагматического анализа: поскольку говорящий намеренно использует какие-либо языковые знаки с целью воздействия на адресата, то в случае их распознавания и определения появляется возможность выяснить его первоначальную цель и намерение воздействия.

А.В. Олянич считает, что любая массовая коммуникация вообще должна пониматься как «коммуникация прагматическая, как процесс направленной передачи информации, жёстко ориентированный на получение адекватного эффекта... Массовая коммуникация получает свой прагматический потенциал уже потому, что вовлекает зрительный образ как особую инструментальную поддержку вербального общения – “проще или удобнее показать, нежели рассказать“; она становится в своей основе преимущественно визуальной, тем самым подтверждая присущую ей прагматически-ориентированную сущность» [106, с. 59–60].

Поскольку один из главных критериев передачи прагматической информации – это получение необходимого эффекта, то массовая коммуникация действительно может отвечать данному параметру. Более того, роль визуального канала в современной массовой коммуникации действительно увеличивается, всё чаще человеку предлагают вместо прочтения на что-то посмотреть, в результате чего увеличивается прагматическая ориентированность такой коммуникации. Несмотря на «массовость», коммуникация немыслима без каждого отдельного индивида, осуществляющего её, – языковой личности.

Учение о языковой личности, разработанное Ю.Н. Карауловым, занимает важное место в прагматике. При определении языковой личности исследователь отталкивается от психологического подхода к личности вообще, которая «трактруется как относительно стабильная организация мотивационных predispositions, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями... говоря о личности, мы имеем в виду стиль жизни индивида или характерный способ реагирования на жизненные проблемы» [70, с. 35].

Иными словами, человеческая личность содержит в себе стремления, обусловленные различными биологическими, социальными, физическими факторами, т.е. личность – это определённые наборы поведения индивида, реализуемые как ответная реакция на какую-либо жизненную ситуацию или внешний стимул. Языковая личность, по мнению исследователя, это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [70, с. 3].

По мнению В.И. Карасика (2002), языковая личность – это «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [69, с. 7]. Данное определение выделяет стереотипы поведения, отражённые в языке, как одни из значимых для характеристики и представления языковой личности.

Языковая личность является важным элементом в прагматике. Сам же политический дискурс отличается своей прагматической направленностью. «Политический дискурс всегда носит прагматический характер, поскольку одной из основных задач, стоящих перед политиком, является завоевание как можно большего числа голосов электората» [48, с. 61].

Прагматика рассматривает поведение самих знаков языка в речи. Основные идеи лингвопрагматики описываются В. Гумбольдтом следующим образом: «...люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные символы» [49].

Согласно данному определению, взаимодействие между людьми происходит не из-за воспроизведения каких-либо знаков и отправки их друг другу, а непосредственно путём передачи и использования внутренних знаний, что, в свою

очередь, провоцирует выработку ответной реакции, «ответа», который может состоять из ассоциативно похожих символов, но не тождественных друг другу.

При проведении анализа с перспективы прагматического подхода важно также учитывать прагматический контекст в рассматриваемой ситуации. Г. Парре выделяет следующие теоретические модели прагматического контекста:

1. Речевой контекст, или ко-текст.
2. Экзистенциальный контекст.
3. Ситуационный контекст.
4. Акциональный контекст.
5. Психологический контекст [181, р. 94–98].

Под речевым контекстом, или ко-текстом, автор подразумевает такой контекст, который используется в лингвистике текста и дискурс-анализе. Иными словами, это привычный нам речевой вид контекста, существующий в процессе речепроизводства.

Экзистенциальный контекст соотносится с миром состояний, событий и объектов: с теми элементами, на которые в высказывании присутствует ссылка. Анализируя данный вид контекста, М.Л. Макаров отмечает, что «здесь переход от семантики к прагматике происходит тогда, когда говорящий и слушающий(ие) в их пространственно-временной соотнесённости определяются как индексы, семиотические указатели на данный экзистенциальный контекст... Другой тип прагматики использует расширение категории возможных миров (possible worlds). Теория моделей и модальная логика разрабатывают формальные процедуры, с помощью которых определённый возможный мир может быть приписан какому-либо языковому или знаковому выражению в качестве сферы приложения. Но и эту точку зрения также нельзя признать безоговорочно, потому что возникает закономерное сомнение в том, как этот “возможный мир“ может стать референтом высказывания без психического опосредования, без влияния таких способностей, как, например, воображение и концептуализация. Исследованиями значений и смыслов в экзистенциальных контекстах занимаются логическая семантика и прагматика» [88, с. 147].

Экзистенциальный контекст связан с изучением смыслов и значений, существующих среди теоретически возможных миров, которые появляются в процессе интеграции семантики и прагматики.

Ситуационный контекст формирует социально-культурное направление прагматики, состоящее из ряда аспектов, в некоторой степени определяющих значения языковых выражений. Ситуации, существующие в пределах данного контекста, имеют, как правило, социокультурный характер и могут быть весьма обширными. Например, их можно классифицировать по типу деятельности или по статусно-ролевым характеристикам говорящих, предмету общения, обстановке разговора, уровню формальности и т.д. Это могут быть, к примеру, ситуации, связанные с институциональным видом дискурса (например, занятие в университете) или с повседневным дискурсом (прогулка с собакой). Однако каждый вид ситуаций включает в себя свои определённые правила речевого общения и когнитивные особенности, что подчёркивает их уникальность и применимость только в сфере данного контекста.

Акциональный контекст представляет собой такой вид контекста, в котором события устанавливаются и закрепляются самими речевыми действиями, т.е. непосредственно речевыми актами, речь о которых пойдёт далее.

Под психологическим контекстом понимается такой контекст, который подчёркивает, что речевые акты в высказывании являются психологически обусловленными, т.е. за каждым речевым произведением стоит намерение автора – некая интенция, которую он хочет донести до читателя. Согласно данному виду контекста, ни одно речевое произведение не создаётся «просто так»; всегда есть какая-либо явная или скрытая (подсознательная) интенция, содержащая в себе информацию о результате, который должен быть выявлен при получении адресатом данной информации.

Теория, находящаяся в основе прагмалингвистики, носит название теория речевых актов (ТРА). «В ТРА субъект речевой деятельности понимается как абстрактный индивид, являющийся носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и

социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определённого социального института). Очевидно, что социальные свойства субъекта, проявляющиеся в его речевом поведении, представлены в ТРА весьма слабо по сравнению с рядом других учений, в которых говорящий индивид выступает как обладатель определённого репертуара ролей, как носитель определённых национально-культурных традиций. Это, безусловно, относится к числу её слабых сторон» [78].

В нашем случае роль субъекта речевой деятельности выполняет пользователь социальных сетей, который, имея определённые знания, выражает своё мнение о произошедшем событии, с намерением какого-либо воздействия на читающую его комментарий аудиторию.

«Единый речевой акт представляется в ТРА как трёхуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт (этап лингвистического выражения, то есть непосредственно произнесение высказывания с помощью языковых средств. Ему присуще значение). Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллокутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как перлокутивный акт (служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата). Используя языковые средства в ходе локутивного акта, говорящий наделяет своё высказывание локутивным значением. Манифестируя цель говорения в определённых условиях в ходе иллокутивного акта (прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего), говорящий сообщает высказыванию определённую иллокутивную силу» [78, с. 13–14].

По форме своей реализации прагмалингвистика может быть функциональной и скрытой. Как отмечают Г.Г. Матвеева и М.В. Лесняк, «функциональная прагмалингвистика предполагает продуманную и мотивированную реализацию целей и задач речевого общения в виде коммуникативных стратегий и их тактик, исследование которых позволяет вскрыть спланированные, хорошо осознаваемые

коммуникативные мотивы политика в процессе борьбы за власть», в то время как «скрытая прагмалингвистика рассматривает привычную и неосознаваемую актуализацию скрытых целей и задач в виде речевых стратегий скрытого воздействия отправителя текста на его получателя и планов этих стратегий» [93, с. 237].

О стратегиях и тактиках с позиции ТРА и прагмалингвистики говорится в работе О.П. Малышевой. Она выделяет следующие стратегии и тактики:

– стратегия позиционирования (представлена репрезентативами и экспрессивами – актами, выражающими психоэмоциональное состояние человека, и комиссивами – речевыми актами, обозначающими принятие обязательств индивидом. Данная стратегия представлена тактиками реагирования (оценивание чего-либо), апологизации (отвод от критики путём раскаяния или признания вины), а также детерминирования авторитарности (угрозы, предупреждения). Тактика реагирования характеризуется лексическими повторами, использованием стилистически окрашенных языковых единиц, а также применением оценочной лексики. Тактика апологизации также диверсифицирована повторами и стилистически окрашенной лексикой. В отношении тактики апологизации и признания вины используются местоимения “I”, “we”, грамматическое время “Present Perfect”, а также средства лексико-синтаксического повтора. Тактика установления авторитета представлена модальными глаголами с функцией долженствования и императивами;

– стратегия конфликта включает в себя декларативы и экспрессивы. Она представлена двумя тактиками: дискредитации и оппозиционирования. Под тактикой дискредитации понимается «разоблачение, оскорбление». Приёмами её внедрения являются: антитеза, применение лексики с негативной коннотацией, метафорическое представление образа оппонента, применение перифраза, а также интенсификация. Тактика оппозиционирования представлена средствами антитезы, метафорического представления и аксиологической номинации каждой из сторон, а также интенсификации и разного рода повторов, которые служат для усиления влияния высказывания;

– стратегия кооперации включает в себя акты побуждения. Она представлена двумя тактиками: тактикой интеграции и формирования эмоционального настроения аудитории. Реализация тактики интеграции происходит путём применения приёмов лексико-синтаксического повтора, диверсификации эмоционально окрашенной лексики, градации, асиндетона, противопоставления, риторических вопросов, а также использования личных местоимений – “we” («мы»), личного и безличного “you” («вы»), объектного “us” («нас»), а также притяжательных форм “your” («ваше») и “our” («наше»). Тактика формирования эмоционального настроения вводится путём применения приёмов, которые призваны создавать нагнетающий эффект: синтаксического, лексического и лексико-синтаксического повторов, градации, риторических вопросов, разнообразия эмоционально насыщенной лексики, эвфемизмов. Применение данных средств художественной выразительности позволяет создать определённый эмоциональный фон для излагаемого материала, что, в свою очередь, позволит усилить производимый эффект и достичь необходимый результат [162].

Исходя из приведённых определений целесообразно предположить, что функциональная прагмалингвистика имеет в политическом дискурсе более высокую частоту применения, чем скрытая, поскольку цели борьбы за власть предполагают заранее продуманные тактики воздействия на необходимые группы людей. В отличие от функциональной прагмалингвистики, скрытая является неосознанной; её применение имеет место в тех случаях, когда у автора нет какого-либо определённого стремления оказать то или иное воздействие на аудиторию и, если даже такое происходит, оно является неумышленным.

2.6 Прикладная значимость теории речевых актов для выявления характерных особенностей интернет-комментариев

Поскольку «коммуникативный подход к языку реализовался в теории речевых актов» [22, с. 31], то комментарий, являясь средством письменной

коммуникации, также содержит в себе свойства, присущие речевым актам и, следовательно, может трактоваться с позиции ТРА.

Если обратиться к классической работе Дж. Остина, посвящённой речевым актам, то можно отметить, что язык используется не только для того, чтобы называть те или иные вещи, но и для того, чтобы выполнять какие-либо действия [108]. Под действиями могут подразумеваться требование, отрицание, представление, извинение и др. Согласно его теории, речевые акты подразделяются на следующие виды:

- констативы (выражают утверждения и, соответственно, могут быть оценены по принципу «истина/ложь»);
- перформативы (высказывания, которые выражают действия; в них нет прямой оценки, однако их можно охарактеризовать по критериям успешности/неуспешности, при этом о неуспешности можно говорить, если условия, необходимые для выполнения данного речевого акта, отсутствуют).

Данная ТРА является классической; учёный определяет речевой акт как единицу, связанную не только с мнением говорящего, но и с его интенциями. В дальнейшем исследователь установил, что природой действия обладают не только перформативы, но и все речевые акты в целом, поэтому его модель ТРА получила статус трёхуровневой, т.е. состоящей из локутивного (непосредственное говорение и произнесение определённого набора звуков согласно правилам того языка, на котором происходит высказывание), иллокутивного (акт произнесения, который обладает определённой силой и может призывать к какому-либо действию) и перформативного (выражение действия непосредственно) актов.

Затем теория Дж. Остина была развита его учеником Дж. Серлем [136], который сделал акцент на более детальной классификации речевых актов:

1. Репрезентативы или ассертивы. Их цель – описание мира и сообщение представления об истинном положении вещей. Это могут быть, к примеру, заявления, жалобы, требования и т.д.

2. Директивы. Выражают стремление говорящего оказать влияние на слушающего для того, чтобы последний выполнил его указания. Это могут быть указы, требования или уведомления.

3. Комиссивы. Направлены на мотивацию говорящего к дальнейшим действиям в будущем. Например, обещания или угрозы.

4. Экспрессивы. Данный вид речевых актов служит для выражения эмоционального состояния говорящего. Такие речевые акты выражают сожаление, благодарность, удивление и другие эмоциональные состояния, которыми говорящий хочет поделиться с окружающим миром.

5. Декларативы. Служат для объявления каких-либо изменений в текущем порядке вещей. Например, выдвижение, смена руководителей, действующей политики и т.д.

Среди рассмотренных нами комментариев преобладают три вида речевых актов: репрезентативы или ассертивы, директивы и экспрессивы. Тематически комментарии могут быть представлены в виде нескольких групп, которые представлены либо каким-то одним видом речевых актов, либо несколькими.

Комментарии положительного характера, выражающие одобрение действий Бориса Джонсона, представлены и ассертивами, и директивами, и экспрессивами. Ряд комментариев-ассертивов связан с выражением мнения британской общественности. Часто такие комментарии пересекаются с неверием в возможность выхода Великобритании из Евросоюза. Например, комментарий *Enough is enough we want our Brexit and you leading us* (достаточно – значит, достаточно; мы хотим наш «Брексит», и чтобы Вы руководили нами), который отождествляется с волеизъявлением британской общественности, желанием которой, по заявлению автора, является выход из ЕС и установления Бориса Джонсона во главе страны. В данном случае комментарий является положительным, и автор видит в нём «истинность» намерений политика и готов принять все его дальнейшие действия, хотя при этом достоверность его личных убеждений является субъективной.

Комментарий *Go get 'em, Boris! Democracy-lovers worldwide are behind you!* (вперёд, сделай их, Борис! Любители демократии по всему миру с тобой!), относящийся к директивам, отражает положительное отношение к Борису Джонсону: автор одобряет действия премьер-министра, подбадривает его и предлагает дальнейшую поддержку. Очевидно, что Борис Джонсон продолжит осуществлять свою политику в данном направлении, что делает сам комментарий более объективным, т.е. вполне значимым и реальным. Другой комментатор отмечает, что Борис Джонсон провёл хорошую работу, но при этом теперь ему нужно убрать предубежденность в массмедиа, и он даёт ему совет, как лучше поступить: *Well done Boris, now deal with the broadcast media 4 main channels, all remain biased. Unacceptable on today of all days. Where the balance?* (отлично, Борис, сейчас разберитесь с 4 главными каналами, которые предвзято относятся к предлагаемому контенту. Сегодня это недопустимо. Где баланс?) Некоторые комментаторы также положительно относятся к его решению о выходе из Евросоюза и просят «не облажаться»: *At bloody last- now don't screw it up* (черт возьми, наконец-то – теперь не облажайтесь) или *All yours Boris, well done. Don't let down the fishermen please. Let's put the Great back into Britain* (отлично, Борис, всё у Вас в руках. Не подведите рыбаков, пожалуйста. Давайте снова вернём славу Британии).

Экспрессивы служат для выражения эмоционального состояния говорящего. Они, как правило, не призывают к каким-либо действиям, а также не сообщают об истинности или ложности высказывания; они лишь сообщают о тех эмоциях, которые испытывает автор и хочет передать другим. Например, *EXCELLENT News!* (прекрасные новости): данный комментарий носит положительный оттенок и выражает полное одобрение комментируемого материала. Более того, положительными коннотациями обладают звукоподражательные комментарии, к примеру, *Yaaaay* (урааа): применение междометия служит для полного одобрения политики, проводимой Борисом Джонсоном. Это эффективный способ показать эмоциональное состояние автора в текстовом эквиваленте. Некоторые комментарии довольно краткие, но их также достаточно для выражения

положительного мнения автора. Например, комментарий *Legend* (легенда): лаконично отражает эмоциональную оценку политика: автор считает его «легендой» и демонстрирует высокую признательность действиям премьер-министра. Некоторые комментарии «резюмируют» общее впечатление о политике. *Best of British Boris* (лучшее от британского Бориса): автор данного комментария сообщает, что это «лучшее из того, что когда-либо совершал Борис Джонсон», чем подчёркивает высокую оценку действий политика. В следующем комментарии оценка даётся не только действиям Бориса Джонсона, а в целом всем событиям, происходящим в рамках выхода Великобритании из ЕС. Комментарий имеет положительную коннотацию: *Exciting times!!* (захватывающие времена).

Помимо положительных комментариев, в адрес Бориса Джонсона написано и большое количество отрицательных комментариев. Они тоже могут быть представлены и ассертивами, и директивами, и экспрессивами. Например, в комментарии, выраженном ассертивом, *I'll come together when you start telling the truth So never* (я объединюсь, когда Вы начнете говорить правду, так что, никогда), автор соглашается ответить на призыв Бориса Джонсона к объединению только в том случае, если он начнёт говорить правду; однако, по мнению автора, это никогда не произойдёт, следовательно, в данном комментарии уже содержится критика по отношению к премьер-министру. Другим примером являются комментарии, в которых авторы выражают отсутствие доверия к Борису Джонсону: *We don't trust the Tories to deliver, they're already 6 months late* (мы не доверяем Тори проведение Брексита, они уже на 6 месяцев опоздали). Автор комментария делает заявление, что он не доверяет премьер-министру, поскольку уже произошла задержка на 6 месяцев. В данном контексте преобладает ложное суждение о вещах, поскольку результат всё ещё не достигнут, т.е. общий характер комментария отрицательный. Данное заявление тем не менее является субъективным по отношению к существующему положению дел, поскольку, используя местоимение “we”, автор не может излагать позицию всего народа. Другим примером может служить комментарий *Come together? I won't put money on that. Toss pot* (объединиться? Я бы на это не ставил. Гиблое дело), в котором автор скептически относится к призыву

объединиться с премьер-министром и категорически отказывается от подобного решения.

Недоверие может выражаться через иронию: *So tomorrow will the NHS receive the £350 million you promised* (значит, завтра национальная система здравоохранения получит 350 миллионов фунтов стерлингов, которые Вы обещали). Данный комментарий был опубликован по случаю выхода Великобритании из ЕС, и его автор подчёркивает, что так как выход из ЕС произошёл, то все обещания, данные Борисом Джонсоном, сбудутся, особенно субсидии на здравоохранение. Ещё одним ассертивом (репрезентативом), выражающим недоверие, может служить следующий комментарий: *Never. Ever. Ever. Will I ever come together behind the likes of you* (никогда в жизни я не объединюсь с такими, как Вы) автор которого заявляет, что ни при каких условиях не будет поддерживать политика. Недоверие к премьер-министру может быть выражено и отсылкой к главам других государств: *I can't decide which putin puppet is worse – you or trump* (я не могу решить, какая путинская марионетка хуже – Вы или Трамп). Автор комментария убеждён, что Борис Джонсон, как и Дональд Трамп, является «марионеткой» президента РФ В.В. Путина, следовательно, данный комментарий демонстрирует крайне высокий уровень недоверия к Борису Джонсону.

Более того, путём введения ассертивов может быть отмечена некомпетентность кого-либо: *You are not in any negotiations with the EU and you are incompetent but we know you will blame others for this* (Вы не состоите ни в каких переговорах с ЕС, и Вы некомпетентны, но мы знаем, что вы будете обвинять других за это). Автор комментария утверждает, что премьер-министр не обладает достаточной компетенцией для ведения переговоров, а в своём провале будет обвинять других. Такой комментарий тоже является отрицательным и ложным, поскольку автор подчёркивает свою неуверенность в способностях Бориса Джонсона.

Другим примером может служить комментарий *nope, we won't* (нет, мы не выйдем), автор которого заявляет, что «мы [Великобритания] не выйдем из ЕС» в

ответ на один из твитов Бориса Джонсона. При этом автор отмечает, что не верит вообще в такое стечение обстоятельств. Следующим примером является комментарий *No matter how many times you tweet this, it will not make Brexit happen* (вне зависимости от того, сколько раз Вы будете это публиковать, это не заставит Брексит случиться), в котором автор выражает свою неуверенность в том, что выход из ЕС может случиться вообще, и подчёркивает, что количество сообщений в «Твиттере» об этом никак не ускорит процесс. Комментарий может быть охарактеризован как отрицательный по отношению к Борису Джонсону, так как выход Великобритании из ЕС автор считает ложью и не верит в вероятность этого события. Он заявляет о своём сомнении в успешном «Брексите»: *...he keeps saying We will leave the EU on October 31st, but can he do it, i'm not so sure* (он продолжает говорить, что мы выйдем из Евросоюза 31-го октября, но он не может это сделать, я не был бы так уверен). Утверждая, что Борис Джонсон «только и продолжает говорить об этом», автор заявляет, что он в этом не так уверен. Создатель следующего комментария призывает общество не верить в обещания Бориса Джонсона, считая их ложью, и призывает людей «проснуться», чтобы сделать правильные суждения: *Let's stop believing these lies. This is just a #boris election cry to win favour before an Election. We've seen promises like this loads of times before an election and then when they get in the promises are broken... This is all about Boris not the people...Wake up everyone* (давайте перестанем верить в эту ложь. Это просто предвыборный призыв Бориса добиться благосклонности перед выборами. Мы видели подобные обещания перед выборами, а потом, когда их избирают, они нарушают свои обещания... Всё, что делает Борис – это не забота о людях. Проснитесь уже).

Среди директивов отрицательного характера можно отметить те, которые призывают уйти политика в отставку: *Just resign You awful man. You have done so much damage to this country. Just go* (просто уходите в отставку. Вы – ужасный человек. Вы нанесли так много вреда этой стране. Просто уходите). В комментарии автор убедительно призывает Бориса Джонсона уйти в отставку, ссылаясь на нанесённый им вред стране. Такой комментарий имеет личностный характер;

очевидно, что автор негативно предрасположен к премьер-министру; однако при этом его стремления безрезультатны по объективным причинам. Другим примером таких комментариев является *Just quit now. It's game over* (просто уходите сейчас. Игра окончена). Автор также призывает Бориса Джонсона покинуть политическую арену, сообщая, что «игра окончена». Сам комментарий не является объективным, поскольку процесс выхода (или возможного срыва планов) из ЕС ещё не был окончательно разрешён. Некоторые комментарии на эту тему ещё более лаконичны: *Leave now* (уходите сейчас). Такой комментарий отражает негативное отношение к Борису Джонсону. Автор предлагает ему уйти с политической арены, тем самым подчёркивая свою неудовлетворенность политиком.

Среди отрицательных экспрессивов можно отметить комментарии по типу *Liar* (*лжеец*) (следует отметить, что данный комментарий встречается несколько раз у разных комментаторов), *FUCK OFF YOU COCKWOMBLE* (пошёл ты) (прямое оскорбление политика), *Blah Blah Blah* (бла-бла-бла) (междометие, выражающие негативное и неодобрительное отношение к словам Бориса Джонсона) и др.

Помимо положительных и отрицательных комментариев можно отметить и нейтральные по своему характеру. Они представлены асертивами и директивами. Например, в комментарии-асертиве *You have 2 choices: Ally with Brexit Party or Declare talks with the EU to be over* (у Вас два варианта: объединиться с теми, кто «за» Брексит, или объявить, что переговоры с Евросоюзом окончены) автор заявляет, что у Бориса Джонсона существует два выбора: либо объединиться с партией брексита, либо объявить об окончании переговоров с ЕС и больше не возвращаться к данному вопросу. В данном случае автор комментария сетует о правильности выбора премьер-министра, однако решение оставляет непосредственно ему. Такой комментарий не несёт в себе какой-либо оценки, поскольку вопрос истинности выбора возлагается непосредственно на премьер-министра. Примечателен тот факт, что автор комментария даже предлагает Борису Джонсону выбрать, что именно сделать. Другим примером может служить комментарий: *Go Boris get tough on immigration as well* (вперед, Борис, разберитесь также крепкой рукой с иммиграцией), который не репрезентирует никакой оценки

политика: ни положительной, ни отрицательной. Его директива заключается лишь в требовании «крепко взяться за вопрос иммиграции»; т.е. автор не стремится выразить свою оценку Бориса Джонсона. Уже согласившись с положением вещей, он сообщает, что конкретно ещё необходимо сделать премьер-министру.

Таким образом, нами были рассмотрены три основные категории комментариев с их вариациями: положительные (представлены всеми рассмотренными видами речевых актов), отрицательные (также представлены всеми рассмотренными видами речевых актов) и нейтральные (представлены асертивами и директивами).

Целью асертивов является непосредственно выражение отношения к говорящему на основе его высказывания; в данную группу входят как жалобы, так и заявления, стремящиеся объективно оценить истинное положение дел. Авторы таких комментариев стремятся высказать своё мнение в отношении комментируемого предмета без призыва к каким-либо действиям; при этом данные речевые акты могут быть как положительные, т.е. выражающие одобрение, так и отрицательные, т.е. содержащие критику в адрес обсуждаемого вопроса или предмета.

Директивы оказывают влияние на говорящего с целью заставить его осуществить то или иное действие. Зачастую это какие-либо приказы или требования, содержащие чёткие указания на то, что человек должен сделать. Используя их, автор априори ставит себя либо равным создателю поста, либо выше его, чтобы в дальнейшем получить запланированный результат. Безусловно, все директивы, рассмотренные в рамках данной работы, являются предвзятыми, т.е. они преимущественно выражают личное субъективное мнение своего составителя, а не выполненное действие того, кому они адресованы.

Экспрессивы могут быть как положительными, так и отрицательными, поскольку связаны непосредственно с передачей эмоций автора. Целью, преследуемой их создателями, является поддержка, поощрение и похвала Бориса Джонсона, а также выражение одобрения выполняемых им действий или,

наоборот, осуждения и критики в адрес политика. Как правило, они не несут в себе каких-либо скрытых смыслов.

Данные примеры представлены на рисунке 3.

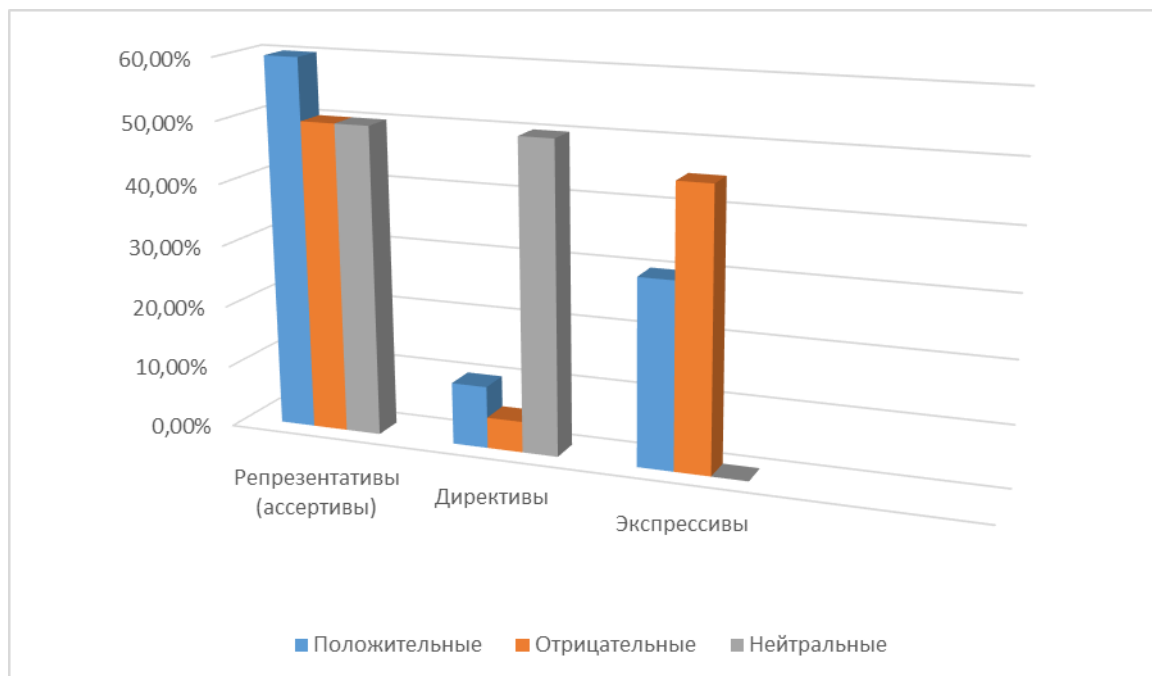

Рисунок 3 – Виды речевых актов в комментариях

Применение непосредственно трёх рассмотренных нами видов речевых актов обуславливается характером комментариев; преимущественно реакция людей на то или иное событие заключается либо в какой-то ответной реакции с позиции согласия или несогласия (репрезентативы или ассертивы), либо в стремлении как-либо изменить уже принятое решение и оказать влияние на говорящего (директивы), либо в выражении своих чувств по данному вопросу, не преследуя какой-либо конкретной цели (экспрессивы). Комиссивы и декларативы практически не представлены в рассматриваемых комментариях в силу отсутствия необходимого базиса для составления подобных заявлений. Взаимодействуя с речевыми стратегиями и тактиками, речевые акты интегрируются с их структурой и в совокупности представляют лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев. В следующем пункте мы рассмотрим примеры стратегий и тактик,

использованных при составлении комментариев к постам Бориса Джонсона в социальной сети «Твиттер».

Выводы к главе 2

Проведённый анализ лингвопрагматического и лингвостилистического потенциала интернет-комментариев, а также прикладное применение теории речевых актов позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время господствующей парадигмой в языкознании является антропоцентрическая, в которой всё внимание акцентируется на самом человеке и его коммуникативной деятельности, исследованию которой способствует быстрое развитие сети «Интернет». Современные языковые исследования в области политики носят междисциплинарный характер, так как само изучение политической коммуникации требует междисциплинарного подхода.

2. Интернет-лингвистика является наукой, чьим объектом является коммуникативное воздействие в сети «Интернет», а предметом становятся особенности интернет-коммуникации на разных уровнях [44, с. 36].

3. Комментарий, являясь средством письменной коммуникации, содержит в себе свойства, которые присущи речевым актам, и, следовательно, может рассматриваться с позиции теории речевых актов. В рассмотренном нами массиве комментариев преобладают три вида речевых актов: репрезентативы (ассертивы), директивы и экспрессивы; при этом положительные и отрицательные комментарии представлены всеми тремя видами речевых актов, в то время как нейтральные представлены только ассертивами и директивами. Применение данных видов речевых актов обуславливается характером комментариев; как правило, ответ людей на событие проявляется либо в реакции согласия или несогласия (репрезентативы или ассертивы), либо в желании каким-либо образом изменить уже сделанное и повлиять на говорящего (директивы), либо в выражении своих эмоций по данному аспекту, не имея какой-либо конкретной воздействующей на адресанта цели (экспрессивы). Комиссивы и декларативы почти не присутствуют в

рассмотренном массиве комментариев, так как отсутствует необходимый базис для составления заявлений такого рода. В совокупности с речевыми стратегиями и тактиками речевые акты составляют лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев.

4. При изучении лингвопрагматического потенциала комментариев в политическом дискурсе наиболее эффективными являются стратегии и тактики, которые связаны с принципами текстопорождения, а именно: персонная стратегия текстопорождения, текстовая стратегия текстопорождения, а также объединение этих тактик. Их эффективность объясняется тем, что в их основе лежат первоначальные интенции автора и те мотивы, которые побудили его к написанию комментария.

5. Стратегии и тактики, классифицированные по методу воздействия на читателя, по принципу введения новой информации и акцентирования внимания читателя, позволяют установить новые экстралингвистические сведения о комментариях и намерениях его автора, а также определить способ влияния на читателя и в соответствии с ним установить истинные стремления автора.

6. Для усиления эффекта, который реализуется стратегиями и тактиками, авторами комментариев могут использоваться различные средства стилистической выразительности, которые, воздействуя на разных уровнях языка, привлекают внимание адресата либо к какому-то конкретному аспекту комментария, либо создают необходимое автору впечатление о комментарии в целом, что позволяет более эффективно донести смысл комментария до адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению лингвопрагматических свойств и характеристик комментариев, написанных к постам политического характера, на примере постов премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона.

Мы исследовали политический интернет-дискурс, который является ответвлением политического вида дискурса и рассматривается нами как совокупность текстов, относящихся к области политического дискурса и размещённых в сети «Интернет». Как одна из составных частей политического дискурса и в отличие от других его частей, политический интернет-дискурс характеризуется более свободным стилем изложения, допускающим нецензурную лексику, разговорные слова и выражения, эмоциональные средства выразительности, что делает его пригодным для интенсивного изучения лингвопрагматических особенностей присущих ему текстов и дальнейшего выявления характеристик языковой личности.

Личность индивида может быть оценена исходя из того воздействия, которое он может оказать на других людей; эффективность воздействия индивида зависит от того, как и с какой силой отправитель сообщения подаёт информацию, с помощью каких стратегий и тактик оказывает влияние на адресата.

Опираясь на работы учёных в данной области, мы классифицировали стратегии и тактики в отобранном нами массиве комментариев по следующим критериям: по принципу текстопорождения, по методу воздействия на читателя, по принципу введения новой информации и акцентирования внимания читателя. Комплексный анализ данных стратегий и тактик показал, что в зависимости от цели автор обращается к той или иной тактике. Например, для создания объективной дискуссии с последующим привлечением адресата на другую сторону авторы используют стратегии и тактики по принципу текстопорождения, так как они обращаются к исходному тексту; если же необходимо переключить внимание читателя без отдельной аргументации, тогда целесообразнее обратиться к

стратегиям и тактикам, сгруппированным по принципу введения новой информации и акцентирования внимания. В процентном соотношении весь имеющийся массив комментариев примерно в равных долях рассредоточен между всеми стратегиями и тактиками.

Как показал анализ стратегий и тактик, они могут быть усилены путём применения разнообразных средств стилистической выразительности на разных языковых уровнях. Среди основных используемых стилистических приёмов нами были отмечены:

- на графическом уровне: хештеги, избыточные знаки препинания, капитализация и др.;
- на фонетическом уровне: ассонанс;
- на лексическом уровне: слова в несвойственном им контексте, лексические повторы, обценная лексика, окказионализмы, идиомы, эпитеты и др.;
- на морфологическом уровне: обобщающие формы местоимений, императивы, различные временные формы глаголов с целью их стилистического выделения, аграмматизм и др.;
- на синтаксическом уровне: парцелляция, многоточие, инверсия, риторические вопросы и др.

В количественном соотношении преобладают средства стилистической выразительности на графическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Данный факт соответствует особенностям политического интернет-дискурса, поскольку в условиях нахождения в интернет-пространстве данные уровни являются наиболее эффективными для выражения какого-либо акцента, чем, к примеру, фонетический уровень, реализовать который в данных условиях будет значительно сложнее.

Помимо анализа применения стратегий и тактик, был проведён анализ интернет-комментариев с позиции теории речевых актов, который показал, что речевыми актами, находящимися в основе интернет-комментариев, являются асертивы, директивы и экспрессивы. Использование именно этих видов речевых актов объясняется самим характером комментариев: как правило, реакция общества на какое-либо событие заключается либо в ответной реакции на него

путём выражения согласия или несогласия с ним (ассертивы), либо в желании каким-либо образом изменить уже сделанное решение или же оказать какое-либо влияние на говорящего (директивы), либо в выражении своего эмоционального отношения к рассматриваемому вопросу, не преследуя при этом конкретной воздействующей на адресанта цели (экспрессивы). Комиссивы и декларативы практически не представлены в рассматриваемых комментариях в силу отсутствия необходимого базиса для составления подобных заявлений. Взаимодействуя с речевыми стратегиями и тактиками, речевые акты интегрируются с их структурой и в совокупности представляют лингвопрагматический потенциал интернет-комментариев. В количественном соотношении положительные и отрицательные комментарии равномерно распределены между тремя видами речевых актов, в то время как нейтральные комментарии встречаются только в ассертивах и директивах.

Результаты анализа показали, что на основании комментариев электората в социальных сетях можно сделать выводы общего плана об общественном отношении к Борису Джонсону как политической персоне:

1) отношение к политику неоднозначно: комментирующие стороны можно разделить на 3 группы. Первые всецело поддерживают политика, вторые жёстко и категорично его критикуют, третьи придерживаются нейтральной позиции, не выражая своего личного мнения;

2) на фоне второй и третьей групп комментаторов наблюдается тенденция преобладающего негативного отношения к Борису Джонсону как к политику: бóльшая часть электората не поддерживает решений премьер-министра;

3) интернет-комментарии содержат в себе имплицитный лингвопрагматический потенциал, который позволяет при корректно проведённом анализе установить как отношение общества к комментируемому предмету, так и скрытые интенции самого автора комментария.

Таким образом, теоретические предположения о взаимовлиянии видов и подвидов дискурса, сделанные нами в первой главе, наряду с предложенными во второй главе классификациями характерных для интернет-комментариев стратегий

и тактик, были подтверждены эмпирическими данными, которые были представлены во второй главе.

Представляется, что предложенный в ходе исследования анализ лингвопрагматического потенциала интернет-комментариев может быть использован для дальнейшего изучения взаимосвязи между субъектами комментариев и обсуждаемыми ими объектами в рамках политического дискурса, а также при исследовании интеграции интернет-дискурса с другими видами дискурса. В дальнейших исследованиях по данной тематике планируется увеличение масштабов исследования, а также количества имеющейся фоновой информации об авторах комментариев путём использования технологий машинной обработки информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакова, М. Л. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе / М. Л. Авакова, О. Н. Будняя // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 465-467.
2. Акинина, О.П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений (на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX–XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук / О.П. Акинина. – Волгоград, 2010. – 208 с.
3. Акопов, Г.Л. Политика и Интернет : монография / Г.Л. Акопов. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 202 с.
4. Аكوпова, Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
5. Алексеев, А.В., Шипилова, Д.С. Роль экспрессивных речевых актов в конструировании политического имиджа (на материале твитов американских политиков) / А.В. Алексеев, Д.С. Шипилова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 7–14. – DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-7-14.
6. Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л. Медицинский дискурс. Теоретические основы и принципы анализа / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах. – Вып. 3. – Ставрополь, 2005. – С. 6–14.
8. Алешина, Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса / Е.Ю. Алешина // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 3. – С. 293–299.
9. Алимджанов, А.А. Функциональная семантика вопросительного высказывания в современном американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Алимджанов. – СПб., 2019. – 227 с.

10. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов : учебное пособие / А.Г. Алтунян. – М. : Университетская книга ; Логос, 2006. – 384 с.
11. Андрюхина, Н.В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах : дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Андрюхина. – Самара, 2020. – 229 с.
12. Аникин, Е.Е. Стратегия сопоставления в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Е. Аникин. – Тюмень, 2008. – 22 с.
13. Аракелова, А. Р. Концептуализация и вербализация ценностей англоязычного дискурса моды с учётом их институциональной специфики / А. Р. Аракелова, Т. А. Ширяева // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 98-105.
14. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2002. – 648 с.
15. Асмус, Н.Г. Политический дискурс в виртуальной среде / Н.Г. Асмус // Современная политическая лингвистика : материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 12–14.
16. Асмус, Н.Г. Прагматические особенности заголовков в политическом медиадискурсе / Н.Г. Асмус // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29–30 нояб. 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; РАНХиГС, Урал. ин-т управления ; отв. ред. Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – 1 CD-ROM.
17. Атягина, А.П. Языковая компрессия в Twitter / А.П. Атягина // Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2012. – № 3.
18. Ахренова, Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Ахренова. – М. : МГОУ, 2018. – 363 с.
19. Ахренова, Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики / Н.А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 22–26.

20. Багиян, А. Ю. Особенности репрезентации профессиональных знаний при помощи паремий в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе / А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 55-58.
21. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
22. Бастун, Е.В. Функционально-прагматические характеристики прямой и непрямой коммуникации в политическом дискурсе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Бастун. – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2020. – 178 с.
23. Башук, А.И. Коммуникативные стратегии политического ритуала / А.И. Башук // Политэкс. – 2006. – Т. 2, № 2. – С. 134–144.
24. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
25. Бирюкова, Е.В. Читательский комментарий в электронной версии журнала как жанр интернет-дискурса (на материале немецкого и русского языков) / Е.В. Бирюкова, В.А. Собянина, Ю.В. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-1 (90). – С. 79–82.
26. Богданович, Г.Ю. Особенности лексики в интернет-коммуникации (социальные сети) / Г.Ю. Богданович // II Научная конференция профессорско-преподавательского состава «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» : сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых, 24–28 октября 2016 г. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. – С. 745–746.
27. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
28. Бредихин, С. Н. Лингвостилистические особенности пограничного вида институционального типа дискурса: сравнительный и транслатологический аспекты / С. Н. Бредихин // Язык. Текст. Дискурс. – 2018. – № 16. – С. 41-50.

29. Будняя, О. Н. Обучение студентов неязыковых специальностей межкультурной коммуникации на английском языке (на примере направления подготовки "социокультурная деятельность") / О. Н. Будняя, Е. А. Гончарова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2018. – Т. 9. – № 7-2. – С. 44-51.
30. Варламова, Е.В. Интернет-дискурс как феномен / Е.В. Варламова // Вестник Поморского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2006. – С. 116–119.
31. Васильев, Л.Г. Аргументация и её понимание: логико-лингвистический подход : монография / Л.Г. Васильев. – Калуга : Изд-во Калуж. гос. ун-та, 2014. – 330 с.
32. Воркачѳв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
33. Воробьева, О.И. Политический язык: семантика, таксономия, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.И. Воробьева. – М., 2000. – 39 с.
34. Вульфѳвич, Б.Г., Катермина В.В., Тхорик В.И. Политический потенциал социальной сети "Twitter" / Б.Г. Вульфѳвич, В.В. Катермина, В.И. Тхорик // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Тхорика, В.В. Катерминой, А.М. Примы, А.В. Самойловой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 24–30.
35. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку / К.С. Гаджиев. – М. : Логос, 1997. – 544 с.
36. Галичкина, Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2012. – 40 с.
37. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций : дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Астрахань, 2001. – 212 с.

38. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
39. Гималетдинова, Г.К. Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту / Г.К. Гималетдинова, Э.Х. Довтаева // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79). – С. 42–51. – DOI 10.26170/pl20-01-05.
40. Гончарова, Е.А. Жанрообразующие характеристики англоязычного Твиттера / Е.А. Гончарова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – С. 51–58.
41. Горбачёва, Е.В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Горбачёва. – М., 2007. – 24 с.
42. Горошко, Е.И. Лингвистика новых медиа как один из вызовов лингвистической традиции прошлого / Е.И. Горошко, Л.П. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 43–54.
43. Горошко, Е.И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку) / Е.И. Горошко // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 148–153.
44. Горошко, Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е.И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – С. 9–52.
45. Горошко, Е.И., Землякова, Е.А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы / Е.И. Горошко, Е.А. Землякова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1, ч. 1. – С. 225–237.
46. Горошко, Е.И., Полякова, Т.Л. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления интернет-лингвистики – виртуального жанроведения / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // Жанры и типы текста в научном

медийном дискурсе : межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел, 2014. – С. 238–249.

47. Грушевская, Т.М., Самарская, Т.Б. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации / Т.М. Грушевская, Т.Б. Самарская. – URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fjournal.kfrgteu.ru%2Ffiles%2F1%2F2011_2_16.pdf&name=2011_2_16.pdf&lang=ru&c=5752d4006f07 (дата обращения: 08.05.2021).

48. Гуляева, Е.В. Вербальные средства дискредитации образа политика в американском медиапространстве / Е.В. Гуляева, М.В. Макарова, И.С. Никитина // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3 (81). – С. 61–67. – DOI 10.26170/pl20-03-06.

49. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

50. Гурин, К.Е. Сетевой анализ в исследовании дискурса на примере комментариев интернет-пользователей / К.Е. Гурин // Дискуссия. – 2015. – № 4 (56). – С. 64–69.

51. Дахалаева, Е.Ч. Интернет-комментарии портала «Новости MAIL.RU» как объект лингвистического исследования / Е.Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11418> (дата обращения: 08.07.2020).

52. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван. Дейк ; под ред. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

53. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров : монография / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с. – (Коммуникативные стратегии культуры).

54. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.

55. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 31–44.
56. Денисов, П.Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX в. / П.Н. Денисов. – М. : МАЛП, 1998. – 185 с.
57. Дьяченко, И.А. Функционально-прагматическая специфика политического дискурса / И.А. Дьяченко // Основные проблемы гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград : Спецкнига, 2014. – 72 с.
58. Ергалиева, С.Ж. Политический дискурс в текстодедуктологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов) : дис. ... канд. филол. наук / С.Ж. Ергалиева. – Кемерово, 2018. – 274 с.
59. Желтухина, М.Р. Медиадискурс / М.Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 292–296.
60. Жуков, И.В. Война в дискурсе современной прессы / И.В. Жуков // URL: http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm (дата обращения: 01.06.10).
61. Загоруйко, И.Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №3. – С.56-80.
62. Зюбина, И.А., Матвеева, Г.Г. Предвыборный политический дискурс Д. Трампа и Х. Клинтон (прагмалингвистический аспект) / И.А. Зюбина, Г.Г. Матвеева // 25 лет внешней политике России : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). : в 5 т. – Т. 5 : Социально-гуманитарные аспекты международных отношений : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Мальгина ; [науч. ред.: А.В. Шестопал и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). – М. : МГИМО – Университет, 2017. – С. 171–181.
63. Иванова, С.В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С. 29–33.

64. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
65. Каменева, В.А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели / В.А. Каменева. // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 15– 19.
66. Карамова, А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.) : автореф. ... канд. филол. наук / А.А. Карамова. – Уфа, 2013. – 43 с.
67. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
68. Карасик, В.И. Медийное преобразование реальности / В.И. Карасик // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Волгоград, 6–8 декабря 2018 г. / отв. ред. М.Р. Желтухина. – Волгоград : Перемена, 2019. – 300 с.
69. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
70. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
71. Касавин, И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 437 с.
72. Катермина, В.В, Вульфович, Б.Г. Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса / В.В Катермина, Б.Г. Вульфович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 19–26.
73. Катермина, В.В. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г. / В.В. Катермина, Н.А. Рябченко, С.Х. Липириди, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5 (83). – С. 87–107.

74. Каширин, А.А. Индивидуальный медиадискурс как отражение идиостиля журналиста – ведущего авторской телевизионной программы : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Каширин. – Томск, 2019. – 207 с.
75. Кашкин, В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов : ТГУ, 2005. – С. 337–353.
76. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
77. Кипрская, Е.В. Основные характеристики современного политического текста / Е.В. Кипрская // Текст в системе высшего профессионального образования. – Таганрог : ТГПИ, 2003. – С. 57–58.
78. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов : сборник. – М. : Прогресс, 1986. – 424 с.
79. Компанцева, Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография / Л.Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
80. Копачева, А.Р., Решетова, А.С. Особенности политического интернет-дискурса в сервисе «Твиттер» (на материале твитов Дональда Трампа и Эммануэля Макрона) / А.Р. Копачева, А.С. Решетова // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29–30 нояб. 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; РАНХиГС, Урал. ин-т управления ; отв. ред. Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – 1 CD-ROM.
81. Красных, В.В. Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры: к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов / В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 53–58.
82. Кудимова, О.С. Риторические стратегии воздействия на массовую аудиторию в политическом блогинге : дис. ... канд. филол. наук / О.С. Кудимова. – М., 2019. – 202 с.

83. Куприянов, О.А. Модели информационного взаимодействия российских федеральных телеканалов с аудиторией : дис. ... канд. филол. наук / О.А. Куприянов. – М., 2018. – 193 с.
84. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
85. Лобанова, Т.Н. Внешняя политика КНР и Тайваня: анализ медиадискурса и информационно-коммуникационных технологий / Т.Н. Лобанова. – URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/215569181> (дата обращения: 11.05.2021).
86. Лутовинова, О.В. Докоммуникативные лингвистически релевантные средства самопрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе / О.В. Лутовинова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №2 (39). – С. 236–240.
87. Ляшева, М.Н. Функционирование идеологем в современном развлекательном интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Ляшева. – Ростов н/Д., 2019. – 173 с.
88. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
89. Максимов, Д.А. Отечественные теории политического дискурса / Д.А. Максимов // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – С. 48–51.
90. Манаенко, Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 3. – Ставрополь ; Пятигорск : ПГЛУ, 2005. – С. 22–32.
91. Масгутова, М.Ф., Тляумбетова, Л.Х. Реализация стратегии внушения в политическом дискурсе (на материале выступления президента США Дональда Трампа после инаугурации) / М.Ф. Масгутова, Л.Х. Тляумбетова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18–20 апр. 2018 г. : в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. – С. 54–56.

92. Матвеева, Г.Г. Основы прагмалингвистики : монография / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петров. – 3-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 232 с.

93. Матвеева, Г.Г., Лесняк, М.В. Явное и скрытое речевое воздействие в пространстве политического дискурса (прагмалингвистический аспект) / Г.Г. Матвеева, М.В. Лесняк // 25 лет внешней политике России : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. – Т. 5 : Социально-гуманитарные аспекты международных отношений : в 2 ч. – Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Мальгина ; [науч. ред.: А.В. Шестопад и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). – М. : МГИМО – Университет, 2017. – 389, [5] с.

94. Матыцина, М.С. Исследование политического дискурса в российской и европейской лингвистике: актуальные направления / М.С. Матыцина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 181–187.

95. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / ред. И.Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 283 с.

96. Милосердова, Е.В. Прагматика речевого общения : учеб. пособие / Е.В. Милосердова. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 122 с.

97. Минтусов, И.Е. Цифровые технологии в политической коммуникации (на примере предвыборной борьбы Д. Трампа и Х. Клинтон) / И.Е. Минтусов // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Волгоград, 6–8 декабря 2018 г. / отв. ред. М.Р. Желтухина. – Волгоград : Перемена, 2019. – 300 с.

98. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н.Н. Миронова // Изв. РАН, Сер. лит. и яз. – 1997. – № 4. – Т. 56. – С. 52–59.

99. Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
100. Мишкур, Э. Н. О девиантном узусе в современном политическом дискурсе / Э.Н. Мишкур // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 23–28. – DOI 10.26170/pl19-06-02.
101. Никитенко, А.А. Коммуникативная стратегия самозащиты в немецком политическом дискурсе (на материале выступлений Ангелы Меркель) / А.А. Никитенко // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18–20 апр. 2018 г. : в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. – С. 70–73.
102. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики / Т.М. Николаева. – М. : Прогресс, 1978. – 480 с.
103. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.
104. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
105. Олянич, А.В. Потребности – дискурс – коммуникация : монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Нива, 2006. – 224 с.
106. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса : монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
107. Осташевский, А.В., Руденко, К.Н., Татаринов, А.В. Инструменты моделирования политической и культурной повестки дня в региональных медиа / А.В. Осташевский, К.Н. Руденко, А.В. Татаринов // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 106–111.
108. Остин, Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–130.
109. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение : монография / [Т.А. Ширяева и др.]. – Казань : Бук, 2020. – 148 с.

110. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
111. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Паршина. – Саратов, 2006. – 325 с.
112. Патюкова, Р.В. Сопоставительный анализ понятий публичной и политической коммуникации / Р.В. Патюкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. – С. 67–72.
113. Перцева, В.Г. Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц) : дис. ... канд. филол. наук / В.Г. Перцева. – Иваново, 2017. – 229 с.
114. Пешё, М. Прописные истины / М. Пешё // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 225–290.
115. Плотникова, С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С.Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе : коллектив. монография / под ред. С.Н. Плотниковой. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – С. 6–43.
116. Попова, В.А. Слова в сетях массмедиа / В.А. Попова // Медиалингвистика. – 2017. – № 1 (16). – С. 111–122. – URL: <https://medialing.ru/slova-v-setyah-massmedia/> (дата обращения: 09.05.2021).
117. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефлбук ; Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
118. Прима, А.М. Дискурс: подходы к определению / А.М. Прима // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. – С. 128–134.
119. Пупыкин, Р.А. Технологии использования социальных сетей в избирательных кампаниях / Р.А. Пупыкин // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 1. – С. 19–26.

120. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. Вып. 8. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. – С. 66–78.
121. Романов, А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход / А.А. Романов. – М. ; Тверь : ИЯ РАН : Изд-во ТвГУ, 2002. – 191 с.
122. Рублева, Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Рублева. – М., 2006. – 23 с.
123. Руженцева, Н.Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста : монография / Н.Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 208 с.
124. Рыбачук, К.Ю. Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке : дис. ... канд. филол. наук / К.Ю. Рыбачук. – СПб., 2019, – 247 с.
125. Рыжков, М.С. Речевые стратегии и тактики интернет-коммуникации (на материале чатов) / М.С. Рыжков // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллектив. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – С. 72–86.
126. Рядчикова, Е.Н., Белецкая, М.А. К вопросу о нравственности речевой манипуляции в политических СМИ // Е.Н. Рядчикова, М.А. Белецкая // *Fundamental science and technology – promising developments VII* : материалы VII Международной заочной научно-практической конференции «Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки» (1–2 декабря 2015 г., North Charleston, USA). Т. 2. – С. 194–198.
127. Сабаева, Ю.С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском радиодискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Сабаева. – Томск, 2019. – 179 с.
128. Савельева, И.В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Савельева. – Кемерово, 2013. – 26 с.

129. Савенков, В.Д. Место и роль блогосферы в системе массовой коммуникации (на примере России и США) : дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Савенков. – М., 2019. – 237 с.

130. Саттарова, Р.В. Средства моделирования властных отношений в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Саттарова. – Уфа, 2019. – 274 с.

131. Сегал, Н.А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение) : дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Сегал. – Краснодар, 2019. – 422 с.

132. Семенова, Т.В. Особенности языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе (на материале свободного стиха У.Х. Одена) : дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Семенова. – Владикавказ, 2019. – 190 с.

133. Серебрякова, С.В., Кущева, Е.А. Лингвопрагматические особенности использования речевых актов в туристической рекламной коммуникации / С.В. Серебрякова, Е.А. Кущева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – С. 169–172.

134. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.

135. Сёрль, Дж. Классификация иллокутивных актов. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов : сборник : пер. с англ. / Дж. Сёрль ; сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова ; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–195.

136. Сёрль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 151–169.

137. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М. : ЛКИ, 2009. – 232 с.

138. Сковородников, А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой

жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика↔Лингвистика. Вып. 5 : сб. статей. – Смоленск : СГПУ, 2004. – С. 5–11.

139. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.

140. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова ; отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2011. – 252 с.

141. Степанов, Ю.С. Между системой и текстом – дискурс / Ю.С. Степанов // Степанов, Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 655–689.

142. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

143. Суворова, М.В. Трансдискурсивная модификация модели метафоры (на материале научного, научно-популярного и популярного дискурсов) : дис. ... канд. филол. наук / М.В. Суворова. – Пермь, 2019. – 190 с.

144. Суханов, Ю.Ю. Семантические и когнитивные особенности предвыборной риторики в политическом дискурсе (на материале выступлений политиков США) : дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Суханов. – М., 2018. – 160 с.

145. Топчий, И.В. Эмоциональный фон комментария как результат различных способов его оценки / И.В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 3 (33). – С. 175–181.

146. Тортунова, И.А. К вопросу о жанровой классификации политических PR-текстов / И.А. Тортунова // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 32 : сб. статей. – М. : МАКС Пресс, 2006. – С. 78–87.

147. У, А. Стилистические и лингвопрагматические характеристики публичной речи политических лидеров России конца XX и начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук / А. У. – М., 2019. – 202 с.

148. Уварова, Е.А. Типологические характеристики новостного веб-сайта как поликодового текста (на примере информационного портала “The Onion”) : дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Уварова. – М., 2018. – 227 с.
149. Универсалуок, Е.А. Медийный социальный диалог в предметной области иммиграции как зона обновления итальянского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. / Е.А. Универсалуок. – Иркутск, 2009. – 21 с.
150. Факторович, А.Л. Стилистическое оформление речевых стратегий (теоретико-лингвистические и теоретико-журналистские аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Л. Факторович. – Краснодар, 2000. – 34 с.
151. Фанян, Н.Ю. Пересечение прямых в пространстве анализа дискурса: каким концептуальным аппаратом пользоваться? / Н.Ю. Фанян // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 22–33.
152. Федулова, М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики) : дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.19 / М.Н. Федулова. – М., 2019. – 315 с.
153. Цуциева, М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук / М.Г. Цуциева. – СПб., 2018. – 411 с.
154. Чанышева, З. З. Прецедентность как когнитивный механизм формирования ценностной составляющей политических слоганов / З. З. Чанышева // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 796-800.
155. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
156. Чижик, А.В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса / А.В. Чижик // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2015. – С. 523–532.
157. Чикилева, Л.С. Прагмалингвистический аспект политического медиадискурса как средства формирования ценностей нации / Л.С. Чикилева // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 82–94.

158. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.
159. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 254 с.
160. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2001. – 238 с.
161. Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в интернете. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml (дата обращения: 08.06.2020).
162. Шевченко (Мальшева), О.П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений (на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX–XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук / О.П. Шевченко (Мальшева). – Волгоград, 2010. – 208 с.
163. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – М., 2005. – 431 с.
164. Шейгал, Е.И., Иванова, Ю.М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации / Е.И. Шейгал, Ю.М. Иванова // *Respectus Philologicus*. – 2004. – № 5 (10), *Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis facultetas*, 2004. – С. 29–41.
165. Шипилова, Д.С. Лингвистические средства реализации коммуникативных стратегий в формировании виртуального имиджа американского политика (на материале предвыборного дискурса в социальной сети «Твиттер») : дис. ... канд. филол. наук / Д.С. Шипилова. – Ростов-н/Д., 2018. – 186 с.
166. Ширяева, Т. А. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса / Т. А. Ширяева, А. Г. Авшаров // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2018. – № 1(54). – С. 94-102.

167. Шурлина, О.В. Лингвопрагматические и жанровые характеристики текста англоязычного веб-браузера : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Шурлина. – Воронеж, 2019. – 178 с.
168. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи / Т.В. Юдина // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. / СПбГПУ. – СПб., 2004. – С. 172–185.
169. Якоба, И.А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / И.А. Якоба. – Иркутск, 2020. – 399 с.
170. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко // Языки славянской культуры, 2001. – 384 с. – (Studia philological).
171. Bodoc, A. Linguistic instruments employed in political discourses. Manipulation tools or expressions of human universal behaviour? / A. Bodoc // Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series IV: Philology and Cultural Studies. – 2018. – Vol. 11 (60), No. 2. – Pp. 49–70.
172. Crystal, D. The scope of Internet linguistics / D. Crystal. Paper given online to the American Association for the advancement of Science meeting, February 2005. – URL: <http://www.davidcrystal.com/books-and-articles/internet-language> (дата обращения: 08.06.2020).
173. Dijk van, T. Social cognition and discourse / T. van Dijk // Handbook of Language and Social Psychology. – New York : John Wiley and Sons, 1993. – 628 p.
174. Dorris, A. Graber. Methodological Developments in Political Communication Research. Handbook of political communication research / edited by Lynda Lee Kaid. p. см. – (LEA's communication series). – Pp. 45–67.
175. Heracleous, L. Discourse, Interpretation, Organization / L. Heracleous. – Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge CB2 8RU, UK. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York. – 218 p.
176. Herring, S.C. Computer-Mediated Discourse / S.C. Herring // Schifffrin, D. The Handbook of Discourse Analysis (Blackwell Handbooks in Linguistics) / D.

Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton (eds.). – Oxford : Blackwell Publishers, 2001. – Pp. xx + 851.

177. Higgins, M. Mediatisation and political language (p. 383–397) / M. Higgins // The Routledge handbook of language and politics / edited by R. Wodak and B. Forchtner. – Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, [2017]. – 739 p.

178. Joseph, J.E. Language and Politics / J.E. Joseph. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 176 p.

179. Krippendorff, K. Content analysis : an introduction to its methodology / K. Krippendorff. – 2nd ed. Sage Publications, Inc. 2004. – 412 p.

180. Morris, M., & Ogan, C. (1996). The Internet as a Mass Medium / M. Morris, C. Ogan // Journal of Communication, 46, 39–50. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1460-2466.1996.tb01460.x> (дата обращения: 11.05.2021).

181. Parret, H. Semiotics and Pragmatics: An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks / H. Parret. – Amsterdam ; Philadelphia, 1983.

182. Politically speaking : a worldwide examination of language used in the public sphere / edited by O. Feldman and C. De Landtsheer. – 212 p.

183. Rogers, E.M. Theoretical Diversity in Political Communication : Handbook of political communication research / E.M. Rogers ; edited by Lynda Lee Kaid. p. cm. – (LEA's communication series). – Pp. 3–16.

184. Rubinelli, S. Rhetoric as a civic art from antiquity to the beginning of modernity. (pp. 17–29) / S. Rubinelli // The Routledge handbook of language and politics / edited by R. Wodak and B. Forchtner. – Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, [2017]. – 739 p.

185. Sinclair, J. Toward an Analysis of Discourse / J. Sinclair, R.M. Coulthard. – Oxford : Oxford University Press, 1975.

186. The Routledge handbook of language and politics / edited by R. Wodak and B. Forchtner. – Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, [2017]. – 739 p.

187. Torfing, J. Discourse Theory: Archivments, Arguments, and Challengers / J. Torfing // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance. Palgrave Macmillan. – 2005.

188. Wodak, R., Forchtner, B. Introducing the language-politics nexus. (pp. 1–14) // The Routledge handbook of language and politics / edited by R. Wodak and B. Forchtner. – Milton Park, Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, [2017]. – 739 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

189. <https://twitter.com/borisjohnson>. Официальный аккаунт премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона.